

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2006

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. 223с.

ISBN 5-94356-386-5

В сборнике публикуются доклады участников региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
канд. филос. наук Н. В. Головкин*

ISBN 5-94356-386-5

© Коллектив авторов, 2006

© ИФПР СО РАН, 2006

© Новосибирский государственный
университет, 2006

Содержание

Раздел I Социальные исследования	9
<i>Аблажей А.М.</i> Категория «молодых ученых»: формальные и неформальные критерии выделения	9
<i>Абрамова М.А.</i> Невербальные формы отражения этнического самосознания личности: постановка проблемы	11
<i>Ерохина Е.А.</i> Этнические образы в структуре межэтнических взаимодействий	15
<i>Мокишин М.А.</i> Взаимодействие традиционной и современной культур: функциональный подход	19
<i>Артемова И.В.</i> Ценностные ориентации русского населения Хакасии	22
<i>Олейник Н.П.</i> Домохозяйства с минимальным и максимальным уровнем благосостояния в городе и на селе (на примере Иркутской области)	24
<i>Куikliна В. В.</i> Студенты восточных специальностей Бурятского государственного университета: образовательные практики и карьерные перспективы	27
<i>Зазулина М.Р.</i> «Местная» власть в условиях муниципальной реформы: опыт сельских сообществ Новосибирской области	29
<i>Сариев Ф.Б.</i> Кооперирование сельхозпроизводителей – требование времени	35

<i>Белгородская Л.В.</i> Российская идентичность в западном общественном сознании	39
<i>Рыжаков О.В.</i> Социологическое исследование как метод самостоятельной работы студентов	41
<i>Осташкова О.А.</i> Представления о карьере: факторы влияния ...	43
<i>Батилов А.Д., Кочконов К.М.</i> Кыргызы за рубежом как объект национальной политики Кыргызстана	45
Раздел II Философские исследования	51
<i>Философия, логика и методология научного знания</i>	51
<i>Головко Н.В.</i> Проблема операциональных ограничений в контексте проекта элиминации теоретических терминов: теорема Крэйга	51
<i>Хлебалин А.В.</i> Семантические основания антиреализма	55
<i>Сторожук А.Ю.</i> Философские следствия взглядов на природу перцепции	60
<i>Нестеров А.Ю., Троицкая Ю. В.</i> Аналитические дефиниции понимания	64
<i>Курманбек уулу Т., Серен А.Ю.</i> Философские аспекты обработки сигналов	69
<i>Колмакова Е.А.</i> Рациональность действия	72
<i>Крейдич С.Г.</i> Проблема онтологических оснований науки	74
<i>Воин А.М.</i> Метод обоснования в гуманитарных науках	76
<i>Суханова Н.П.</i> Методологические проблемы в психологической науке	77

<i>Арнаутова В.С.</i> Проблемы изучения сознания	79
<i>Рузанкина Е.А.</i> Философия науки как методологический ресурс научного исторического исследования	81
<i>Литовка И.И.</i> К вопросу об интерпретации текста Московского математического папируса	84
 <i>История философии в новом интеллектуальном контексте</i> 89	
<i>Вольф М.Н., Берестов И.В.</i> Проблемный подход как историко- философская методология	89
<i>Берестов И.В.</i> Возможные отношения между онтологией, гносеологией и аксиологией	95
<i>Елашкина А.В.</i> Разум и рассудок в философии Платона	100
<i>Бабак М.В.</i> К проблеме истории современной философии (предварительные замечания)	103
<i>Грозина Н.А.</i> Анализ дискурса и власти в философии Фуко	107
<i>Дондокова Б.Б.</i> Проблема будущего в философии экзистенциализма	110
<i>Ракимгулова С.Б.</i> Категория понимания в герменевтике Ф. Шлейермахера	112
<i>Карелина Е.В.</i> Диалектическая система теоретизирования в произведении Л.П. Карсавина «О личности»	116
<i>Осокина А.Н.</i> Поступок как основная нравственная категория в философии М.М. Бахтина	119
<i>Завьялова Т.Г., Трубникова Н.В.</i> «Психология и механика» Ли Цзунъю: к проблеме философии науки в китайской мысли новейшего времени	120

<i>Сысоева А.Е.</i> Художественное воплощение сутры «Хуаянь цзин» как символ окончательной китаизации буддизма	123
<i>Васильева Е.А.</i> Место творчества Цзэн Гофана в китайской философской традиции	124
<i>Степаненко М.В.</i> Развитие неоконфуцианства в период династии Юань (на примере творчества Лю Цзи)	127
<i>Гололобова В.Н.</i> Здоровье как ценность в истории западной философии	129
<i>Социально-философские исследования</i>	132
<i>Чистанов М.Н.</i> Онтология и борьба с метафизикой	132
<i>Вертгейм Ю.Б.</i> Теории современного общества: опыт социально- философского анализа	135
<i>Щекотин Е.В.</i> Общество риска и цивилизация качества: к определению онтологической картины современного мира	139
<i>Рыжененков Е.В.</i> Глобальная трансформация властных отношений: экспансия наднациональных структур	141
<i>Салихова Е.А.</i> Способы постижения Другого в социальном мире	145
<i>Поваляев В.А.</i> Необходимость философии права как науки	148
<i>Дидикин А.Б.</i> Философия права Р. Дворкина и современный либерализм: от натурализма к реализму	149
<i>Зайцев И.В.</i> Российское общество в процессе трансформации и проблема маргинализации	152
<i>Болтовская Л.А.</i> Власть в современной России: гендерное измерение	154

<i>Топчиев В.В.</i> Функциональные особенности идеологии	156
<i>Финк Р.А.</i> Национальная идея как специфическая форма идентичности	159
<i>Рыманов Д.М.</i> Критерии и способы исчисления цивилизаций ...	161
<i>Гриценко А.А.</i> Методологические основы моделирования феномена безопасности	164
<i>Этика, философские вопросы культуры и образования</i>	167
<i>Тотышева С.С.</i> Фразеологизмы как объект изучения лингвокультурологии	167
<i>Немцев М.Ю.</i> Некоторые герменевтические принципы понимания текста	171
<i>Петров В.В.</i> Специализированное обучение: справочный материал и умение мыслить	174
<i>Кирилова А.В.</i> К вопросу о культурологической характеристике художественной среды в России XIX века	176
<i>Мосиенко Л.И.</i> Социокультурный смысл нигилизма	178
<i>Курган А.А.</i> Опыт феноменологии «дежа вю»	180
<i>Зубов П.А.</i> Философские аспекты теорий виртуальной реальности	185
<i>Арстамбекова Н.Дж., Зенкова А.С.</i> Здоровье как основополагающая ценность человеческой жизни	187
<i>Колесникова Э.А.</i> Культурный контекст в современной методике изучения иностранных языков	189

<i>Цепелева Н.В.</i> «Кто не любит добра?»: опыт герменевтического анализа	190
--	-----

Раздел III Теоретические проблемы права 194

<i>Дидикин А.Б.</i> Методологические проблемы сравнительного конституционализма	194
---	-----

<i>Берг Е.Е.</i> Влияние требования Европейской конвенции о соблюдении “разумного срока” судебного разбирательства на российское законодательство и практику	198
--	-----

<i>Серкова Е.Ю.</i> Защита Конституционным Судом РФ права на свободу и личную неприкосновенность человека и гражданина	200
--	-----

<i>Кириченко К.А.</i> Обычай как источник права, регулирующего отношения в электронной коммерции	203
--	-----

<i>Дидикина Ю.Б.</i> Правовая природа уступки права требования	206
---	-----

<i>Марусов А.Ю.</i> Проблемы научного познания сущности феномена интеллектуальной собственности	209
---	-----

<i>Загивный В.А.</i> Конституционные основы экономической деятельности	212
--	-----

<i>Бухтоярова О.А.</i> Процессуальное положение прокурора в исковом производстве	215
--	-----

<i>Кусаинова А.К.</i> Гражданско-правовое регулирование общественных отношений, связанных с перестрахованием, в республике Казахстан	218
--	-----

Раздел I

Социальные исследования

КАТЕГОРИЯ «МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ *

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН

Определение категории «молодые ученые», прочно утвердившейся как в науковедческих исследованиях, так и в официальных документах органов власти и грантодающих организаций, не так очевидно и понятно, как это могло бы показаться. Действительно, при использовании данного термина встает необходимость четкого и безусловного понимания, как минимум, двух важнейших составляющих: «молодой» (решающую роль может играть возраст или профессиональный опыт) и «ученый» (начинающий, состоявшийся, наличие формальных признаков, например, диплома или ученой степени). В настоящем материале мы попытались проанализировать практику данного термина, сложившуюся в российской и мировой науке, в результате чего выяснилось, что существуют несколько четко очерченных традиций.

Первая традиция преобладает в российской науке, но в известной мере характерна и для европейского научного сообщества, в частности, она фигурирует в документах ИНТАС; такого же рода ограничения все чаще присутствуют и в информационных письмах конференций, проводимых в Азии (например, в Китае). Для данной традиции определяющую роль играет введение четких возрастных ограничений. Как правило, в последние 5-6 лет речь идет **о 35 годах**. Приведем для примера условия конкурса на соискание грантов, объявленного Международным историко-просветительским и правозащитным Обществом "Мемориал", Центром независимых социологических исследований и Фондом имени Генриха Бёлля в мае 2006 г.: «к участию в конкурсе приглашаются студенты, аспиранты (дневной и заочной форм обучения), соискатели ученой степени кандидата наук, вузовские преподаватели, школьные учителя, ученые (историки, политологи, юристы, социологи и т.д.) **не старше 35 лет**». (1) Отметим, что для России введение именно таких воз-

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ (проект № 04-03-00462а «Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития»).

растных ограничений произошло не так давно, и в документах, регламентировавших, например, деятельность РАН в 1990-е гг., можно было встретить упоминания о **29, 32** или **33** годах (например, при ведении статистической отчетности по научным кадрам, что автоматически распространялось и на формальные критерии при объявлении конкурсов грантов). Таким образом, в данном случае главенствует формальный подход и сразу по достижении возраста **36** (в Европе иногда и **40**) лет исследователь уже не может считаться молодым ученым, хотя бы он и защитил диссертацию только что.

Известной вариацией такого подхода можно считать стремительно утверждающуюся в мировой науке (отчасти она становится характерной и для отечественной традиции) тенденцию отталкиваться от квалификационного уровня конкретного ученого. Так, в последнем объявлении о совместном конкурсе Министерства образования и науки Российской Федерации и Американского фонда гражданских исследований и развития (CRDF) претендовать на грант могут ученые, у которых после защиты кандидатской диссертации прошло не более 6 лет. Никаких возрастных ограничений (во всяком случае, формально) при этом не предусмотрено. Очевидно, что данная традиция сориентирована прежде всего на программы для соискателей финансовой поддержки, только что защитивших диссертации на степень PhD (постдоков). На протяжении определенного времени (цифры могут разниться, от **2 до 8 лет** после защиты диссертации), они, как правило, и составляют основной массив категории молодых ученых, получая право участвовать в соответствующих конкурсах на получение грантов. Таким образом, формальные ограничения, как правило, есть и в этом случае. Иногда логика составления условий конкурсов такова, что именно исследователь, пройдя через четко формализованную процедуру защиты диссертации и подтвердивший, тем самым, свое право на вхождение в научное сообщество, имеет законное право как на статус «молодого ученого», так и на участие в соответствующих программах и конкурсах.

Наконец, еще один подход. Здесь критерии сформулированы весьма неопределенно, хотя формальные цифры тоже могут иметь место, и оставляют простор для маневра. Например, один из международных фондов, специализирующийся на финансовой поддержке исследований в области биофизических исследований, предложил следующее определение молодого ученого: «**талантливый исследователь, который в течение не более чем 5 лет возглавляет собственную лабораторию**». (2) Т.е. поддержка адресно оказывается ученым, доказавшим свою научную состоятельность и испытывающим серьезные, прежде всего, финансовые проблемы при планировании и реализации самостоятельной карьеры. Причем поддержка оказывается весьма солидная: \$250 тыс. в год на лабораторию. Если же речь идет о системе высшего образования, например, молодым преподавателям университета, то здесь претендент на получение гранта не должен занимать должность полного профессора («**the award is for an outstanding contribution to biophysics by a person who has not achieved the rank of full professor at the time of nomination**»).

Таким образом, в мировой науке (а постепенно и в совместных с Россией программах) утверждается подход, который предполагает, что «молодой ученый» - это исследователь, принявший четкое и осознанное решение заниматься наукой, и существуют четкие и понятные критерии, хотя зачастую и неформальные, для констатации этого статуса со стороны спонсирующих фондов или других заинтересованных сторон. Т.е главным критерием может служить не только физический возраст человека, а продолжительность профессионального опыта. Для исследователей, только начинающих свой путь в науке – студентов или аспирантов, которые в российских конкурсах, как правило, также считаются молодыми учеными («к участию в конкурсе приглашаются граждане Российской Федерации – молодые (до 35 лет) студенты старших курсов, аспиранты, преподаватели вузов, ученые, специалисты») (3), существуют особые формы поддержки. Не аспирант, еще раздумывающий, чем он будет заниматься - наукой или бизнесом, а молодой профессионал, не первый год реализующий научную карьеру и имеющий четкую установку на продолжение ее реализации в будущем.

Литература

1. <http://www.rsci.ru/MoreInfo.html?MessageID=4461>
2. http://www.hfsp.org/pubs/HFSP_articles/future.htm (*«program that will support teams of talented young investigators - scientists who are within the first five years of establishing their own independent laboratories».*)
3. Из условий конкурса, объявленного Национальным фондом «Молодые лидеры» в 2006 г.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН

Наше восприятие мира является категориальным, т.е. опосредованным значением, и проблема исследования различных уровней обобщения может быть сформулирована как проблема исследования различных уровней и форм репрезентации объекта субъекту. Одной из важнейших проблем значения является исследование его невербальных форм, в частности существование значения в системе визуальных образов. В исследовании значения наиболее

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН – 2005 (проект № 152).

изученными являются формы фиксации его в языке. Значения же, носителями которых выступают изображения, менее изучены.

Актуальность исследования психосемантики изображений обусловлена возрастающим значением визуальной коммуникации как элемента общественного сознания и фактора формирования современной культуры. В эпоху, когда роль визуальных образов в политике, СМИ, повседневной жизни становится все более важной, потребность в анализе и интерпретации графических образов, учет их воздействия на подсознание реципиентов является актуальным.

Косвенно визуальные образы становятся одним из главных аспектов жизни человека, значительная часть которой, связана с интерпретацией символических средств. Мы используем для выражения своего эмоционального состояния смайлики (J), для обозначения авторства - ©. Различные организации уделяют большое внимание таким визуальным явлениям, как костюмы, флаги и униформа, символические объекты, вывески, фирменные знаки и т.д. Эти образы необходимы, чтобы сделать более реальными для восприятия философские идеи или выдающиеся личности прошлого, направлять эмоции людей в определенное русло. Трудно эмоционально увлечься абстрактным объектом, поэтому религиозные и политические организации сосредотачивают внимание человека на героических персонажах и выдающихся личностях, которые чаще достаточно просто визуально изобразить, они узнаваемы. Реконструкция реального мира в научном сознании не устраняет полностью ни архаичные пласты мировосприятия, ни его образно-художественные формы, создавая внутри индивидуального или общественного сознания взаимодополняющие или конфликтующие гетерогенные образования.

В процессе взросления субъект присваивает общественно выработанные значения, формируя индивидуальную систему значений. Этот процесс вызревания индивидуальных значений раскрыт в работах Л.С.Выготского, Ж.Пиаже, Дж.Брунера, В.В.Давыдова. Выделены различные уровни репрезентации объекта субъекту, начиная от когнитивных структур, имеющих характер перцептивных обобщений, и заканчивая формами опосредованной знаковой репрезентации.

Особое место отведено интерпретации индивидом изображений. Рисуночная деятельность детей издавна привлекала внимание исследователей как возможный метод изучения внутреннего состояния маленького человека, его способности отражать картину мира, мир своих переживаний. Так, в 1887 году вышла книга итальянского исследователя Коррадо Ричи “Дети-художники”, которая в 1918 году была переведена на русский язык. В 1913 году, выходит работа Жоржа Рума “Графический язык ребёнка”. В Германии изучение детского рисунка обобщается в работах К. Лампрехта, Ф. Флейдер в книге “Рождение образа”. Авторы дают анализ зарождения и формирования образа в детском рисунке и переводят его в анализ возникновения и развития художественного творчества ребёнка, идущего по определённой аналогии с развитием мирового искусства.

Обращение к детскому рисунку как средству диагностики обусловлено рядом преимуществ невербальной системы. Во-первых результаты традиционного тестирования с использованием вербальной системы часто свидетельствуют не столько о способностях ребёнка, или его эмоциональном состоянии, сколько об уровне его осведомлённости, сформированности тех или иных навыков и настроении в данную минуту. Во-вторых, большинство традиционных тестов предусматривает использование соответствующего тестового материала (вопросников, бланков, таблиц и т.д.), заполнение которых требует знания последовательности и правил. В-третьих, учитывая возраст отвечающих, невозможно утверждать о тождественном вербальном отражении личных переживаний и умении «правильно» выполнять как процесс декодировки вопроса, так и обратный процесс ответа в виде кодировки своих переживаний в знаках вербальной системы.

Следует выделить целое направление в исследованиях зародившееся 50-х гг. XX в. раскрывающие значение использования рисунков для исследования личности. Оно получило широкое развитие, как за рубежом, так и в России. Большую роль в исследовании детского рисунка сыграли работы А.В. Кларка, М. Линдстрёма, Г. Кершенштейнера, Е. Х. Кнудсена. Исследованиями в области детского изобразительного творчества занимались О.И. Галкина, Е.И. Игнатьев, И.П. Сакулина, Г.В. Лабунская, З.В. Денисова, Л.Н. Бочерникова, В.С. Мухина и др.

Несмотря на недолгую историю графических методов (психодиагностических тестов) разработано много специальных приемов и процедур, вошедших в число классических диагностических средств. Это, в частности, «рисунок человека» тест Ф.Гудинафа, Д.Хариса, тест “Дерево” К.Коха, “Дом-дерево-человек” Д.Бука, рисунок семьи В.Вульфа, которые с разными модификациями использовали В.Хьюлс, Л.Корман, Р.Бернс и С.Кауфман, А.И.Захаров, Е.Т.Соколова, Г.Т.Хоментаскас и др. В отечественной практике, пишут Е.С.Романова и О.Ф.Потемкина в книге “Графические методы в психологической диагностике”, вышедшей в 1992 г., получила распространение диагностическая методика “Пиктограмма”, первоначально предложенная А.Р. Лурия как прием изучения особенностей опосредованного запоминания, а затем весьма детально изученная в работах Г.В.Биренбаум, С.Я. Рубинштейна, С.В.Лонгиновой, Б.Г.Херсонского и др.

Достоинства психосемантического метода применительно к изучению бессознательного состоит в том, что любые шкалы могут рассматриваться в качестве ассоциативных эквивалентов реакций, а на месте стимулов оценки могут фигурировать любые объекты, не только психологические, но и социальные. З.В.Сикевич и Ю.А.Посель разработали методику «цветовая картина социального мира», И.Тупицына и И.С.Кледина апробировали методику по анализу цветового восприятия качеств личности с точки зрения определения их маскулинности, феминности или гендерной нейтральности.

Последний аргумент преимущества рисуночных методов исследования в качестве проективного касается проблем использования тестового материала

в условиях поликультурного общества, когда для респондентов родным языком является отнюдь не тот, на котором составлен инструментарий диагностики. Использование же рисуночных методик, основанных на механизме проекции, не требует никаких специальных приспособлений и инструкций, он не имеет возрастных ограничений. Графические методы, относясь к классу проективных, дают человеку возможность самому проецировать реальность и по своему интерпретировать ее. Поэтому естественно, что полученный результат в значительной мере несет на себе отпечаток личности, ее настроения, состояния, чувства, особенностей представления, отношения, а также, что особенно интересно для нас – **этничности**. Процесс становления личности обусловлен влиянием социокультурной среды, и в частности этнической культуры. Существует лишь одна проблема, состоящая в недостаточном количестве опубликованного материала по интерпретации рисунков в этнокультурологическом контексте, отражающего влияние этнического самосознания реципиента на создаваемые графические образы.

В работах Зигмунда Фрейда процесс отражения подсознания человека в его рисунках связан с теорией «айсберга», где верхушка гиганта «выраженная» в словах, изображениях и поведении может стать свидетельством сложных глубинных процессов. Ученик З.Фрейда, Карл Густав Юнг предложил концепцию архетипов, «универсальных образов», возникающих в мифах, снах, религиозных доктринах и произведении искусства.

Впервые методика проективного рисунка для изучения этнических стереотипов в России была создана и апробирована Т.Ивановой. Модификация данной методики была предложена аспиранткой кафедры психологии человека РГПУ им. Герцена Т.Л.Смолиной (научный руководитель – З.В.Сикевич). Задание методики было связано с изображением типичного представителя какого-либо народа, материалы обрабатывались на основе контент-анализа. В результате исследователям удалось вычленить группы изображений, такие как пища и напитки, национально-бытовые символы, элементы рекламы, техника, ассоциирующиеся у респондентов с этнически обусловленными деталями рисунка. Особую группу составляли «негативные символы». Опыт данной проективной методики показал, что невербальные этнические стереотипы, отражающие неосознаваемые механизмы оценивания, во многом отличаются от словесных стереотипов, в большей мере фиксирующих социальную рефлексию и неинституциональную норму.

К сожалению, анализ литературы по использованию рисунка в качестве диагностического инструментария, показал, что выявление внутренней связи между создаваемым визуальным образом и архетипом подразумевается, но не является предметом специального изучения. Трудности использования такого оценивания, так же как и любых других прямых вербальных методик, состоят в его адресации к защищаемому слою семантических суждений. Интерпретация рисунка, так или иначе, опирается на ту или иную трактовку общепсихологических положений, на субъективный опыт интерпретатора. Объективных же способов интерпретации мало. В то же время доказано, что

люди достаточно устойчиво и весьма дифференцированно приписывают графическим формам определенные оценочные, динамические свойства. Графическая форма хорошо передает отношение к объектам индифферентным для человека, тем более можно ожидать успешной трансляции отношений к таким пристрастно воспринимаемым объектам, как сам человек, окружающие его люди, ценности, этнос и культура в целом. Если вербальные методы исследования позволяют нам изучать групповое или массовое сознание, то использование невербальных методик ориентировано на выявление «социального» бессознательного, которое заметно обуславливает ценностные установки и поведенческие реакции людей.

Учитывая актуальность и недостаточную изученность вопроса применения рисуночных методов в процессе исследования этничности, для нас представляется наиболее интересным изучение этнообусловленной дифференциации значений и смыслов, зафиксированных в сознании современного человека и отображенных в его рисунках.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СТРУКТУРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН

Процессы межкультурной коммуникации и межэтнической интеграции в современном мире приобрели ускоренную динамику, вызванную глобализацией. Необходимость гибко адаптироваться к культурному разнообразию и соседству с иным образом жизни (вследствие миграционных процессов, имеющих направленность «из села — в город», «с юга — на север»), с одной стороны, и инерция развития локальных и региональных сообществ, с другой стороны, создают напряжение, которое нередко подвергает испытанию сложившуюся в том или ином регионе систему межэтнических отношений. Обращение к этническим образам как феноменам этнического самосознания, которые не только отражают, но и конституируют тот или иной характер межэтнических отношений, дает шанс актуализировать столь необходимый сегодня опыт межкультурного сотрудничества.

Этнические образы — продукт социальной категоризации, когнитивного процесса, обуславливающего эффект единообразия «чужой» группы: члены «их» группы воспринимаются более похожими друг на друга, чем члены

* Работа выполнена при поддержке Президиума СО РАН, экспедиционный проект «Историческая память этноса и формирование регионального патриотизма: на примере народов Республики Хакасия и Республики Алтай».

«нашей» группы («они — похожи; мы — разные»). Происхождение этнических образов двойственно. Во-первых, этнические образы и представления о типичных чертах национального характера возникают не столько из предубеждений, сколько из естественного стремления человеческой психики к упрощенному толкованию сложных явлений. Во-вторых, они обусловлены социальными причинами, в числе которых — стратификация общества, одним из критериев которой является этничность [1; 464-465].

Нередко этногенез того или иного народа приобретает интеграционную динамику вследствие появления новой этнической группы, изменяющей сложившуюся этническую структуру и характер этнических процессов в регионе. Так, появление в Сибири русских явилось для коренных народов региона тем «внешним» фактором, который ускорил процессы этнической консолидации в их среде в XVIII-XIX веках. «Диапоризация», как результат трансформации постсоветского пространства и роста миграции населения из государств ближнего и дальнего зарубежья на рубеже XX-XXI веков, инициировала в указанном регионе (не без влияния властных и символических элит) конструирование региональных и локальных межэтнических сообществ.

Осознание различий — более фундаментальное свойство человеческой психологии по сравнению с осознанием сходства, так как последнее предполагает наличие основания для отождествления, чему предшествует сознательное усилие в направлении поиска этого основания. Индивидуальное становление человека происходит через включенность в социальные связи и сети. Безусловно, осознание культурных различий и поиск общечеловеческий культурных универсалий — взаимосвязанные процессы, обусловленные, по Л. Фейербаху, индивидуально-коллективной родовой сущностью человека.

Поэтому, рассуждая об этнических представлениях и характеристиках, раскрывающих образы «своего» и «другого» этноса, следует иметь в виду значение такой значимой для человека потребности, как стремление принадлежать к социальной группе. Потребность в принадлежности к группе, как утверждал известный психолог А. Маслоу, является одной из базовых потребностей человека. Этнический тип самоопределения обладает такой степенью устойчивости, какой не обладает возрастной, профессиональной или неформальной в силу того, что этническая принадлежность в течение жизни человека сохраняет преемственность, тогда как возраст, профессия или круг его общения подвержены изменениям.

Осознание себя частью «своего» народа и ценностное переживание связи с «материнской» культурной становится частью жизненной истории человека. Особенно это относится к так называемым «кризисным» периодам индивидуальной биографии человека, или же к «смутным временам», когда в социальные процессы переходного периода оказываются втянутыми множество людей. Экзистенциальный смысл «заботы» и «ответственности» (в терминологии М. Хайдеггера и М. М. Бахтина) за себя, своих близких, свою семью (род) и родину, нередко имеет прагматическое наполнение. Последнее про-

является в таких социальных практиках, как использование неформальных (родственных и земляческих) связей, рекрутирование элит по этническому принципу, предпочтительный выбор партнера «своей» национальности в деловых и межличностных отношениях (прежде всего в отношениях родства).

Процесс сопоставления этнических образов “мы” и “они” осуществляется путем выделения черт другой этнической группы через соотнесение с обобщенными чертами «своего» этноса. При этом за положительный эталон принимается собственный культурный багаж. Сама принадлежность к “мы” является важным социально-психологическим феноменом, который в психологии называется правилом референтного группового членства. Представители определенного этноса не просто суммируют те или иные черты “другого”: элементы сходства и отличия в образах “мы” и “они” приобретают значение сигналов ценностного характера.

Признавая за этносом свойства референтной группы, правомерно будет определить его как социальную общность, исторически сложившуюся в результате совместной деятельности по освоению определенной территории и сохранившей себя стабильной группой благодаря общности культуры и самосознания.

Основой самоорганизации этноса является противопоставление по принципу “мы” — “они” на основе существующих между этносами культурных различий. Осознание отличий между представителями “своей” и “другой” этнических общностей способствует возникновению представлений об общих для всех членов данного этноса специфических чертах, зафиксированных в автостереотипах, совокупность которых образует систему образов, отражающих особенности “мы”. Баланс позитивных качеств имеет тенденцию смещаться в сторону собственной группы. Отсюда избирательность этнического самосознания. При этом преувеличиваются межгрупповые различия и минимизируются внутригрупповые различия [2; 30]. Этот феномен, известный в социальной психологии как механизм ингруппового фаворитизма (благоприятствование членам собственной группы в противовес членам другой), в этнологии известен как этноцентризм.

Этнический образ — это не только образ представителя конкретной культуры. Это еще и персонифицированный образ самой культуры, который конструируется в процессе самоописания. Маркирующую роль в различении “своих” и “не своих” элементов культуры играет этническое самосознание [3; 9]. Оценивая через призму собственных ценностных представлений свойства и возможности другой культуры, этническое самосознание формирует из “не своих” элементов образ “другого”, который помещается им на собственную периферию.

Располагая характеристики “другого” на границе круга, очерченного им в процессе самоописания, этническое самосознание обозначает культурные границы этнического сообщества. Сама возможность такого самоописания возникает, как правило, при соприкосновении (опосредованном или непосредственном) с нормами и стандартами другой культуры. Осознание отли-

чий ставит представителей культурной общности, каковой является этнос, перед необходимостью самоопределения, осознания значимости ценностей своей культуры, в то время как в моноэтнической среде такая необходимость не особо актуальна.

Элементы культуры, оказавшиеся внутри этого круга, входят в ее структуру в данный момент исторического времени, тогда как те компоненты, которые оказались на его границе или за его пределами, идентифицируются как «чужие», что вовсе не обязательно означает их культурную «чуждость». Образ «другого», помещенный на периферию самосознания — часть багажа данной культуры [4; 14].

Этнические образы предполагают некоторую степень неадекватности в восприятии и «своей», и «другой» культуры. Однако эта неадекватность является необходимым условием взаимодействия. Приобретенные членами этнического коллектива представления позволяют им самоопределиваться в сложной системе межэтнических отношений. Актуализируя в зависимости от ситуации в качестве этнознаковых те или иные черты образа другого, носители этнического самосознания получают возможность прогнозировать поведение другой стороны в межэтнических взаимодействиях.

Думается, что объективным условием межэтнического взаимодействия является необходимость удовлетворения потребностей этнического развития, среди которых следует выделить потребности воспроизводства и рефлексии. Воспроизводство понимается как воспроизведение образа жизни, способа и характера жизнедеятельности этноса, детерминированных его собственной природой, естественно-географическими и общественно-экономическими условиями жизни. Удовлетворение потребности воспроизводства побуждает вступать представителей разных этносов в отношения равноправного или неравноправного сотрудничества в тех сферах, где они имеют общие интересы. Рефлексия — совокупность мыслительных актов, направленных на осознание субъектом взаимодействия своего места во взаимоотношениях с внешним миром, процесс самоопределения в поле пространственной и временной протяженности. Удовлетворение этой потребности требует «другого» как средство самопознания.

Этнические образы и представления выполняют идентификационную функцию при осуществлении ментальных актов, направленных на конституирование автономности субъекта взаимодействия. В мыслительных актах «другой» становится структурным компонентом, имманентным сознанию познающего субъекта.

В то же время этнические образы играют роль регулятора социальных отношений во взаимодействиях этнических коллективов, когда речь идет об удовлетворении потребностей этнического воспроизводства. Оценив через призму ценностных приоритетов собственной культуры свойства и возможности другой, этническое самосознание посредством системы установок межэтнического общения задает условия, при которых межэтническая коммуникация становится возможной и эффективной (до тех пор, пока фокус меж-

группового восприятия не окажется замещенным фокусом межличностного восприятия).

Литература

1. Майерс Д. Социальная психология. — Спб., 1999. — С. 464-465.
2. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. — М., 1990. — С. 30.
3. Арутюнов С. А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. — М., 1989. — С. 9.
4. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблема искусственного разума. — М., 1977. — С. 14.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУР: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

М. А. Мокшин

Новосибирский государственный университет

Современный период развития человечества вместе с отдельными достижениями в различных областях общественной жизни в то же время характеризуется многими задачами, которые требуют оперативного решения. К таким задачам относится проблема взаимоотношения традиционного и современного обществ. В частности, традиционный уклад хозяйства, ведущийся несколько столетий на территориях стран Арктического кольца, приходит в столкновение с индустриальной формой деятельности человека, которая ведется на этих территориях несколько десятилетий. Решение проблемы в России предполагает специального подхода, отличного от опыта других стран, например, Канады, так как представители коренных малочисленных народов проживающих в районах Российского Севера составляют около 9% от общей численности населения: чуть более 1% в Ханты-Мансийском автономном округе и 5% в Ямало-Ненецком [1]. Большинство составляют русские старожилы, потомки приехавших на эти территории несколько столетий назад.

На наш взгляд, для рассмотрения описанных выше задач заслуживает внимания исследование английского антрополога, основоположника функционализма Бронислава Малиновского. Функциональный подход объясняет наличие в обществе тех или иных культурных явлений через выполнение ими какой-либо функции. Для функционалиста культура «составляет огромный аппарат, посредством которого человек ставится в позицию, позволяющую ему наилучшим образом справляться с определенными, совершенно конкретными проблемами, встающими перед ним в процессе его адаптации к окружающей среде при удовлетворении его потребностей» [2].

Дэниэл Литтл замечает, что функциональный подход в объяснение социальных явлений является недостаточным, пока не будет осуществлен выход на уровень индивидуальной деятельности – микроанализ [3]. По его мнению, процесс естественного отбора основательно подкрепляет функционализм в биологии, но в социальных системах проблематично выделить механизмы, которые бы приносили пользу всей системе. Мы считаем, что такие механизмы есть в социальных системах, и их деятельность в определенных условиях создает эволюцию этих систем. Функциональный подход описывает культуру как совокупность институтов, которые возникли как средства для удовлетворения основных и производных (вторичные императивы) потребностей индивида.

Можно выделить четыре инструментальных императива [4]:

- Экономическая организация. «Материальный инструментарий культуры» должен производиться, поддерживаться, распределяться, использоваться и оцениваться. Соответственно исследуя общества и их культуру, необходимо обращать внимание на системы производства, распределения и потребления, а также на такие понятия как собственность, разделение труда, стимулы, богатство и ценность.
- Нормативная система. Человек для достижения целей объединяется в сообщества, для существования и функционирования которого необходимо соблюдение определенного набора норм. Здесь происходит отказ от некоторых личных интересов в пользу коллективных. Поэтому положение, лидерство, власть и иерархия – это те социальные признаки, характеризующие ранние формы цивилизации.
- Властно-силовая организация. Из существования закона следует наличие института принуждения и применение власти как последней инстанции.
- Органы образования. Так как культура есть совокупность достижений нескольких поколений, то возникает потребность в создании институтов для ее трансляции.

Развитие любой общности происходит через удовлетворение первичных и производных потребностей каждого индивида этой общности посредством создания институтов для этих целей. Относительно стабильная система институтов (культура) сохраняет функцию каждого из них и придает устойчивость собственной общности. На базе созданной системы институтов происходит саморазвитие деятельности по удовлетворению потребностей, то есть сама деятельность выступает и средством и результатом [5]. Таким образом, происходит аккумуляция определенных практик, которые впоследствии служат основой для возникновения новых. Если основные потребности вызываются внутренними факторами (биологическими особенностями человека), то производные – как внутренними (биологическими), так и внешними. Например, ребенок может приобрести определенный набор ценностей в процессе воспитания, которые впоследствии станут для него мотивом к действию по удовлетворению своих потребностей. Так, проведение ритуалов укрепляет их

объединяющую силу посредством публичного контроля и возможностью «открытой критической оценки действий участвующих в ней сторон» [6]. Созданные институты в рамках какой-либо культуры могут либо исчезать, либо трансформироваться в зависимости от того, выполняют ли они свою функцию, либо в какой степени происходит это выполнение. Исчезновение институтов может быть связано с отсутствием ресурсов для их функционирования, с отсутствием потребностей в нем или с возникновением условий (основы) для создания такого института, который будет удовлетворять больше потребностей с меньшими усилиями. Эти процессы постоянны во времени и дают основания говорить об оптимизации жизнедеятельности общности. Здесь важно обратить внимание на динамичный характер явлений.

Динамика культур обусловлена их функциональной адаптацией к постоянно меняющимся условиям внешней среды, а также к меняющимся потребностям и стимулам. Представители традиционного общества используют различные инфраструктуры, созданные современным обществом (образование, здравоохранение и др.). В то же время современное общество не может не учитывать традиции другой культуры во взаимодействии с ней. Столкновение культур представляет собой сложный процесс, в результате которого образуется новые культурные реалии [7]. Различия двух субъектов при контакте друг с другом есть предпосылка обмена. Но этот обмен не является простым заимствованием новых элементов, заимствование осуществляется в преобразованном виде, так как «то же самое, оказываясь на другой стороне взаимодействия, становится иным» [8]. В современном глобализирующемся мире избежать подобных культурных обменов невозможно.

Литература:

1. Всероссийская перепись населения 2002 года // <http://www.perepis2002.ru>
2. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 62
3. Литтл Д. Функциональное и структурное объяснение // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX в. Новосибирск 2000, с 188
4. См.: Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 65
5. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981
6. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – С.239
7. См.: Там же. – С. 239
8. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ

И. В. Артемова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

Социальные трансформации последних двух десятилетий в России существенно изменили систему ценностей населения. Тенденции этого изменения являются отражением людьми степени стабильности общества, и с усилением последней приобретают маятникообразный характер, что выражается в возврате к ценностным ориентациям предшествующего периода. Специфика ценностей может по-разному проявлять себя в различных этнических группах, поскольку социальных изменения отражаются ими неодинаково.

В 2005 г. в республике Хакасия было проведено исследование, где анализу подверглись ценностные ориентации русского населения данного региона. Выяснилось, что в иерархии ценностей доминирует семья. На первое место ее поставили 61,6% опрошенных. Далее следуют здоровье (14,5%), материальное благополучие (3,9%), работа (3,4%) и др. Вместе с тем, такие ценности, как религия или этническая принадлежность не являются значимыми ценностями для современных русских, проживающих в Хакасии.

При этом большой разницы в ценностных установках между жителями села и города нет. Исключение составляет лишь отношение к образованию, которое более актуально для горожан. Нет ощутимых различий и в восприятии ценностей между мужчинами и женщинами. При анализе влияния возрастных особенностей респондентов на их ценностные установки вполне закономерным выглядит тот факт, что для молодежи семья важна в меньшей степени, чем для старших поколений. Она на первом месте лишь у 41,5% молодых людей и в то же время у 66% респондентов из средней возрастной группы и у 65,4% из старшей группы. В обратной зависимости находятся установки на карьеру, образование, любовь, свободу.

Образовательный уровень населения является значимым фактором в восприятии им ценностей. Так, семья менее значима для респондентов с высшим образованием: лишь 47,5% из них поставили ее на первое место в иерархии ценностей. Для сравнения, например, среди респондентов со средним специальным образованием семья особенно важна для 68,2%. Кроме того, для самой образованной части опрошенных характерно большее стремление к материальному благополучию (на первом месте оно у 7,5% опрошенных с высшим образованием, 3,8% - со средним специальным, 3,7% имеющих среднее образование и 2,1% у самой необразованной группы).

Любопытен тот факт, что для респондентов, имеющих высшее образование сильнее, чем материальное благополучие актуализирована такая ценность как свобода (она на первом месте у 10% опрошенных из этой группы). В то же время у наименее образованной части русского населения Хакасии

свобода не обозначена совсем. Для респондентов с высшим образованием более чем для других групп важна карьера и работа, тогда как религия и этническая принадлежность не являются значимыми. С понижением образовательного уровня наблюдается обратная тенденция.

Также предстояло выяснить, каковы ценностные ориентации, связанные с трудовыми стратегиями современных русских, их нацеленность на выживание и деятельностные установки. На вопрос, «Какой тип заработка Вы бы предпочли, если бы могли выбирать?» 75% респондентов выбрали ответ «Иметь пусть небольшой, но твердый заработок.» и лишь 24,5% - выбрали вариант «Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий таких заработков в будущем». При этом более половины респондентов (53,1%) – предпочли бы работать на госпредприятии; 21% - иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск; 9,6% хотели бы работать в частной фирме, а 10,6% заниматься свободной профессией.

Наибольшая доля респондентов с активной деятельностной установкой среди лиц с высшим образованием. Также в большей степени она характерна для горожан, нежели для сельских жителей и для молодежи в сравнении с другими возрастными группами. Религиозные и гендерные различия в данном вопросе себя не проявили.

Таким образом, выяснилось, что иерархия ценностей русских в Хакасии достаточно традиционна. Лидирующее место занимает семья. Второй по значимости ценностью является здоровье и на третьем месте, но с большим отрывом, – материальное благополучие. А такие ценности, как работа, карьера, образование существенно отстают. При этом религия, как и этническая принадлежность не являются актуальными ценностями.

Анализ показал, что нет больших различий в построении иерархии ценностей между мужчинами и женщинами, как и между жителями села и города. Наибольшая степень зависимости ценностных ориентаций обнаружена от возраста и образования респондентов. Молодые люди вполне естественно менее ориентированы на семью и более на образование и карьеру, значима для них любовь и свобода. Ценность семьи снижается и с повышением образовательного уровня респондентов. Вместе с тем для группы опрошенных с высшим образованием более важна свобода, материальное благополучие, карьера и работа. Практически нет различий в построении иерархии ценностей между верующими и неверующими респондентами.

Наибольшая доля опрошенных с активной деятельностной установкой среди лиц с высшим образованием и среди молодежи. Чем старше респонденты, тем более они склонны иметь небольшой, но твердый заработок, в то время как более четверти молодых людей предпочли бы иметь собственное дело на свой страх и риск. Ориентация на риск возрастает и с ростом образовательного уровня респондентов. Небольшая разница в ценностных установках, связанных с выбором стратегии выживания существует и между жителями города и села: горожане, как и ожидалось, более активны.

Следует заметить, что не было обнаружено существенной разницы в ценностных ориентациях между группами верующих и неверующих. Вопреки некоторым стереотипам, нормативные установки респондентов не зависят от их религиозности.

Таким образом, если в 1990-е гг. остро стояла проблема выживания, и привычные традиционные ценности стали отходить на второй план, сейчас наблюдается обратная тенденция. Инструментальные ценности постепенно уступают место традиционно-личностным.

ДОМОХОЗЯЙСТВА С МИНИМАЛЬНЫМ И МАКСИМАЛЬНЫМ УРОВНЕМ БЛАГОСОСТОЯНИЯ В ГОРОДЕ И НА СЕЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н. П. Олейник

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск)

Трансформационные процессы, идущие сегодня в стране, отразились на социальном благосостоянии населения. Имеет место увеличивающийся разрыв между доходами бедных и богатых групп населения. Есть основания говорить о происходящей поляризации в стране, то есть направленности социальной и экономической мобильности к полюсам социальной структуры [1]. Необходимо отметить, что уровень жизни, доходы самых бедных и самых богатых людей, проживающих в сельской местности, значительно отличаются от этих показателей 1-ой и 10-ой децилей населения, проживающего в городе. Важнейшим источником информации об уровне благосостояния населения является обследование бюджетов домашних хозяйств, являющихся основным поставщиком и потребителем ресурсов общества. При сравнении бюджетов городских и сельских домохозяйств выяснилось, что основные показатели у городских домохозяйств значительно выше, чем у сельских. Так, валовый доход горожан почти в 2 раза (в 1,86 раза) выше, чем у селян. Расходы на питание у той и другой группы хозяйств существенно не отличаются (1528,4 руб. – у горожан; 1380,2 руб. – у селян). Относительное равновесие по данному показателю достигается с одной стороны большими денежными расходами на продукты питания у городских жителей (1245,2 руб. против 772,2 руб. у селян), а с другой – восполнением селянами разницы стоимостью натуральных поступлений продуктов питания (232,2 руб. – показатель городских жителей; 608,0 руб. – сельских). Значительно отличаются объемы расходов на непродовольственные товары – в 2,3; оплату услуг – в 4,7; потребительские товары – в 2,3 раза в пользу городских жителей.

В таблице 1 отражена информация о денежных доходах и расходах домохозяйств.

Таблица 1 *Денежные доходы и расходы домохозяйств (в среднем на члена домохозяйства в год; тыс. руб.)*

	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Городские домохозяйства			
Денежные доходы	36,8	44,5	54,7
Денежные расходы	36,4	45,8	55,5
Сельские домохозяйства			
Денежные доходы	17,2	19,7	24,1
Денежные расходы	16,8	19,7	24,0

Несмотря на постепенно увеличивающиеся по годам официальные показатели денежных доходов и в городских, и в сельских домохозяйствах так же устойчива разница в них: в 2002 г. – в 2,1; 2003 г. – в 2,2; 2004 г. – 2,2 раза опять в пользу городских домохозяйств.

Существует мнение, что распределение населения по расходам лучше отражает реальное материальное положение людей [2]. Чтобы исследовать структуру денежных расходов мы остановились на показателях расходов городских и сельских домохозяйств с минимальным и максимальным уровнем благосостояния. Изученные данные свидетельствуют о том, что основными статьями денежных расходов городского и сельского населения как с минимальным, так и с максимальным уровнем благосостояния являются продукты питания и непродовольственные товары. Однако у 1-й децили городских жителей расходы на продукты питания (51,4% в 2002г.; 53,9% в 2003 г.; 47,4% в 2004 г.) устойчиво в 2-2,5 раза превышают расходы на непродовольственные товары (24,5%; 21,8%; 22,2%) соответственно по годам, а у 10-й децили доминируют расходы на непродовольственные товары (44,4% - в 2002 г.; 38,2% - в 2003 г.; 46,3% - в 2004 г.), тогда как на продукты питания данной группой было потрачено 24,7% - в 2002 г.; 18,7% - в 2003 г.; 18,3% - в 2004 г.

Картина показателей денежных расходов сельских домохозяйств с различным уровнем благосостояния резко контрастирует с показателями денежных расходов городских жителей. У 1-й децили сельских домохозяйств расходы на продукты питания уже в 2,5-3 раза превосходят расходы на непродовольственные товары. Так, данной группой в 2002 г. на продукты питания было потрачено 69,5% денежных доходов; в 2003 г. – 66,7; в 2004 г. – 67,6%, а на непродовольственные товары 23,4%; 26,7%; 24,7% соответственно. Самая состоятельная группа селян (10-я дециль) также большую часть денежных доходов тратила на продовольственные товары (2002 г. – 42,7%; 2003 г. – 41,9%), на непродовольственные – 37,6%; 35,0% соответственно. Лишь в 2004 году показатель расходов на непродовольственные товары (42,5%) превысил показатель расходов на продукты питания (31,2%).

Оценивая вклад каждой компоненты дохода (расхода) в общее неравенство, выяснилось, что самыми значительными компонентами, отражающими разницу в расходах между городскими и сельскими домохозяйствами являются «оплата услуг» (в 4,7 р.), «непродовольственные товары» (в 2,3 р.); денежные доходы также отличаются: в городе они в 2,2 раза больше, чем на селе. При анализе структуры расходов первой и десятой децилей наблюдаются наибольшие траты на продукты питания и непродовольственные товары. Однако у 1-й децили городских домохозяйств расходы на продукты питания в 2-2,5 раза выше, чем на непродовольственные товары, а у 10-й децили в 1,8-2,5 раза доминируют расходы на непродовольственные товары. В селах же картина следующая: и у 1-й, и у 10-й децилей сельских домохозяйств расходы на продовольственные товары превышают расходы на непродовольственные. Лишь в 2004 г. у 10-й децили селян расходы на непродовольственные товары превысили расходы на продукты питания. Важно отметить, что данные по компонентам «оплата услуг» и «другие расходы» в городских и сельских домохозяйствах резко отличаются. У исследуемых 1-й и 10-й децилей городских домохозяйств разница в расходах по этим компонентам не превышает 1,3 раза, в сельских домохозяйствах эта разница достигает 3,5-4 раз. Получается, что даже самую богатую группу домохозяйств с их членами, проживающих в сельской местности лишь условно можно считать состоятельной или богатой, не говоря уже о других девяти группах, имеющих меньшие доходы.

Литература

1. Балабанов А. С., Балабанова Е. С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социол. исслед. 2003. №7.
2. Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социол. исслед. 2003. №6.

СТУДЕНТЫ ВОСТОЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И КАРЬЕРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ*

В. В. Куклина

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск)
Центр независимых социальных исследований и образования

Само название Бурятского государственного университета имеет двойственную окраску. С одной стороны, оно обозначает принадлежность к определённому субъекту федерации, с другой – к наименованию этнической группы. Последнее может порой воплощаться в социальных практиках, имеющих этническую маркировку и возможно даже обуславливающих воспроизводство этничности. Бурятский государственный университет был сформирован в 1992 году на основе объединения Бурятского государственного педагогического института и Бурятского филиала Новосибирского государственного университета. Основные административные, финансовые, капитальные ресурсы принадлежали пединституту, Бурятский филиал обладал скорее символическими ресурсами – его преподавателями в основном являлись научные сотрудники Бурятского научного центра. Однако данный ресурс сыграл значительную роль в дальнейшей карьере многих студентов.

Потенциальными студентами университета являются жители Байкальского региона – на них направлено в первую очередь внимание. Среди актуальных для данного региона проблем является депрессивное положение его субъектов, за исключением Иркутской области. С этим связаны низкие заработные платы, высокий уровень безработицы и в целом ухудшение условий жизни. Определённым ресурсом для развития региона может служить его географическое положение близ границы с Китаем и Монголией. Тесные экономические связи с ними подразумевают необходимость знания языка, культуры жителей этих стран. Поэтому не случайным выглядит открытие

* Исследование проведено в рамках проектов при поддержке Фонда Форда: «Новая формула науки» (исследовательская часть реализована творческим коллективом: Н. Форрат, А. Космарский, В. Куклина, М. Сафонова, У. Сересо́ва) и «Высшее образование и “этнический ресурс”: стратегии в полиэтничном сообществе» (АНО ИЦ «Внутренняя Азия», творческий коллектив: И.Т. Абдулова, П.К. Варнавский, В.В. Куклина, Ю.Н. Пинигина, Д.М. Сахарных, Р.Ш. Харунов. Результаты исследования см. также И. Абдулова, В. Куклина. Боханский филиал БГУ – особенности образа студентов и образовательный процесс. http://www.innerasia.ru/cms_dir51/content_51.html И. Абдулова, В. Куклина. Ресурсы и практики высшего образования: филиал национального университета в национальном округе).

восточных факультетов в 90-х годах во многих вузах, в том числе и в только открывшемся университете.

В республике в советский период была довольно распространена практика обучения молодых людей в вузах за пределами родного города. С открытием Бурятского филиала НГУ у абитуриентов появилась надежда получить качественное образование, не выезжая за пределы республики в условиях ухудшения экономических условий. В основном, выпускники восточного факультета, с которыми нам удалось побеседовать, были либо из самого Улан-Удэ, либо из крупных населённых пунктов. Филиал оказался тем местом, в котором могли себя реализовать талантливые и социально активные молодые люди, а причастность филиала к другому, более «престижному» городу, уже априори делала его самого более привлекательным для учёбы. В дальнейшем же, с формированием восточного факультета его престижность подкрепляется тем, что укрепляются экономические, культурные связи с восточными странами, увеличивается престиж востоковедных знаний.

В Бурятском государственном университете восточный факультет (востфак) стал наследником гуманитарного факультета, существовавшего в Бурятском филиале Новосибирского государственного университета, и продолжил подготовку специалистов со знанием самых разных восточных языков - филологов, историков, философов, археологов. Основным предлагаемым абитуриентам продуктом является даже не собственно восточная культура, а максимально широкая востребованность выпускаемых специалистов. Их выделяет знание языков, причём не только восточных, но и английского. Определённую роль в выборе факультета и специальности играет знание бурятского языка. Выпускники факультета оказываются востребованными в совместных с восточными странами предприятиях, в научных институтах не только родного города, но и других более крупных западных российских городов (Томск, Новосибирск, Москва, Санкт-Петербург)

Боханский филиал БГУ занимается подготовкой тех же филологов, историков, но без усиленного изучения английского языка, плюс ещё естественно-научные специальности, физическая культура, начальное образование, национально-гуманитарный институт, т.е. практически те, на которых могли учиться будущие сельские учителя. После второго курса студенты переходят в головной вуз – в Улан-Удэ, там в течение одного года они учатся в отдельных группах, постепенно адаптируясь к новому образовательному ритму. В настоящее время усиливается разрыв между образовательными стандартами в школе и при поступлении в вузы, т.е. абитуриенты должны либо учиться в специализированных средних учебных заведениях, либо заниматься дополнительно с репетитором. Данных возможностей нет у детей из сельских школ. В случае с поступлением в вуз в месте своего проживания проще найти и использовать ресурсы семейно-родственных и других социальных связей. Если рассмотреть место проживания студентов филиала, то основным районом является Боханский. После окончания учёбы некоторые из студентов планируют остаться в Улан-Удэ, получить второе высшее образование. Воз-

вращение в родные сельские школы, которое предполагалось при создании данного филиала, остаётся самым крайним вариантом для молодых людей.

Общим местом абитуриентов при выборе филиалов было отсутствие возможности уехать в другое, более престижное место для учёбы. В обоих рассматриваемых случаях высшее образование становится скорее каналом горизонтальной мобильности, но она предпочтительнее вертикальной мобильности для молодых людей. То, что молодые специалисты после учёбы не остаются в родном городе или селе, и наконец уедут в другие города, где ещё даже неизвестно, будет ли рост статуса молодого человека, воспринимается даже в качестве прорыва. Различие филиалов – в уровнях притязаний и амбиций, которые маркируют восприятие Центра и Периферии. Если для студентов Боханского филиала Улан-Удэ – это Центр, то для студентов востфака – Периферия. Другим выводом нашего исследования можно назвать то, что знание бурятского языка для молодых людей становится престижным, если оно помещено в контекст востоковедного знания и знания международного - английского языка, и последним шансом на получение высшего образования, если оно становится центральным.

«МЕСТНАЯ» ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ: ОПЫТ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН

Проблемы развития сельских локальных сообществ Новосибирской области на современном этапе во многом определяются начавшейся реформой системы местного самоуправления, связанной с реформированием отношений между различными уровнями власти и с реформой социальной политики.

Для современной России реформа местного самоуправления является, возможно одной из самых сложных, поскольку с одной стороны ход реформы должна максимально стимулировать процессы развития гражданского общества, с другой стороны сложный этнический, территориальный состав России делает неизбежным контроль государства за становлением институтов гражданского общества.

Кроме этого, годы реформирования сделали очевидным то, что простого переноса опыта западных стран на российскую почву недостаточно. В современной России реформирование системы местного самоуправления, помимо

* Работа выполнена при поддержке РГНФ № 05-03-65303 а/Т, РФФИ № 05-06-80164

опыта, накопленного зарубежными странами, должно также учитывать отечественные традиции самоуправления, обусловленные цивилизационной и исторической спецификой России, а также особенности восприятия власти населением.

Важным фактором, обусловившим специфику становления института местного самоуправления, стали процессы социально-экономического развития, которые вплоть до последних лет носили характер кризисных. Социально-экономические процессы инициировали и усилили дифференциацию между селом и городом по уровню адаптации к проводимым реформам. В то же время наличие в России достаточно высокой доли негородского населения (около 30%) делают необходимыми меры по учету специфики организации местного самоуправления в городских и сельских ареалах. Ситуация осложняется тем, что разница в возможностях социально-экономической адаптации между городом и деревней усугубляется региональной дифференциацией в уровне социально-экономического развития российского села.

Проблема становления системы местного самоуправления на селе особенно актуальна. Очевидно что перспективы успешного развития местного самоуправления напрямую связаны с успешностью адаптации конкретного сельского локального сообщества к сложившимся экономическим условиям.

Еще одним фактором, непосредственно влияющим на развитие системы местного самоуправления, является степень вовлечения населения в решение вопросов местного значения, и взаимодействие местной власти и населения.

В этом плане принятие Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" ознаменовало собой начало нового этапа реформирования системы местного самоуправления в России. Следствием проводимой муниципальной реформы стала реорганизация властных отношений между районными и поселковыми муниципалитетами, а также реорганизация бюджетных отношений между областными и районными структурами.

Общее направление реформы можно охарактеризовать как переход к двухуровневой модели местного самоуправления, предполагающей создание муниципалитетов как на уровне отдельных поселений, так и на уровне административных районов.

Следствием изменения территориальной организации местного самоуправления путем повсеместного введения двухуровневой системы «муниципальный район - поселение» в этом случае становится увеличение числа муниципальных образований, и изменение правового статуса существующих муниципальных образований и в некоторых случаях перераспределение их границ.

В результате на местном уровне произошло разделение на систему государственной власти и самоуправление местных сообществ, а положение местных органов власти принципиально изменилось. Выделение сферы исключительных полномочий местного самоуправления в значительной степени переложило на его органы обязанность обеспечить жизнедеятельность сообщества и ответственность за качество жизни на его территории.

Таким образом, управление, ориентированное на конечный результат, становится сегодня одним из наиболее востребованных методов и на федеральном, и на местном уровне. Исследование общественной оценки практики действий органов местного самоуправления, опыта самоорганизации граждан, изучение связи между удовлетворенностью услугами, предоставляемыми органами МСУ и доверия к органам управления, ожиданий, связанных с развитием МСУ позволяет обеспечивать "обратную связь" между гражданами и органами управления.

Новосибирская область в числе немногих субъектов Российской Федерации оказалась наиболее подготовленной к работе в условиях нового законодательства о местном самоуправлении.

Со второй половины 90-х гг. в Новосибирской области начала складываться система территориального управления включающая в себя территориальные органы государственной власти на уровне районов и органы местного самоуправления в городах и поселениях и соответственно сложилась определенная практика распределения полномочий между этими уровнями власти. В 1996 году в Новосибирской области были созданы территориальные органы государственной власти. Полномочия территориальных органов государственной власти были установлены Законом области "О территориальных органах государственной власти в Новосибирской области", а также иными законами области.

В период 1997-2002 годов территориальным органам государственной власти было дано право распределять финансовую помощь, поступающую из областного бюджета на уровень районов, и устанавливать для муниципальных образований нормативы отчислений от налогов в пределах тех нормативов отчислений, которые устанавливались законом области об областном бюджете для каждого района области.

Помимо выполнения полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, территориальные районные органы власти обеспечивали решение отдельных вопросов, носящих общерайонный, межмуниципальный характер: организация снабжения муниципальных учреждений и населения топливом; организация и развитие муниципальных энерго-, газо-, тепло- и водоснабжения; межмуниципальное дорожное строительство и содержание автомобильных дорог; организация здравоохранения населения района и другие.

Для финансового обеспечения функций территориальных органов государственной власти на уровне районов формировались территориальные бюджеты путем передачи отдельных налоговых и неналоговых источников.

Органы местного самоуправления на уровне поселений в этих условиях решали вопросы местного значения, обеспечивающие жизнедеятельность населения конкретной территории (содержание и использование муниципального жилищного фонда; организация транспортного обслуживания населения; создание условий для обеспечения жителей услугами связи, общест-

венного питания, торговли и бытового обслуживания; обеспечение деятельности учреждений культуры; - благоустройство территории).

Таким образом, сложившаяся практика распределения полномочий между территориальными органами государственной власти и органами местного самоуправления в Новосибирской области во многом совпадает с положениями Федерального закона, устанавливающим вопросы местного значения для различных типов муниципальных образований, что предопределило готовность Новосибирской области, к очередному этапу муниципальной реформы. Поэтому в связи с введением в действие указанного Федерального закона в Новосибирской области надлежало создать только муниципальные районы, так как поселения уже были созданы и их границы были еще в 2002 году установлены законом области.

С 1 января 2005 года в Новосибирской области действуют 490 муниципальных образований, из них муниципальных районов - 30, городских округов - 5, городских поселений - 26, и сельских поселений - 429.

Начиная с 2001 года сотрудники Института философии и права СО РАН реализуют на территории Новосибирской области исследования по изучению процессов социальной модернизации в сельских сообществах. Составной частью этих исследований является исследование процессов в сфере местного самоуправления. Помимо этого, в основе предлагаемых теоретических обобщений и интерпретаций лежат результаты социологической экспертизы процессов местного самоуправления, проведенной в рамках проекта "Реформирование местного самоуправления в сельских локальных сообществах Новосибирской области", в ходе которого были разработаны и апробированы уникальные эмпирические методики исследования системы местного самоуправления.

Анализ функционирования органов МСУ в Новосибирской области основывается на основании анализа следующих материалов:

- правовые и нормативные документы, регламентирующие деятельность органов местного самоуправления и наделение их полномочиями по решению вопросов местного значения в переходный период;
- данные массового и экспертного опроса муниципальных образований сельских районов Новосибирской области.

Результаты исследований позволяют оценить последствия муниципальной реформы для села и изменение в отношении населения к институту местного самоуправления.

Несомненно, что следствием муниципальной реформы, осуществляемой в Новосибирской области, стала популяризация понятия "местное самоуправление". Постоянный интерес СМИ, проявляемый к самоуправленческой проблематике, казалось бы, должен сделать идею самоуправления более понятной для населения. Однако реальные изменения, вызванные реформой, оказали в какой-то степени дифференцирующее влияние.

За время проведения реформы увеличилась доля противников новой стратегии самоуправления и в значительной степени выросла доля тех, кто за-

трудняется сформулировать свое отношение к местному самоуправлению. Таких около 17% и можно предположить, что эта часть на данный момент занимает выжидательную позицию в оценке действий органов местного самоуправления.

Несмотря на то, что подавляющее большинство населения считает, что местное самоуправление должно осуществляться на территории каждого отдельного села, однако в 2005 году треть опрошенных высказались за осуществление местного самоуправления на уровне райцентра.

В то же время массовые опросы показывают, что за последние 5 лет наблюдается стабильный рост уровня информированности населения о местных органах власти. В 2005 году о достаточной информированности о работе местных органов власти заявили половина опрошенных, что позволяет говорить о том, что "обратная связь" власти с населением постепенно налаживается, властные процедуры и решения становятся более прозрачными.

Относительное единство и стабильность мнений обнаруживаются лишь в вопросе о предпочтительном способе формирования органов МСУ: около 90% сельчан полагают, что органы МСУ в их населенном пункте должны не назначаться сверху, а избираться на местах. Таким образом, несмотря на неоднозначное понимание сущности и принципов МСУ, у населения преобладает представление о МСУ как форме самоорганизации граждан. На динамику мнений населения не влияют происходящие в стране события, прежде всего укрепление вертикали государственной власти.

Надо отметить что, несмотря на изменения в статусе местной сельской власти, она продолжает оставаться одним из важнейших системообразующих элементов жизни села. Сегодня большинство населения связывают решение своих насущных проблем: охрану порядка, благоустройство территории, решение коммунальных проблем, и даже строительство дорог и жилья - с деятельностью поселковых муниципальных образований, то есть бывших администратий. В то же время 30% сельчан полагают, что решение этих проблем должны брать на себя районные власти, а от областных властей решения каких-либо конкретных проблем ожидают всего около 5% сельчан.

Исследования показали, что в процессе социального и экономического реформирования жителя современного российского села (и это характерно не только для Новосибирской области) постепенно сформировалась своеобразная двойная структура ожиданий. С одной стороны решение насущных проблем, имеющих локальный и конкретный характер, связано с местной (поселковой/районной) властью. С другой стороны, решение проблем более общего характера (относительно положения дел в целом, относительно дальнейших перспектив развития и т.д.) связывается исключительно либо с властью региональной, либо с властью федеральной. Несмотря на то, что федеральная политика в отношении села воспринимается самими сельчанами крайне негативно (около 80% из них полагают, что правительство бросило село на произвол судьбы) и несмотря на то, что положение дел в стране в целом не вызывает их одобрения, - именно федеральная власть, прежде всего

в лице президента, продолжает восприниматься сельчанами как последняя инстанция, на помощь которой можно положиться.

Естественно предположить, что общая оценка населением работы органов местного самоуправления в первую очередь определяется качеством предоставления муниципальных услуг, относящихся к функциям и полномочиям местного самоуправления. Однако и здесь оценка сельчанами местных органов власти отнюдь не однозначна. Так, работу местных властей по решению и коммунальных и социальных и экономических проблем сельчане оценивают в основном негативно. Только пятая часть респондентов оценила работу местных властей положительно (то есть либо как «отличную», либо как «хорошую»). То есть несмотря на ожидания, которые население связывает с поселковой властью, оценка ее деятельности в социальной, коммунальной и экономической сферах крайне невысока. Причем подобная ситуация характерна как для полностью дотационных и "депрессивных" муниципальных образований, так и для "зажиточных" поселковых муниципалитетов.

В то же время более свое доверие сельским и районным органам власти выразили около 70% сельчан, а в хорошем личном отношении к главам местных органов власти, и районных и поселковых также призналась большая часть респондентов.

«Двойная» структура ожиданий и оценок лишний раз подтверждают противоречивость решения данной проблемы.

Этап исследований 2005 года в ходе реализации проекта "Реформирование местного самоуправления в сельских локальных сообществах Новосибирской области" (в Кочковском районе Новосибирской области) показал, что создание систем местного самоуправления не связано с теоретическим выбором одной из нескольких отвлеченных теоретических моделей, а всегда лежит в плоскости решения практических задач. Проведенное исследование системы местного самоуправления позволяют предположить, что проблемы в реализации местного самоуправления на "низовом" уровне, то есть уровне сельских поселений связаны, во-первых, с традиционными установками и стереотипами населения, а также с недостаточно укорененной пока гражданской демократической культурой участия в принятии решений; а во-вторых, с несовершенством законодательной базы местного самоуправления. И то и другое является причиной развития неформальных практик в развитии местного самоуправления. Неформальная практика существует в сложном симбиозе с официализированной формальной практикой. Она возникает в случаях: принципиальной невозможности регулирования отношений в отдельной части функционирования сообщества; временного отсутствия регламентации; частичной регламентации; "ошибочной" (неразделяемой с точки зрения норм сообщества) регламентации и т. д. Таким образом, обе названные практики существуют неразрывно одна от другой.

Исследование практики развития МСУ в Новосибирской области показывает, что нередки случаи, когда полномочия органов местного самоуправления исполняются органами субъектами Российской Федерации (что является

нарушением действующего федерального законодательства). Данные факты возникают как следствие соглашений, заключаемых муниципальными образованияами с субъектами Российской Федерации, так и как следствие не урегулированных старых взаимосвязей.

Сегодня проблемы в реализации местного самоуправления на местном уровне, то есть уровне сельских поселений и районов связаны, с традиционными установками и стереотипами населения и представляют собой оригинальное сочетание, элементов советской системы управления и отдельных элементов демократической культуры. Не стоит забывать, что и весь процесс становления системы местного самоуправления и реализуемая государством в последние годы стратегия муниципального реформирования по сути дела сформировались в 90-е годы условиях транзитной политической системы, то есть системы переживающей тотальное реформирование, и порождающей противоречивые тенденции. Опыт реализации реформ позволяет в полной мере проявиться этим противоречиям, что в свою очередь в будущем позволяет их избежать.

КООПЕРИРОВАНИЕ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ – ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

Ф. Б. Сариев

Иссык-Кульский институт кооперации (г. Каракол)

Крестьяне, фермеры, обретя самостоятельность, стали вести свое хозяйство и заниматься предпринимательской деятельностью, а также пользоваться результатами своего труда без вмешательства со стороны. Для дальнейшего углубления аграрной реформы надо разрабатывать мероприятия по развитию кооперативного движения в республике.

На сегодняшний день выдвигается необходимость ускорения кооперирования частных товаропроизводителей в сфере производства, переработки и сбыта продукции, агротехнического сервиса, взаимного кредитования. В перспективе сельскохозяйственные кооперативы будут играть очень значительную роль в развитии сельскохозяйственного товаропроизводства.

Как бы мы не хотели быстро перейти на рыночную основу ведения хозяйства, действительность заставляет взирать на то, что происходит с нашей экономикой. Каким бы ни были благие намерения наших чиновников по улучшению жизни граждан нашей страны, во главе с бывшим президентом провозглашая каждый год, годом каких-то программ, людей и т.д. не привели к заметному улучшению экономической стабильности в стране, в частности отдельно взятой семьи. Во всех видах средств массовой информации, во всех возможных собраниях, конференциях как не хвалили эти самые программы,

которые должны были улучшить жизнь рядового гражданина, этого не произошло. И не надо лукавить, указывая на всевозможные цифровые данные, которые непонятно откуда взявшиеся.

А произошло то, что произошло 24 марта 2005 г. На фоне произошедшего, апеллировать какими то программами и цифровыми данными, считаем бесполезными, учитывая, что свыше 65% населения Кыргызстана проживает в сельской местности, можно постараться сделать экономический анализ жизни сельчан. И если будет сделан такой анализ, результаты, с точки зрения «экономики семьи», получатся не утешительными. Прежде чем сделать анализ экономического благополучия сельских жителей, мы бы обратили внимание на такой важный вопрос, как наличие списочного населения. При проведении возможной переписи сельского населения не помогут даже списки «чисто» проведенных выборов в парламент или в другие органы. На сегодняшний день несмотря, на то, что во многих городах России, Казахстана открыты дипломатические представительства, консульства мы не можем с точностью сказать, сколько наших граждан «покоряют» необъятные просторы этих и других стран. Процесс внутренней и внешней миграции наших граждан не прекращается, а продолжается. В этом вопросе вызывает беспокойство тот факт, что внешними мигрантами становятся большее число представителей коренного населения страны. Мы здесь вовсе не противники того, чтобы выезжали на заработки, так как трудовые гастарбайтеры из Кыргызстана за 2005 год прислали около 200 млн. \$ долларов своим семьям. Этот факт заслуживает одобрения на самом высоком уровне, так как эти деньги можно считать инвестицией, причем инвестиция, которая полностью и целиком остается внутри страны и по ним не надо платить проценты.

Мы, в данной статье учитывая вышеперечисленные и другие проблемы, хотели бы обратить внимание на наших жителей, особенно жителей высокогорных районов, у которых на сегодняшний день экономическое положение остается крайне низким. Именно жители сельских районов, жизнь которых остается очень трудной, вызывает обеспокоенность. Это есть результат аграрной реформы, при проведении которой был допущен ряд тактических ошибок и упущений, которые официально признаны руководством страны при проведении первых этапов аграрно-земельной реформы. О том, что при проведении аграрной реформы были допущены много просчетов, было много сказано. Но как говорится, этим делу уже не поможешь. Сегодня надо думать о том, как помочь сельским жителям, как улучшить их жизнь, хоть на сколько-нибудь.

И никому не секрет, что многие наши граждане занимают свои незаслуженные «места» в списке категории бедных. По оценкам иностранных специалистов к категории бедных относятся люди: которые зарабатывают в день меньше 2^x долларов. Поэтому по их оценкам больше чем половина населения Кыргызстана относится к бедным. На сегодняшний день официально установленный минимальный уровень заработной платы остается на уровне 100 сомов. Это чуть больше 2 доллара. Здесь уместно напомнить и о

таком понятии, как минимальная потребительская корзина, величина которой на сегодняшний день составляет 1750 сом, т.е. это жизненно необходимый набор продуктов в расчете на одного человека в месяц. Здесь уместно напомнить, что состав семьи сельского жителя составляет от двух и выше. В среднем взять семью, где кроме родителей имеется трое детей и умножить эти цифры на величину потребительской корзины, получится сумма, до которой многие семьи не могут дотянуться даже при большом желании.

Все выше перечисленные проблемы не появились за один день. Они появились с начала 90^х годов, когда была проведена необдуманная реформа АПК.

Сегодня вступать в полемику о том, кто прав, а кто нет, нет необходимости да и времени нет. Нам надо думать, как улучшить жизненный уровень людей.

В соответствии Указами Президента Кыргызской Республики и постановлениями Правительства, принятыми по вопросам аграрной реформы и из потребностей, а также необходимости надо создавать сельскохозяйственные кооперативы. Крестьяне, фермеры, обретая самостоятельность, стали вести свое хозяйство и заниматься предпринимательством. Некоторые из этих людей достигли много положительных результатов. Но большинство людей, которые занимаются земледелием, занимаются на уровне натурального хозяйства, что в условиях развития техники, высокой технологии непросто. Но винить во всем только сельчан было бы неразумно, так как во многих странах мира сельское хозяйство было и остается дотационной отраслью. Сегодняшние наши крестьяне, хотели бы не дотацию из бюджета, а кредитов, которые бы дали возможность встать на ноги. Но ближайшее время ждать кредитов, которые предоставляются на беззалоговой основе это нереально. А потому нет возможности на получении банковских кредитов на залоговой основе, так как кроме земельных наделов нет никакой возможности залога и в такой ситуации для большинства сельчан считаем эффективным ведением хозяйства- кооперирование сельхозпроизводителей.

Сегодняшнему крестьянину кроме земельного надела, которым он владеет, необходимо еще и кредит.

Сегодня на финансовом рынке Кыргызстана функционирует большое количество коммерческих банков, которые предлагают свои услуги населению. Но нашим крестьянам эти предлагаемые кредиты не по силам и они эти деньги не смогут получить по нескольким причинам. Во первых, у них процентные ставки высокие, во вторых, для получения этих кредитов необходимо предоставить высоколиквидный залог, что само собой у крестьян недостаточно или отсутствует. И по другим причинам наши сельчане пока не могут рассчитывать на получение этих кредитов.

Насколько мы знаем из всех доступных нам экономических литератур и средств массовой информации, во всех развитых странах крестьяне-фермеры могут рассчитывать на получение неограниченной суммы льготного кредита тогда, когда это им нужно, кроме этого, могут рассчитывать также на боль-

шие дотации из государственного бюджета. У нас в этом отношении совсем по другому. И всем сельхозпроизводителям хотелось бы верить что слова Президента К.С. Бакиева о том, что «надо создавать сельские банки, надо приблизить финансовые ресурсы к сельским жителям», очень скоро претворятся в жизнь. И надо продолжить политику по микрокредитованию, в частности создавая кредитных союзов. По своему принципу кредитные союзы это и есть кредитные кооперативы, которые объединяются по интересам. В кредитные союзы могут объединяться те люди, которые желают заниматься предпринимательством, так и те, кто имеет сбережения и желает получить от них некоторую выгоду в виде дополнительного дохода. Это форма исключительно ценна тем, что объединяет свободных людей, желающих не столько нажиться, сколько помочь друг другу. Вопрос о создании кредитных союзов надо расширить, особенно в сельской местности, где на сегодняшний день этот сегмент рынка пока остается незаполненным. Положительной стороной кредитных кооперативов является именно то, что они основаны на самопомощи, на знании того, кто, в чем нуждается, насколько заемщики честны, порядочны, и способны вернуть кредит с полагающимися процентами. И проценты эти нельзя сказать очень высокими. И чем еще привлекательна эта форма кредитования, кредиты предоставляются без предоставления обязательного залога и оказываются крестьянам в нужное время т.е. во время весенне-полевых работ и во время уборки урожая.

Кооперация – одна из форм предпринимательства должна развиваться на основе ряда принципов, основные черты которых заключаются в следующем: добровольность, свобода выбора выхода из него, равноправие в участии общественной деятельности, справедливое распределение прибыли, а также расходов и убытков между членами.

Хотим мы этого или нет, но у нас другого выбора нет кроме укрепления кооперации сельхоз производителей. Современное состояние ведения хозяйства многих не удовлетворяют. Надо объединиться по интересам в кооперативы, где члены этой организации имеют возможность совместного обработки земли, покупки семян, химикатов, улучшить сортовые семена и много другого. Вновь избранные главы сельских управ должны уделить достаточного внимания на вопрос кооперации сельхозпроизводителей. Надо организовывать обучающие семинары для сельских жителей, где будут в доступной форме излагаться идеи, формы, методы кооперирования. В этом вопросе медлить и тянуть время, считаем неоправданным. Время требует действенных мер по созданию и развитию кооперативного движения.

Литература

1. Закон Кыргызской Республики «О кооперации» от 2 июля 1999г.
2. Закон Кыргызской Республики «О кооперации» от 11 июля 2004г.
3. Журнал «Агропресс». Декабрь 2004 г.

4. Орузбаев А.О., Кубаев Б.Х. «Формирование и развитие агробизнеса в условиях трансформирующейся экономики». Бишкек 2002г.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Л. В. Белгородская

Красноярский государственный университет цветных металлов и золота

В последние два десятилетия в России получили широкое развитие междисциплинарные исторические исследования, выполненные с использованием методов других наук - психологии, культурологии, политологии, социологии. Появилась возможность создавать исторические труды, которые включали бы в себя достижения источниковедения, лингвистики, текстологии, герменевтики; работать с привлечением методов языкознания. Речь идет не о формуле «научный труд на стыке наук», а о совершенно ином содержании деятельности историков, профессионально использующих в исследовании своих проблем методы других наук. Исследователи прошлого стали ставить в центр работы анализ научного текста и начали искать (и заимствовать) у лингвистов эффективные методы работы с историческим нарративом. Активно заимствуются отечественными обществоведами и методы современного литературоведения. Прочитаем Ольгу Михайловну Медушевскую, ведущего отечественного специалиста в области источниковедения: «В центре внимания находится научный текст, его компоненты, стилистика, типы и особенности высказываний, терминологии, соотносённость темы исследования и социальных условий создания, соотношение основного текста и научного аппарата, множественность «голосов», звучащих в тексте, структура и развитие сюжета». И далее: «Феномен лингвистического поворота в историографии последних десятилетий XX в. дает нам возможность наглядно проследить один из моментов смены эпистемологических парадигм в гуманитарном познании».(1).

Тексты зарубежных энциклопедий и словарей еще не подвергались в отечественной историографии и библиографии специально текстологическому и историческому анализу. Издания подобного рода хорошо отражают и активно формируют обыденное общественное сознание, не изменяя при этом принципам научности. Мы предприняли попытку рассмотреть терминологию подобного рода изданий, выявить своеобразие приемов воссоздания образа России зарубежными авторами, оценить эффективность технологий манипулирования читательским интересом.

Российские филологи и лингвисты первыми в отечественной науке разработали и апробировали методику массовых исследований, при проведении которых фиксируются свободные ассоциации, возникающие в сознании носителей языка по поводу того или иного слова-стимула. Были составлены

«прямые» и «обратные» ассоциативные словари, показывающие развитие поля понятий в направлении от «реакции к стимулу». В результате проделанной работы специалист, изучив ассоциативное поле слова-стимула, может воссоздать мировосприятие этноса, а количественный анализ ассоциаций делает возможным выявление значимых для этноса понятий и даже предоставляет возможность оценить систему ценностей народа с математической точностью.(2).

Можно констатировать, что предлагаемые западным читателям материалы по русской теме в справочно-энциклопедической литературе связаны с существующими на уровне обыденного исторического сознания англичан и американцев длительными этническими, историческими стереотипами восприятия России и русских. Они отражают относительно устойчивые представления и оценки страны, русского народа и российского суперэтноса, если использовать терминологию Л.Н. Гумилева. Группы стереотипов образует целостную систему, аккумулирующую стандартизированный коллективный опыт и являющуюся элементом этнического исторического сознания. Национальные стереотипы восприятия носят достаточно устойчивый и длительный характер, многие из них связаны с историей России, часть информационных материалов отражает особенности природного мира России и специфику повседневной жизни россиян. Не случайно большинство слов русского языка, вошедших в английскую лексику, отражают именно своеобразие обыденного уклада жизни (щи, пирог, творог, каша и др.). Многие слова, ассоциируемые с русским миром, относятся к вещам простым, грубым, неприятным и примитивным (грубый текстиль, формализм, неприхотливый чертополох, самый низкий мужской голос, смертельно опасная и бессмысленная игра в русскую рулетку и др.).

Русский ассоциативный ряд содержит информацию о большом количестве войн в истории страны, что отражает популярное суждение о генетическом экспансионизме русских людей и постоянной нацеленности империи на расширение геополитического влияния, исключительной роли войн, жестких императивных действий в российской истории. Дж. Хоскинг так пишет в работе с симптоматическим названием «Россия и русские (взгляд Запада на Россию)» о традиционном отношении западноевропейцев к прошлому России: «Их раздражали и отталкивали ее огромные размеры, постоянно меняющиеся границы, скрытые мессианские претензии и природа ее общественно-политической системы».(3). Это устойчивое суждение подкрепляется выводами зарубежных исследователей, которые насчитывают в российской истории не менее 120 войн, часто, с точки зрения российских специалистов, не имевших классических черт военных конфликтов. В американском «Словаре войн» к их числу отнесено и покорение Сибири в 1581-1591 гг., и восстановление декабристов, и даже «несостоявшаяся» Русско-афганская война 1885 г.(4). Из всех войн в истории России обязательно подробно характеризуются (даже в самых скромных по объему, с ограниченным словариком изданиях) Крымская и Русско-японская войны

Ряд стандартных устойчивых сочетаний русской речи («русская философия», «теория русского социализма») в принципе неизвестны широкому западному читателю и принадлежат, по мнению авторов обзорных работ, к ряду литературных штампов или устойчивых выражений, родившихся в России в XIX-XX вв., оставшихся интеллектуальным продуктом для внутреннего пользования.

К крупнейшим событиям российской и мировой политической истории неизменно относятся события 1917 года, которые описываются как русская революция, начавшаяся в феврале в качестве «меньшевистской», всенародной, демократической и закончившейся в октябре «большевистским переворотом».

Таким образом, использование лингвистического метода изучения научных текстов справочно-энциклопедических изданий Великобритании и США позволило нам лучше понять устойчивые стереотипы восприятия России, динамику изменения «русского ряда» словарных статей зарубежных изданий, оценить терминологические сложности описания явлений русской жизни и оценить возможности научной интерпретации исторического нарративного материала.

Литература

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. Пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М., 1998. – С.111, 112. О новых направлениях в развитии исторической науки см.: Алексеева Г.Д. Изучение методологических проблем истории в XX веке // Труды Института российской истории. Вып.5. – М., 2005. – С.226-240
2. Волкогонова О., Татаренко И. Этническая идентификация и искушение национализмом // Современная этнопсихология. Хрестоматия.- Минск, 2003.- С.349.
3. Хоскинг Дж. Указ. соч. С.287.
4. Kohn G. Dictionary of Wars / G. Kohn. – Chicago, L., 1999. – P.587-588.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК МЕТОД САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

О. В. Рыжаков

Омский государственный аграрный университет

В соответствии с требованием государственного стандарта студенты ОмГАУ, изучившие социологию, должны иметь представление об организации и проведении социологического исследования.

Целью проведения социологического практикума студентами является – овладение ими методикой проведения социологического исследования. Овладение данной методикой необходимо студентам аграрного вуза совместно с общеучебными и профессиональными ЗУНами в профессиональной деятельности, так как многие выпускники ОмГАУ изберут для себя руководящую деятельность, которая требует от современных руководителей умения ориентироваться в сложных, постоянно изменяющихся рыночных отношениях (рыночной конъюнктуры и т.п.), контролировать отношения в трудовом коллективе. Знание методики проведения социологического исследования дает возможность руководителю проводить или контролировать маркетинговые исследования рынка (спрос-предложение и т.п.), корректировать процесс управления трудовым коллективом, учитывая латентные ожидания персонала организации.

Социологическое исследование – это процесс познания, в котором проявляются два уровня социологического знания: теоретико-методологический и эмпирический. В нем также сочетаются дедуктивный и индуктивный методы анализа.

Социологическое исследование состоит из 4 этапов и предполагает самостоятельную работу студентов:

1 этап – подготовительный (обдумывание целей, составление программы, плана, определения средств, сроков проведения, способов обработки информации);

2 этап – сбор первичной информации.

3 этап – обработка информации.

4 этап – заключительный (анализ обработанной информации, подготовка научного отчета по итогам исследования, формулировка выводов и рекомендаций).

В процессе подготовки проведения социологического исследования используется работа с учебной литературой как метод самостоятельной активности студентов.

Процесс организации и проведения социологического исследования требует от преподавателя определенного участия. Характер участия преподавателя в данном процессе зависит от следующих условий:

1. от уровня развития студента;
2. от степени заинтересованности;
3. от сложности темы.

Участие преподавателя в одних случаях может ограничиться лишь обсуждением некоторых моментов социологического исследования (определение выборочной совокупности и т.п.), а в других – требуется постоянный, поэтапный контроль выполнения студентом социологического исследования.

При анализе процесса и результатов выполнения студентами социологического практикума можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны.

Положительные стороны социологического исследования:

1. возможность за короткий период времени получить первичную информацию по актуальным проблемам;
2. возможность охватить опросом большое количество респондентов;
3. выявить латентные проблемы общества.

Отрицательные стороны социологического исследования:

1. ошибка репрезентативности – расхождение между генеральной и выборочной совокупностью;
2. субъективность анализа результатов социологического исследования;
3. недостаток качества (достоверности, объективности) социологического исследования по причине обмана со стороны опрашиваемых и неправильности проведения опроса со стороны опрашивающего;
4. неправильность формулировки вопросов и неправильность компоновки анкеты, всей ее структуры.

В целом социологическое исследование является одним из важнейших методов самостоятельной работы студентов и овладение методикой его выполнения в перспективе дает преимущества студентам ОмГАУ по сравнению со студентами других вузов города.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАРЬЕРЕ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

О. А. Осташкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

Вопрос о профессиональном самоопределении, карьерных притязаниях, а также способности видеть перспективные пути самореализации не может рассматриваться в отрыве от определенного социального фона, который во многом задает и определяет специфику его решения.

Социальное пространство, в котором действуют молодые люди, по мнению Омельченко Е.Л., можно определить как «постоянство неопределенностей». В данном пространстве множество возможностей для реализации успешной карьеры вступает в противоречие с барьерами, усложняющими доступ к значимым ресурсам. Положение усугубляется тем, что не существует общепризнанного образца, идеала поведения, в соответствии с которым молодому специалисту/ке удалось бы достичь успеха.[4] В определяемой таким образом социальной реальности, можно говорить о плюрализме решений карьерного вопроса, где каждое решение есть результат множества сложно переплетенных факторов. Каковы эти внешние условия и внутренние ресурсы, влияющие на представления о профессиональной карьере?

Рассматривая представления о карьере, мы, прежде всего, имеем дело с субъектом, определяющим свое место в многомерном социальном пространстве. Позиция, которую он занимает, с одной стороны, открывает спектр воз-

возможностей, в которых субъект может себя реализовать и определяет “доступ к легитимным средствам достижения успеха”[2]. С другой стороны, ставит индивида перед фактом существования структурных барьеров. Последние также могут рассматриваться двояко:

- как ограничивающие его представления о желаемом;
- как факторы, развивающие способности к преодолению барьеров, толкающие индивида на изобретение разного рода стратегий.

Позиционирование себя во внешнем пространстве складывается под воздействием множества факторов, таких как социальное положение семьи, ее ресурсы - экономические, культурные; уровень образования; возраст; пол. По мнению исследователей [1,3] рассматривая ресурсы семьи, более значимыми оказываются культурно-образовательный уровень родителей, ценностные ориентиры, чем ее материальное положение.

Однако не стоит придавать слишком большое значение или, наоборот, уменьшать значимость структурных ограничений. Необходимо учитывать социально-психологические способности индивида, его представления об успехе, уровень профессиональных притязаний, способность к самопроецированию в будущем, а так же его представления о шкале престижности профессий. Один из немаловажных конструктов, определяющий представления субъекта о карьере, является, по мнению Иванченко Г.В., личностное стремление, которое определяется ею следующим образом:

“Личное стремление — это обобщающий конструкт, объединяющий различные цели или действия вокруг общей темы. Каждое данное стремление может быть реализовано различными способами и удовлетворено посредством достижения любого числа конкретных целей.”[2]

Стремление достичь определенного желаемого статуса формирует некий идеальный образ себя, на который индивид нацелен в будущем. Он (образ) может быть охарактеризован набором ценностных ориентаций, находящихся под влиянием вышеизложенных субъективных факторов. Путь профессионального или должностного продвижения сопоставляется и при необходимости корректируется в соответствии тем, как индивид проецирует себя в будущем.

С точки зрения прояснения значимых ценностных ориентаций, необходимо обратиться к исследованию М.Г. Мкртчяна. Данное исследование открывает еще один аспект, влияющий на построение карьеры - это сфера потребительских запросов молодых людей.[3] Для современной молодежи все более значимым является достижение материального благополучия, благосостояния, что ведет к изменению в карьерных предпочтениях, в появлении новых установок на труд под воздействием изменившихся потребительских стандартов.

Подводя черту под внешними условиями и внутренними ресурсами, влияющие на представления о профессиональной карьере, полезным представляется вспомнить Пьера Бурдьё, который утверждает, что “структурные

условия и единичные мотивы агентов, препятствуют построению реальности во всей ее сложности.”[1]

Рассматривая представления о карьере мы, конечно же, должны учитывать жизненные события, в которые вовлечен субъект, его личностные способности, “системы восприятия и оценивания” [1], а так же экспектации значимых для него людей. В связи с этим, нам представляется интересным рассмотрение таких двух позиций – молодые специалисты и работодатели на фоне современных трансформаций, происходящих на рынке труда, а так же их взаимодействия через рекрутинговые агентства и иные компании, оказывающие содействие бывшим выпускникам в построении карьеры и способствующие развитию навыков достижения успеха.

Литература

1. Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. – <http://bourdieu.narod.ru>
2. Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России, 2005, №2
3. Мкртчян М.Г. Стратификация молодежи в сферах образования, занятости и потребления // Социологические исследования. 2005. № 2. С.104-113. – http://socis.isras.ru/SocIsArticles/2005_2/mkrtcan.doc
4. Омельченко Е.Л. Такие похожие, такие разные... – http://www.region.ulsu.ru/ru/books/gender_relations/

КЫРГЫЗЫ ЗА РУБЕЖОМ КАК ОБЪЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСТАНА

А. Д. Батилов, К. М. Кочконов

Новосибирский государственный университет

После получения государственной независимости как независимое государство начал вести Кыргызстан свою диаспоральную политику в зарубежных странах. Изучение исторических и современных проблем Кыргызской диаспоры представляется важным с точки зрения национальных и других интересов Кыргызстана. Кыргызы живущие за рубежом являются одним из объектов национальной политики Кыргызской Республики.

Слово "диаспора" - греческого происхождения, обозначающее "рассеяние" и определявшее совокупность древних евреев, расселившихся вне Палестины со времен Вавилонского плена в 586г. до н.э., вследствие насильственного переселения их в Вавилонию после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II. Постепенно термин стал применяться к другим религиозным и этническим группам, проживающих в новом окружении на положении этнических меньшинств. В современной политической науке по-

нятие "диаспора" относится к одной из шести категорий этнической политики и характеризует "группу этнического меньшинства, переселившуюся, проживающую и действующую а принявшей ее стране, но имеющую сильные сентиментальные и материальные связи со страной происхождения". Кыргызская диаспора была создана миграциями на длинные расстояния, имевшими временную, затем перешедшую в постоянную продолжительность, с пересечением внешних границ, сначала, из Кыргызстана в Китай, Россию, государств Средней Азии, Афганистан и а затем далее по всему миру Кыргызская диаспора на протяжении всей своей истории имела насильственный или вынужденный характер миграций, вследствие политических и религиозных причин, вплоть до 1960-х гг., когда начала развиваться трудовая иммиграция в страны Западной Европы, Америки и региона Персидского залива, не изменившая коренным образом насильственный характер миграций на добровольный, а явившаяся следствием экономических причин, в отличие от вышеуказанных. Кроме того, до начала 1960-х гг., миграции кыргызов в странах мира отличались массовостью, а в современный период более характерными являются индивидуальные перемещения с практикой вызова своих семей в страну-реципиент.

Рассматривая казахскую диаспору, можно констатировать следующее: ее представители являются составной частью всего кыргызского народа, имеют единую прародину -Кыргызстан исповедуют мусульманскую религию, относятся к тюркоязычным народам, но вследствие внутри и внешнеполитических событий в прошлом, в настоящий момент проживают за его пределами, чаще всего, в странах Азии, Западной Европы и Америки.

На развитие и распространение кыргызской диаспоры в мире в значительной мере повлияли многие исторические события. Это и кыргызско-джунгарские войны, и столыпинская аграрная реформа, и национально-освободительные движения в Центральной Азии против царского самодержавия, и установление советской власти в Кыргызстане, гражданская война в 1918-1920 годы, в период насильственной коллективизации и репрессия кыргызской элиты как "врагов народа", проводимые в Кыргызстане 1937-1938 годы, потеря родины для военнопленных во время Второй мировой войны, борьба против коммунистов Китая в Синьцзяне в 1930-1950 годы [2].

Согласно данным миграционной службы КР кыргызов за пределами Кыргызстана . 80% из них живут в Узбекистане, КНР и в России. В Узбекистане – 350тыс.; в в КНР150тыс; в России около 500тыс.;в Таджикистане 15тыс в Туркменистане 2300 тыс.; в Турции 4 тыс.; ; в Афганистане 1тыс, в Казахстане 10тыс.

Когда сегодня в республике демографическая ситуация кризисная, численность населения каждым годом уменьшается, отток из республики других национальностей увеличивается, рождаемость среди населения ниже чем смертность. В таких ситуациях возвращение на свою историческую родину зарубежных кыргызов, поможет решить демографическую, языковую проблему для нашего государства.

Состояние, проблемы и уровень жизни наших соотечественников в зарубежных странах разные, это связано с государством где они проживают. В различных странах мира кыргызы имеют разный политико-экономический статус, социально-культурную среду. Многое зависит от истории образования диаспоры и от лояльности политики страны проживания. Труднее всего обстоят дела с гражданством и статусом диаспор в Афганистане, где ситуация осложнена военными действиями. Но есть и общая актуальная проблема связывающая всех зарубежных кыргызов, которые с болью в душе думает об этом, это проблема изучения родного кыргызского языка, национальной культуры, обычай народа, образование.

У кыргызов живущих в соседнем Узбекистане проблем не мало, это связано с получением образования на родном языке, ограничение подписки на периодические издания на родном языке, и проблемы в сфере культуры, литературы, искусства, социально-экономические проблемы. В районах и городах Узбекистана постепенно сходят с экрана передачи телевидения Кыргызстана. В образовательной системе тоже есть свои трудности, не хватка учебников на кыргызском, каждым годом сокращается численность школ, с обучением на кыргызском языке, дополнительные трудности в получении образования создает и то, что в 1996 году общеобразовательные учреждения Узбекистана перешли на латинскую графику. Около 60% диаспоры - жители сельской местности. Они выращивают хлопок и рис, успешно занимаются животноводством. Горожане, в основном, работают в образовании, здравоохранении, бытовом обслуживании и в других отраслях нематериальной сферы [4].

По данным посольства Кыргызстана в Узбекистане, среди казахского населения республики, главным образом, молодежи и женщин, сохраняется очень высокая безработица, в первую очередь среди людей со средним образованием, ее уровень 50 - 60 %. Особенно остро эта проблема стоит на территориях, обозначенных как зоны экологического бедствия. . Реальные доходы - самые низкие в СНГ. Плохо организовано бытовое обслуживание населения, много проблем в сфере медицины, не все сельские населенные пункты обеспечены питьевой водой и природным газом. Самые плохие условия жизни в Каракалпакстане, что напрямую связано с экологией региона. Наилучшие показатели в Ташкенте и Ташкентской области: там своевременно выплачивают заработную плату, население обеспечено газом, светом, качественной водой.

Весьма низко по сравнению с титульной нацией представительство этнических кыргызов в государственных органах власти. Даже в очень густо населенных кыргызами регионах республики - Ташкентской, Навоийской, Джизакской, Андижанской областях число руководителей - представителей диаспоры в последние годы заметно сократилась. Их освобождают с руководящих постов, высокооплачиваемых или престижных должностей. Кыргызская диаспора воспринимает происходящее как ущемление своих социальных, политических прав, а такие действия властей могут привести к социаль-

ной напряженности в республике, особенно в местах компактного проживания кыргызов. Косвенным подтверждением этого служит увеличение числа межэтнических конфликтов на бытовом уровне.

Снижение социального статуса диаспоры, ухудшение ее материального положения, отсутствие гарантированных прав во многих сферах жизнедеятельности - процесс весьма болезненный, однако его нельзя рассматривать как дискриминацию только кыргызского населения республики. Процесс этот объективный, обусловлен переходным периодом и затрагивает практически всех жителей страны, без учета национальности. Несмотря на снижение социального статуса, можно надеяться, что повышенные адаптационные возможности кыргызского этноса помогут ему и в новых условиях найти свои ниши в обществе [5].

У кыргызов живущих в Китае есть свои проблемы, это социально-экономические, в системе образования, обмен информацией. Проводимая политика "регулирования рождаемости" всех народов, проживающих в КНР, привела к незначительному естественному приросту кыргызского населения. Но за последнее десятилетие ситуация постепенно стала изменяться в лучшую сторону. В основном кыргызы живущие в Китае, Афганистане и Турции не имеют высшего или же среднего образования, а также кыргызы Китая и Афганистана пользуется арабской графикой, а кыргызы Турции латиницей.

Об особенностях кыргызской диаспоры можно сказать следующее.

Некоторые зарубежные исследователи утверждают, что если у кыргызов и есть какая-либо основная ценность, то это идеология потомственных групп. Самое удивительное, что архаичная идеология продолжает процветать, несмотря на стремительную урбанизацию диаспор за рубежом и вопреки неизбежным ассимиляционным контрфакторам среды проживания. Возможно, эти исследователи и правы, делая вывод, что кыргызы могут сохраниться как изолированная субкультура, пока они будут следовать концепции принадлежности к особым потомственным группам. Ситуация с родным языком у кыргызской диаспоры за рубежом практически та же, что и в урбанизированных регионах КР. Подавляющее большинство городской казахской молодежи, как в самом Кыргызстане, так и за его пределами, не владеет родным языком совсем или владеет весьма неудовлетворительно. Именно поэтому старейшины кыргызской диаспоры считают проблему невостребованности родного языка у молодого поколения самой опасной. Старшее поколение знает как минимум два языка: родной и язык страны проживания. Второе и третье поколения кыргызской диаспоры знают родной язык все меньше и меньше. В Турции, России, стали создавать школы по изучению кыргызского языка. Языковую проблему осложняет наличие трех алфавитов. В мире наверное мало нации, которая одновременно пользуется тремя разными алфавитами кыргызы в КР и СНГ применяют кириллицу, в Китае - арабскую вязь, в Турции - латиницу [6]. И надо учитывать что и в самом Кыргызстане проживает более десяти диаспор, чьи исторические и современные проблемы тоже требует более глубоких исследований [8].

На современном этапе развития для кыргызской диаспоры характерны два процесса: сохранение этнической идентичности или репатриации кыргызов. Процесс сохранения этнической идентичности у кыргызской диаспоры характеризуется по нескольким критериям: наличие и в какой стадии развития находятся в кыргызских общинах: брак и семья, этнические общества, школы и язык

Ситуация изменилась после провозглашения суверенитета и независимости Кыргызской Республики, что послужило отправной точкой в деле создания кыргызские обществ в разных странах мира, которые в настоящий момент пытаются чаще встречаться, организовывать совместные культурные и спортивные мероприятия, в чем проявляется стратегия кыргызской диаспоры - сохранить этническую идентичность.

Для кыргызов, проживающих в разных странах мира, более характерен билингвизм, кыргызский язык и язык страны пребывания.

Вторым процессом, характерным для современной кыргызской диаспоры, является репатриация в Кыргызстан. Под понятием "репатриация" или "возвратная этническая миграция" следует понимать движение эмигрантов назад на свою этническую родину для постоянного проживания там. Процесс репатриации кыргызов в Кыргызстан многогранен и непрост, имеет свои исторические корни и современные последствия, нуждающиеся в их усиленном изучении и разрешении. Репатриация, проводимая на государственном или частном (персональном) уровне, может иметь массовый или индивидуальный характер. Проблема репатриации для Кыргызстана встала во весь рост, начиная с 1991 г. после образования независимого и самостоятельного государства. необходимо было самостоятельно решать насущные проблемы репатриации, которые состояли из трех глобальных по моральной и материальной масштабности и важности блоков: 1) организация перевоза этнических мигрантов на их историческую родину, 2) обустройство и адаптация их на местах с предоставлением им жилья, места работы и учебы. 3) предоставление или восстановление прав гражданства.

Тем не менее Кыргызская Республика, исходя из собственных интересов, не должна пассивно дожидаться самостоятельного решения проблем диаспоры в странах ближнего и дальнего зарубежья, откровенно говоря, пущенных на самотек. Отсутствие должного внимания и практической помощи в решении вышеизложенных проблем грозит ускорением аккультурации и ассимиляции казахского населения с другими этносами где они проживают. Самостоятельно, опираясь лишь на собственные возможности, решить эти проблемы диаспора не сможет.

В настоящее время, когда в зарубежных странах идет война или этнический фактор приобретает все большее значение в отношениях между государствами, проблемы диаспоры требует особого внимания. Проблемы диаспоры в будущем могут оказать влияние не с хорошей стороны в политику, идеологию, межнациональные отношения и в другие сферы. Руководство Кыргызстана должно оказать соотечественникам помощь в сохранении род-

ного языка, культуры, национальных традиций, без чего они ассимилируются с народом страны, где они проживают.

Литература:

1. Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры Происхождение и развитие. Алматы: Гылым, 1997г. С.
2. Мукомель.В.И .Вынужденная миграция в СНГ // Миграция. №1. 1997. С.7.
3. Реми. Дор. Афгандык кыргыздар. Бишкек. Илим. 35бет
4. И.М.Молдобаев. Кыргыздар Казакстанга Сибирден келгенби. Замандаш. Сентябрь. 2005. 36бет.

Раздел II

Философские исследования

Философия, логика и методология научного знания

ПРОБЛЕМА ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА ЭЛИМИНАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: ТЕОРЕМА КРЭЙГА

Н. В. Головкин

Институт философии и права СО РАН

Проблема операциональных ограничений на интерпретацию терминов научных теорий традиционно считается одной из наиболее фундаментальных проблем эпистемологии науки. В общем случае операциональные ограничения формулируют условия, согласно которым некоторое предложение является истинным, если и только если имеет место определенный результат проверки, т.е. они выражают требование согласованности теории с экспериментом. Операциональные ограничения, вместе с теоретическими, которые связаны с формальными свойствами теории и формулируются в виде ограничений на ее принятие, устанавливают интерпретацию теории, т.е. по существу определяют, какие предложения в языке являются истинными.

Важность проблемы операциональных ограничений в эпистемологии науки подчеркивается непосредственной взаимосвязью этой проблемы и программы элиминации теоретических терминов. Напомним, одна из наиболее распространенных точек зрения на причину «неудачи» логического позитивизма состоит в том, что попытка свести содержание научного знания к эмпирически верифицируемым пропозициям (девиз М. Шлика – «Логика и опыт!») провалилась. После того, как Рудольф Карнап выдвинул предположение о невозможности элиминирования теоретических терминов, так называемый тезис о необходимости теоретических терминов (*indispensability argument*) [1], развитие программы эмпирицизма, инициированной в рамках эмпириокритицизма и первого этапа развития логического позитивизма, проходило по трем направлениям: семантический реализм (те, кто вслед за Гербертом Фейглем утверждал, что теоретические термины фактически соотносятся с ненаблюдаемыми сущностями), инструментализм (те, кто вслед Эрн-

сту Нагелю утверждали, что инструменталистская платформа вполне может обойтись без теоретических терминов) и «нейтральная позиция» (те, кто следуя Карлу Гемпелю и позднему Карнапу стремился показать, что эмпирицизм может быть свободен от дихотомии реализм-инструментализм) [2]. Тезис Карнапа в первую очередь означал, что невозможно исключить из теории метафизические допущения, что в свою очередь отбрасывало тень на само понятие истинности научной теории.

Проект элиминации теоретических терминов можно рассматривать, как попытку установить определенные операциональные ограничения (в первую очередь связанные с языком теории) на интерпретацию теории, а его суть состоит в исключении из теории неоправданных метафизических допущений (понятий). Отметим, что проблема операциональных ограничений (и это не случайно) впервые в явном виде возникает в рамках инструменталистской традиции. Под операциональными ограничениями, в данном случае, следует понимать ограничения – суть ресурсные ограничения, конструктивными основаниями которых выступают метафизические и инструментальные ограничения на интерпретацию научной теории. В частности, инструментарий теории может включать в себя используемый набор понятий и логику, а метафизические ограничения, это ограничения которые не допускают наличия несводимых (в контексте попыток элиминации) понятий.

На наш взгляд, впервые проблема элиминации была неявно поставлена еще Д. Гильбертом как проблема «вспомогательных конструкций» и она уже была сформулирована в терминах ресурсных ограничений на используемые понятия и логику [3]. Первый кто с очевидностью поставил проблему элиминации был Ф.П. Рамсей, его работа «Теории» вышла в 1929 году [4], но в силу новационного характера она оставалась незамеченной вплоть до появления результатов У. Крэйга и их обобщения и критического анализа Р. Карнапом в 1956 [5]. К тому же Ф.П. Рамсей, пользовался логикой второго порядка, что несколько «портило» его результат, когда речь заходила о таком ресурсном ограничении как используемый логический аппарат, но все же его результат использовал определенные операциональные ограничения, понимаемые как ресурсные метафизические ограничения. Элиминация теоретических терминов по Крэйгу была более понятна тем, кто занимался проблемами философской логики, но его результат исключал возможность выдвижения операциональных ограничений как ресурсных метафизических ограничений, что приводило к парадоксальности трактовок этого результата. Например, эвристическая ценность преобразованной теории с элиминированными теоретическими терминами равна нулю (трактовка самого Крэйга). Результат Э. Бэта по поводу возможности преобразования неявных определений терминов в явные был воспринят многими как завершение дискуссии об элиминации [6], однако он, по всей видимости, означает «возвращение» к идее Д. Гильберта о теоретических сущностях как устранимых «вспомогательных конструкциях», где роль операциональных ограничений опять понимается как роль ресурсных ограничений на логику.

В качестве примера, иллюстрирующего роль операциональных ограничений в контексте проекта элиминации теоретических терминов, разберем попытку У. Крэйга построить такую замещающую теорию, чтобы, во-первых, содержательная ее часть была выражена в языке наблюдения, а во-вторых, она сохраняла бы дедуктивную и индуктивную систематизацию данных наблюдений исходной. В своей докторской диссертации в 1951 году Вильям Крэйг предложил общий метод, в соответствии с которым для данной первопорядковой теории $\mathbf{T}$ и ее эффективно определяемого словаря $\mathbf{V}$, можно построить эквивалентную ей теорию $\mathbf{T}'$, причем все константы последней будут константами только из $\mathbf{V}$. Широкое философско-методологическое значение работе Крэйга впервые придал Гемпель в своей блестящей работе «Дилемма теоретика» в 1958 году [7]: любую научную теорию $\mathbf{T}$ можно заменить на теорию **Craig(T)**, состоящую только из теорем первой, сформулированных исключительно в терминах языка наблюдения. Более того, Крэйг наглядно показал, как эффективно построить множество аксиом **Craig(T)** независимо от сложности множества аксиом исходной теории. Новая теория является «функционально эквивалентной» (термин Гемпеля), т.е. все наблюдаемые следствия из исходной также являются следствиями последней.

Не сложно понять, какое значение работа Крэйга играла для укрепления позиций инструментализма. Теоретические термины могут быть элиминированы без нарушения дедуктивной связи между терминами наблюдения, принадлежавших исходной теории. Гемпель писал: «если теоретические термины не служат целям дедуктивной систематизации следствий из теории, которые можно проверить наблюдением, тогда они попросту излишни (unnecessary)». Даже если теоретические термины устанавливают какую-то связь между теорией и ее следствием, то мы можем обойтись и без них, поскольку любой закон, устанавливающий эту связь, может быть заменен (без последствий для дедуктивной систематизации наблюдаемых данных) законом, который непосредственно связывает исходное состояние с наблюдаемым же следствием. Таким образом, теоретическими терминами можно пренебречь (theoretical terms are dispensable)»[8].

Однако, тот же самый Гемпель, причем в той же самой работе, фактически «похоронил» идею Крэйга. Крэйг, развивая представление о возможности элиминации или, лучше, сведения словаря новой теории к словарю исходной, потребовал выполнения следующих двух условий:

1. Язык исходной теории $\mathbf{T}$ должен эффективно делиться на два пересекающихся взаимно исключающих класса терминов: класс терминов наблюдения $\mathbf{V}_0$ и класс теоретических терминов $\mathbf{V}_1$.

2. Теория $\mathbf{T}$ является формальной аксиоматической теорией в некотором языке $\mathbf{L}(\mathbf{V}_0, \mathbf{V}_1)$ с эффективным делением аксиом, т.е. эффективно опреде-

лим класс доказательств в **T** (класс приложений правил вывода к аксиомам или к тому, что было ранее из них выведено).

Все это позволяло сохранить искомую дедуктивную систематизацию – **Craig(T)** сохраняет дедуктивную систематизацию предложений наблюдения **T**: для любого предложения **O** из **V_o**, если **T** влечет **O**, то и **Craig(T)** влечет **O**. Однако, не меньшей значимостью, как выяснилось, обладает и необходимость сохранения индуктивной систематизации. Гемпель указывает, что решающую роль для тезиса о невозможности исключения теоретических терминов без ущерба для теории играют аргументы, связанные с понятием индуктивной систематизации эмпирических данных. Он предложил несколько примеров, показывающих, как с помощью теоретических терминов устанавливается индуктивная систематизация в языке. Основная идея состояла в том, что большинство научных теорий таковы, что обычно гипотезы предлагают несколько эмпирических следствий, а не наоборот, гипотезы выводятся из них. Например, гипотеза **H** влечет несколько наблюдаемых следствий **O₁, ..., O_n**, в том случае, если они подтверждаются, и не смотря на то, что дедуктивно мы не можем прийти к **H**, мы все же можем по индукции заключить, что **H** выполняется. Предположим далее, что **H** вместе с другими теоретическими гипотезами влечет дополнительное эмпирическое следствие **O_{n+1}**. Это новое предсказание не может вытекать из наличия **O₁, ..., O_n**, напротив, ее вывод основан на предположении, что гипотеза **H** подтверждена (по индукции по **O_i**). Таким образом, **H** является необходимой для того, чтобы обеспечить индуктивную связь между **O₁, ..., O_n** и **O_{n+1}** (гипотеза **H** обеспечивает индуктивную систематизацию данных наблюдения).

Отметим, что **Craig(H)** не может обеспечить необходимой индуктивной систематизации, устанавливаемой исходной теорией с теоретическими терминами. Теория-заместитель не сохраняет индуктивной систематизации относительно языка наблюдения, устанавливаемой исходной теорией с теоретическими терминами [9] Следовательно, теоретические термины все же играют определенную роль в систематизации эмпирического знания (особенно индуктивной, значение которой возросло с увеличением роли вероятностных методов в современной науке) и поэтому их нельзя исключить из теории. Соответственно проект Крэйга, как проект элиминации теоретических терминов, был закрыт

Таким образом, в данном случае наглядно демонстрируется роль операциональных ограничений в проекте элиминации теоретических терминов – метафизические и инструментальные ограничения на интерпретацию науч-

ной теории способны конструктивно влиять на заключение о необходимости и состоятельности проводимой попытки элиминации.

Примечания:

1. Carnap R. Foundations of Logic and Mathematics / International Encyclopedia of Unified Science. – 1(3). – Chicago: University of Chicago Press, 1939. – P. 64.
2. См.: Feigl H. Existential Hypothesis: Realistic versus Phenomenalistic Interpretations // Philosophy of Science. –17. – P. 35-62. Nagel E. Science and Semantic Realism // Philosophy of Science. –17. – P. 174-181. Hempel C. A Note on Semantic Realism // Philosophy of Science. –17. – P. 169-173.
3. См., например, Смирнова Е.Д. Логика и философия. – М.: РОССПЭН, 1996. – Гл. 6.
4. Рамсей Ф.П. Философские работы / Пер. В.А. Суровцева. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003
5. Carnap R. The Methodological Character of Theoretical Concepts / Minnesota Studies in the Philosophy of Science. – Vol. 1. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956
6. См., например, Карпович В.Н. Термины в структуре теории. – Новосибирск: Наука, 1978.
7. См. Гемпель К. Логика объяснения. – М: Дом интеллектуальной книги, 1998.
8. Там же, стр. 195-197.
9. См., например, Niiniluoto I. Inductive Systematization: Definition and a Critical Survey // Synthese. – Vol. 25. – P. 25-81.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНТИРЕАЛИЗМА

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН

Любые попытки решать проблемы метафизики или эпистемологии исходя из семантических соображений, всегда столь же сомнительны, сколь и неэффективны. Несмотря на то, что плодотворность семантического исследования не раз была блестяще продемонстрирована, всякий раз, обращаясь к семантике в поиске ответа на метафизические по своей сути проблемы, сохраняется сомнение в установлении границ такого предприятия: сомнения Н. Сэлмона в оправданности «вытаскивания кролика метафизики из шляпы лингвистики» интуитивно вполне понятны.

Тем не менее, подобные возражения не подрывают уверенности в том, что связь языка с реальностью существует, коль скоро наш язык функционирует,

и прояснение природы такой связи сможет пролить свет не только на наш язык, но – хотя бы отчасти - и на саму реальность. Языковые выражения обладают значением, которым являются условия истинности, а само понятие истины раскрывает природу отношений между языком и реальностью. Подобного рода представления отражены в корреспондентном понимании истины: признавая предложения истинными или ложными, мы разделяем их на те, которые соответствуют описываемым положениям дел и на те, которые им не соответствуют. Таким образом, корреспондентная теория истины, признаваемая традиционно уточнением обыденного понимания истины, основывается на предположении о том, что понятие соответствия является центральным для объяснения понятия истины и выражает определенное отношение между реальностью и языковыми выражениями. Корреспондентная теория не содержит каких-либо предположений о характере этой реальности: например, она ничего не говорит о том, какого рода сущностями исчерпывается реальность, существуют ли описываемые в языке сущности независимо от их языкового описания и пр. Кажется, что семантическое исследование призвано раскрывать природу отношения языка и реальности, объяснить функционирование языковых выражений, но характеристика реальности лежит вне сферы ее компетенции. Тем не менее, не раз семантические соображения использовались как аргументы в пользу метафизических по своему статусу утверждений. Так, например, семантические аргументы стали типичными в споре между реалистами и антиреалистами; при этом интересным является тот факт, что к подобного рода аргументам с большей готовностью прибегают сторонники антиреализма.

Согласно метафизическому реализму, реальность независима от человеческого восприятия: природа реальности исчерпывается объектами и отношениями, в которых они находятся, и сами эти объекты и отношения существуют независимо от нашей осведомленности о них и способа их восприятия. Для реалиста, если бы природа реальности была зависима от нашей осведомленности о ней, высказывания, которые мы признаем истинными, не были бы объективно истинными. Для научного реалиста цель науки является достижение истинного объективного знания о мире. Для метафизического антиреалиста реальность существенно зависит от человеческого восприятия; соответственно, для научного антиреалиста цель науки состоит не в создании истинной теории, описывающей объективно существующую реальность. Сторонник научного антиреализма соглашается с тем, что добротная научная теория должна обладать традиционными атрибутами научной теории, которую реалист назовет истинной – например, хорошими предсказательными возможностями, - но он отказывается называть ее при этом истинной.

В связи с тем, что понятие объективно истинной теории для реалиста основано на корреспондентной теории истины, аргументы антиреалистов направлены именно на неадекватность или невыразимость корреспондентной теории. Несмотря на то, что корреспондентная теория истины кажется наиболее полно соответствующей реализму, возникает вопрос о том, является ли

необходимой связи между трактовкой истины как соответствия и метафизическим реализмом.

В связи с этим кажется неоправданным прибегать к семантическим аргументам в споре между реализмом и антиреализмом. Семантические проблемы возникают в споре реалистов и антиреалистов в связи с тем, что понятие репрезентации является принципиально важным для формулировки позиции реализма: научный реалист утверждает, что научное знание наиболее точно репрезентирует реальность. Соответственно, реалист эксплицирует понятие адекватной репрезентации, апеллируя, прежде всего, к корреспондентной теории истины. Основные семантические аргументы, выдвинутые против реализма, могут быть рассмотрены на примере пяти примеров.

Первый тип семантических аргументов отрицает признаваемую реализмом возможность установления корреляции между элементами реальности и языковым поведением. Согласно данному аргументу, языковое поведение регулируется не правилом соответствия между элементами реальности и языковыми выражениями, а публично признаваемыми условиями произнесения. Согласно этому аргументу, нет ничего в языковом поведении, что могло бы свидетельствовать в пользу того, что употребление языковых выражений регулируется не системой социальной по своей природе правил, а не способными быть выявленными, согласно антиреализму, условиями истинности. [см. Wright, 1993].

Второй тип аргументов касается способности овладевать языком. Согласно этому аргументу, даже если мы допускаем наличие связи между языковыми выражениями и описываемыми ими элементами реальности, характеризующихся с помощью понятия соответствия, то в процессе овладения языком человек должен схватывать всякий раз это отношение соответствия. Но, несмотря на то, что наше владение языком не вызывает сомнения, мы, тем не менее, не способны дать отчет об этом отношении соответствия. [см. Wright, 1993].

Третий тип аргументов, это известные аргументы о «мозге в чане». Суть аргумента состоит в требовании привести какой-либо факт, доказывающий, что каждый из нас не является мозгом в чане, а все, что воспринимается нами и описывается как реальность, не является просто частью галлюцинации, управляемой компьютерной программой, управляемой восприятиями мозга в чане. Очевидно, что в таком случае все, что мозг в чане будет оценивать как истинное высказыванием о реальности, таковым не будет. В такой ситуации реалист был настаивал на то, что предложение «я – мозг в чане» является истинным. На само это предложение не может быть истинным, потому что может быть рассмотрено как самоотрицающее предложение. [см. Патнэм, 2002]. Суть аргумента в том, что если бы была ситуация – существует возможный мир, – в которой люди являются мозгами в чане, они, произнося предложение «я – мозг в чане», не могли бы указывать на то же самое, на что указывают слова этого предложения, если они произносятся в действительном мире.

Четвертый тип аргументов – это аргументы от концептуальной относительности. Концептуальная относительность, это та позиция, которую готов принять антиреалист в споре с реалистом. Согласно ей, бессмысленно искать ответ на вопрос, какие объекты существуют в мире и какими свойствами они обладают, если сам вопрос и предполагаемый на него ответ не задаются с указанием концептуальной схемы, в рамках которой существует описание мира. Так, например, если реалист настаивает на том, что предложения, выражающие законы физики, истинны, то антиреалист может согласиться с ним, но с уточнением, что они истинны только в концептуальной схеме современной физической теории; в не ее, эти утверждения не могут претендовать на описание истинного положения дел. Традиционные аргументы, которые приводит антиреалист в пользу позиции концептуальной относительности, основаны на примере дескриптивно эквивалентных, но логически несовместимых теорий, право на существование которых без того, чтобы признавать одну из них ложной, отстаивает теория концептуальной относительности. [см. Putnam, 1985].

Наконец, *пятый тип* аргументов является модельно-теоретическим. Целью данного типа аргументов является демонстрация неразрешимости проблемы репрезентации для позиции реализма. Согласно данному типу аргументов, существует множество способов приписывания значения нелогическим константам теории. Следовательно, реалист должен принять полную неопределенность референции нелогических терминов теории, или настаивать на существовании некоторой идеальной теории – некоторого способа привилегированного приписывания значения нелогическим терминам. Антиреалист настаивает на том, что ни одна из предложенных альтернатив не может быть приемлемой для позиции реалиста. [см. Putnam, 1985].

Нам нет необходимости углубляться в детали каждого аргумента. Просто перечисления аргументов и их краткой характеристики вполне достаточно для того, чтобы охарактеризовать стратегию, общую всем семантическим аргументам в пользу антиреализма и попытаться оценить ее адекватность. Прежде всего, все рассмотренные типы аргументов приписывают стороннику метафизического и научного реализма необходимость придерживаться корреспондентной теории истины. Возможно, что большинство реалистов склоняется к принятию именно этой теории истины. Возможно, что интуитивно связь между метафизическим реализмом и корреспондентной теории кажется очевидной. Но она ни в коем случае не кажется необходимой. Для того чтобы продемонстрировать необходимость связи между трактовкой истины как соответствия и утверждением о независимости существования объектов и их свойств, требует показать, что принятие одной из позиций требует принятия другой; т.е., показать, что трактовка истинны как соответствия, является логически выводимым следствием метафизического реализма. Насколько нам известно, подобного рода выводимости продемонстрировано не было. Более того, нет никакой логической невозможности в том, чтобы занимать позицию научного реализма и в тоже время в отношении понятия истины занимать

позицию дефляционизма. Перспектива разработки научного реализма на основе дефляционной теории истины видится в высшей степени интересной и в случае успеха позволит избежать традиционных семантических аргументов в пользу антиреализма.

Второй характеристикой, общей для всех типов семантических аргументов является то, что они могут быть рассмотрены как переформулировки одного основного аргумента: аргумента о невозможности для сторонника корреспондентной теории истины и связанным с ней трактовкой значения языкового выражения через понятие репрезентации, специфицировать природу того отношения соответствия, которая кладется в основание как корреспондентной теории истины, так и репрезентационной теории значения. Указание на эту трудность является традиционной для любого сторонника корреспондентной теории. Определение понятия истины как соответствия реальности считается неудовлетворительной до тех пор, пока не будет эксплицировано природа этого соответствия. Понятно, что речь идет о той трудности, с которой сталкивается семантическая теория истины А. Тарского, одним из ограничительных результатов которого является невозможность выразить понятие истины в естественном языке. Развита им позже теория моделей является приложением развитой им теории истины к экспликации понятия относительной истины в модели. Как нам кажется, одним из следствий результата Тарского является то, что понятие истины не может быть адекватно выражено – если понятие адекватности в данном случае включает в себя прояснение природы соответствия – с помощью иных семантических понятий. Теория моделей может рассматриваться как вполне адекватный с точки зрения логики вариант избежания указанной трудности.

Т.о., мы можем подвести итог нашему общему рассмотрению семантических аргументов в пользу антиреализма. Все аргументы основаны на предположении необходимой связи между корреспондентной теорией истины и реализмом. Все аргументы по-разному указывают на общую для всех репрезентативных теорий значения трудность экспликации природы отношения соответствия между языком и реальностью. В связи с этим, контраргументы могут строиться либо на принятии дефляционной теории истины, либо на признании теории моделей и понятия истины в модели как единственной возможности в связи с результатом Тарского. Первый из указанных путей нам кажется более интересным.

Литература:

1. Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. с.296.
2. Putnam H. Realism and reason: philosophical papers. Vol. 3. Cambridge University Press, 1985. p.325.
3. Wright C. Realism, meaning and truth. Blackwell, 1993. p.257.

ФИЛОСОФСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИРОДУ ПЕРЦЕПЦИИ*

А. Ю. Сторожук

Институт философии и права СО РАН

Вопрос о природе восприятия важен потому, что позволяет пролить свет на центральную философскую проблему – отношение души и тела. Восприятие является таким взаимодействием человека с окружающим миром, которое может изменять и физическое, и ментальное состояния. Следовательно, подробное исследование восприятия могло бы вскрыть механизмы взаимодействия души и тела.

Взгляды на природу восприятия изменяются по мере развития науки. Несмотря на разнообразие исследований, проводимых психологами, физиологами, биологами, можно указать общее направление эволюции взглядов на восприятие. В последнее время восприятие начинают считать активным поиском и обработкой информации. Сдвиг в этом направлении наметился примерно в середине XX в., сначала в работах философов, а в 1970-е гг., после классической книги У. Найссера «Когнитивная психология» и в психологии.

Возникающие взгляды противоречат традиционным, берущим начало со времен Декарта, который, следуя своему дуализму души и тела, указал, что тело и душа независимы. Собственно истоки картезианского дуализма лежат в разделении субстанций на два типа: протяженную и непротяженную, первая из которых материальная, а вторая – мыслящая. [Декарт, 335.] Отчасти дуализм обусловлен невозможностью точно исследовать механизм взаимодействия души и тела, и в нежелании Декарта принимать необоснованные гипотезы. Декарт неоднократно указывал, что в телах нет ничего, кроме «движения, фигур или расположения и размеров частиц», а «мы посредством наших чувств не воспринимаем ничего находящегося вне нас, кроме света, цветов, запахов, вкусов, звуков и осязаемых качеств» [Декарт, 415].

Независимость души от тела предполагала рефлекторную природу восприятия, глаза служили зеркалом мира, слух, обоняние, осязание пассивно взаимодействовали с материальными телами. Пассивно-рефлекторная парадигма имела ряд несомненных достоинств с точки зрения философии. Прежде всего, она обеспечивала веру в объективное независимое существование мира и служила надежным основанием этой объективности. В самом деле, коль скоро восприятие – только отражение, то воспринимающий не оказыва-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых, проект № МК-1650. 2005. 6.

ет влияния на события в мире посредством восприятия. Мир предполагался существующим объективно и независимо от смотрящего.

Вера в объективность мира служила основанием для убеждения в познаваемости явлений мира. Поскольку перцептуальный аппарат точно отражает мир, то мы не можем обманываться в своих восприятиях.

Важную роль в получении данных о мире играла воспроизводимость наблюдений. В самом деле, разные люди имеют идентичное строение зрительного аппарата, в их глаза попадают идентичные фотоны, которые вызывают ряд типичных превращений. Поэтому разные люди в одинаковых условиях будут видеть одно и то же. Следовательно, различные люди могут производить определенного вида наблюдения и их восприятие не должно отличаться.

Идентичность видения влечет за собой ряд гносеологических следствий. Поскольку результаты восприятия могут быть выражены в языке, то отчеты о наблюдениях должны совпадать. Идентичность результатов восприятия гарантировала совпадение смысла увиденного различными наблюдателями. Чтобы избежать «искажающего влияния разума», проявляющегося в интерпретации наблюдений, философы предложили записывать отчеты о наблюдениях на «языке наблюдений», который не содержит теоретических терминов. Предложения такого феноменологического языка носили название «протокольных предложений», фиксирующих данные чувственного опыта [Карнап, 2005].

Протокольные предложения играли важную гносеологическую роль, поскольку их истинность не подвергалась сомнению. Ввиду особого статуса, они являлись фундаментом научного знания, поскольку служили эталоном истины, а истинностное значение других научных предложений устанавливалась посредством сравнения с базовыми протокольными предложениями. Восприятие фактов рассматривалось, как независимое от наблюдателей, научная теория – как «классификация фактов» [Дюгем, 1910]. С этой точки зрения, научный прогресс был ничем иным, как кумулятивным накоплением новых фактов. При смене научной теории ученые отказывались только от объясняющей части теории, а описательная сохранялась вместе с накопленными ранее фактами.

Недовольство пассивной парадигмой восприятия зародилось независимо и в философии и в психологии. В философии два автора Н. Хэнсон и Т. Кун высказались против традиционного взгляда на восприятие, указывая, что наблюдение теоретически нагружено. Сам термин «теоретически нагруженный» принадлежит Хэнсону, который в книге «образцы открытий» [Hanson, 1958] излагает новый взгляд на восприятие.

Основной задачей Хэнсона является обоснование некоторых спорных вопросов квантовой механики, одним из которых является корпускулярно-волновой дуализм. Он утверждает, что одну и ту же вещь можно видеть по-разному и для иллюстрации своей мысли использует множество двусмысленных картинок, популярных среди гештальт-психологов (куб Нэкера, утка-кролик Виттгенштейна, ваза-профили и др.). Согласно Хэнсону, подобно то-

му, как один и тот же куб можно видеть, как выпуклый или как уходящий вглубь листа, так и корпускулярно-волновой дуализм является разновидностью разного видения одного и того же объекта.

Схожую позицию на наблюдение занял Кун, опубликовавший свою работу четыре года спустя [Кун, 1975]. Кун активно эксплуатировал введенный Виттгенштейном в философский язык термин «парадигма» и научное наблюдение рассматривал как нагруженное не теорией, а парадигмой, определяющей видение. Идея «образца», введенная Хэнсоном, в работе Куна предстала, как основной способ передачи научных знаний.

В психологии изменение взгляда на видение было связано с недовольством методами традиционной психологии. Экспериментальная психология при изучении восприятия старалась изучать искусственные, созданные в лаборатории ситуации, с которыми человек никогда не сталкивается в жизни. Так, при исследованиях зрения, испытуемый помещался в темную комнату, где ему предъявлялись кратковременные зрительные стимулы, на которые он должен был определенным образом реагировать. Измерялось время реакции на стимул, минимальная продолжительность предъявления.

Методы лабораторной психологии были подвергнуты критике Уильриком Найссером [Neisser, 1976] ставшим основателем нового психологического направления – когнитивной психологии. Основной критический аргумент Найссера заключался в том, что лабораторная психология не может дать ответ на практические вопросы, упускает из виду важнейшую роль высших психических функций – приспособительную. И восприятие, и переработка информации происходят в окружении многочисленных мешающих и отвлекающих факторов. Из всего множества стимулов человек отбирает только релевантные для решения той или иной задачи раздражители, следовательно, отношение к внешнему миру требует активного поиска и сбора информации, ее интерпретации, означивания и переработки. То есть, воспринимающий активен и его активность определяется имеющимися у него потребностями и стоящими перед ним целями. Поэтому одна и та же ситуация, например, комната в квартире, будет восприниматься по-разному в зависимости от потребностей человека: он может искать ключи и рассматривать только те места, где должны быть ключи; может хотеть спать, и в этом случае будет собираться другая информация. Основную идею современных подходов в психологии можно выразить следующими словами: восприятие активно.

Активность восприятия предполагает ряд философски значимых следствий. Некоторые из них были ранее сформулированы, другие нет, но все они значительно меняют устоявшиеся в философии представления. Прежде всего, ставится под удар объективность. Воспринимающий человек не зеркало, которое отражает весь мир, смотрящий осуществляет активный поиск нужной ему информации, поэтому ничье восприятие не объективно. Объективность только видимость, которая достигается научением образцам поведения в данной ситуации.

Наблюдатель является не внешним относительно мира, а проявляет активность в нем и может его изменить. Влияние наблюдателя на мир особенно значимо в ядерной физике, где измерение приводит к изменению характеристик элементарной частицы, то есть наблюдатель вносит в мир изменения.

Активность восприятия не позволяет считать чувственные данные однозначным отображением действительности. В философии на недоопределенность восприятия данными указывал Людвиг Флек, показавший, что видение зависит от принятых в обществе взглядов [Флек, 1999]. На примере венерических болезней он продемонстрировал, что восприятие симптомов болезни меняется настолько, что современный врач даже не может поставить диагноз, опираясь на медицинские свидетельства того времени. Одним из результатов, полученных Флеком, является некумулятивность научных фактов, т.е. научная революция или смена парадигмы сопровождается не только сменой концептуального аппарата, но и отбрасыванием или переинтерпретацией старых фактов.

Онтологическая относительность Куайна является указанием на недоопределенность научных теорий фактами. Научная теория сама решает, какой язык для описания фактов следует выбрать, и философия, исполняющая нормативную функцию ей не указ.

На восприятие влияют не только потребности, но и опыт, имеющиеся знания, т.е. восприятие нагружено, следовательно, мы должны говорить о воспроизводимости с оговорками. Восприятие ситуации зависит от опыта, поэтому высоко-технологичные эксперименты мало кем могут быть воспроизведены. Однако, то обстоятельство, что одна и та же ситуация может быть воспринята по-разному, заставляет принять требование воспроизводимости наблюдений, поскольку повторные пробы повышают надежность данных.

Поскольку активное восприятие не может быть объективно, важную роль в науке играют измерения, производимые с помощью приборов. Надо заметить, что позитивисты отказывали в надежности именно приборным измерениям, поскольку объект часто воспринимается опосредованно. Среди философов долго продолжались споры о том, следует ли считать наблюдаемым объект, видимый только в микроскоп [Fraassen, 1980].

Поскольку активное восприятие субъективно, то данные одиночного наблюдения не могут иметь эпистемологически значимого статуса, которым наделяли протокольные предложения логические позитивисты. Отчет об экспериментальных данных всегда включает измерения, а поскольку использование измерительных средств всегда предполагает некоторое теоретическое обоснование, то отчет о наблюдении всегда будет теоретически нагружен.

Итак, существует два взгляда на восприятие. Первый рассматривает восприятие как зеркало, второй – как активное действие. Первый взгляд более приемлем для философа, поскольку обеспечивает надежные основания объективизму. Второй взгляд является относительно новым и неудобным для философа, так как может влечь релятивизм и требует дополнительных обоснований надежности наблюдений, таких как требование воспроизводимости.

Литература

- Декарт Р.* Первоначала философии. Сочинения. М.: Мысль, 1989.
- Дюгем П.* Научная теория. Ее цель и сравнение. СПб, 1910.
- Hanson, N. R.* The Patterns of Discovery. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1958.
- Кун Т.* Структура научных революций. М. Прогресс, 1975.
- Neisser U.* Cognition and reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology San Francisco by W.H. Freeman and Co, 1976.
- Van Fraassen B.* The Scientific Image. Oxford: Oxford Univ. Press, 1980.
- Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. – М.: Идея-пресс, 1999.
- Куайн У.* Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада. М.: Логос, 1996.
- Карнан Р., Хан Х., Нейрат О.* Научное миропонимание – венский кружок // Логос. 2005. № 2(47). С. 20.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ ПОНИМАНИЯ

А. Ю. Нестеров, Ю. В. Троицкая

Самарский государственный аэрокосмический университет
им. ак. С.П. Королёва (г. Самара)

Термин «понимание» требует уточнения как содержания, объёма и статуса понятия «понимание», так и терминологического контекста, в котором возможно рассуждение об «аналитической» дефиниции этого термина.

В контексте эпистемологии представляется возможным исходить из анти-тезы познание/понимание, допуская, что понимание – это деятельность индивидуального сознания, отличная от познания как объяснения или моделирования данных восприятия средствами рассудка и разума. Фактически эта модель была предложена И.Г.Дройзеном в противопоставлении спекулятивного метода познания, физического метода объяснения и исторического метода понимания. В начале 20в. эту антитезу использует В.Дильтей, определяя понимание как «обнаружение Я в Ты... как самотождественность Духа в Я, в Ты, в любом субъекте любого сообщества» [1], т.е. как условие успешности коммуникации, и в разграничении элементарных и высших форм понимания предлагая две классических дефиниции: на элементарном уровне (в отношении выражения к тому, что в нём выражено) понимание раскрывается как «процесс распознавания внутреннего по знакам, даваемым нам чувствами извне», на высшем уровне (в отношении выражения к тому, что реализуется

через данное выражение) – как экзегеза, «искусная интерпретации длительно фиксируемых жизненных проявлений» [2]. Этот способ определения понятия понимания используется и Э.Бетти: «узнавание и воссоздание смысла, посредством Духа, обращённого к мыслящему Духу через формы своей объективности» [3].

Нетрудно увидеть (и многие исследователи на это указывают), что понимание в формулировках, использующих таким образом понятие Духа, – это на самом деле рефлексивное познание, так что антитеза познание/понимание служит лишь для уточнения и конкретизации механизмов познания в онтологии объективного идеализма. Познание как объяснение – это деятельность, осуществляемая индивидуальным сознанием в силу механизмов, присущих именно индивидуальному сознанию. Понимание же – это деятельность, осуществляемая индивидуальным сознанием лишь через снятие собственной индивидуальности, т.е. в силу механизмов, присущих социальному сознанию или в силу форм объективного Духа. Таким образом конкретный вопрос о понимании превращается в ряд вопросов антропологии или социальной философии, имеющих лишь косвенное отношение к проблеме понимания, таких как соотношение индивидуального и социального, формы социального в индивидуальном в контексте проблемы идентичности и т.п.

В контексте неидеалистической эпистемологии понимание можно ввести как некоторый способ работы с текстом, как процесс распознавания смыслов текстов, отличный от познания как распознавания значений. Известно, что понятие текста в терминологии Ф.де Соссюра раскрывается в качестве фиксированной речи на определённом языке, в терминологии Ю.М.Лотмана – в качестве того, что обладает признаками структурности, ограниченности и выраженности, в терминологии Н.Лумана – в качестве системы, противостоящей окружению, в моделях теории информации – в качестве сообщения, возможного при наличии кода, или сигнала, распознаваемого в шуме. В определениях понятия текста очевиден изоморфизм текста и знака, так что для предметного анализа структурные модели взаимозаменяемы с моделями логического анализа, восходящими к Г.Фреге. Данная взаимозаменяемость очевидна, например в представлении о значении как инварианте у Б.Рассела, где значение – это «свойство предложения, которое сохраняется во всяком точном переводе» [4], и у Б.А. Успенского и Ю.М.Лотмана, где значение есть «инвариант при обратимых операциях перевода» [5].

Соответственно как для структурного анализа, так и для программы логицизма существенной проблемой является анализ сигнификата знака (означаемого, смысла, десигната, интерпретанты, концепта, плана содержания текста). Поскольку область содержания – это область индивидуального понимания (скажем, в рецептивной эстетике – это область произведения как «конституированности текста в сознании читателя» В.Изер [6]), постольку преодоление психологизма в этой сфере должно осуществляться не в контексте собственно структурной теории, ориентированной на познание, а в контексте терминологической модели, ориентированной на понимание.

Если подойти к проблеме понимания в контексте онтологии и рассмотреть его как некоторое отношение между элементами сознания (как фактами, объектами, содержаниями или знаками) или как отношение между элементом сознания и сознанием как таковым, то мы увидим, что отношение понимания раскрывает так-бытие (So-Sein) объекта сознания в отличие от отношения познания, раскрывающего вот-бытие или наличное бытие (Da-Sein) объекта сознания. Если сам объект сознания рассматривать в качестве знака (скажем, в модели познания как формообразования Э.Кассирера), тогда познание раскрывает его денотат (т.е. предмет, на который указывает знак, и соответственно, то, что выступает условием истинности данного знака, если он реализуется как суждение, высказывание или текст), а понимание раскрывает его сигнификат (смысл, мысль или содержание).

Если рассматривать понимание как отношение между элементами сознания, то дефиниции понимания будут производными от определения сознания. Соответственно традиции можно рассуждать о сознании (как об отношении Я к предмету или о субъект-объектном отношении, Г.В.Ф.Гегель) как практическом или теоретическом, так что дефиниции понимания будут либо описывать прикладную деятельность понимания, либо теоретически моделировать принципы практической деятельности понимания и отвечать на вопрос «как возможно понимание?». Деление герменевтики в соответствии с возможностями дефиниций понимания осуществлено, например, Г.Шольцом [7] и включает техническую герменевтику (преимущественно Ф.Д.Э.Шляермахер), философскую герменевтику (преимущественно В.Дильтей, Э.Д.Хирш, Э.Бэtti) и герменевтическую философию (М.Хайдеггер и Г.-Г.Гадамер). Критерий, позволяющий отличать аналитическую модель от спекулятивно-умозрительной, прост: «Если мы хотим знать, определять нам какую-то герменевтику как «техническую» или как «философскую», нужно лишь спросить, преобразуются ли её высказывания в нормы интерпретации» [8]. Сходным образом Э.Бетти выделяет три задачи интерпретации (где интерпретация обозначается «как действие и метод, успехом и целевым результатом которого является понимание»): рекогнитивную, нормативную и репродуктивную [9], фактически устанавливая изоморфизм интерпретации и структурного анализа.

Очевидно, что проблема понимания для структурного анализа текста, логического анализа, для, пожалуй, любого вида практического познания может быть поставлена лишь технической герменевтикой, которую можно было бы назвать и аналитической герменевтикой. У Ф.Шляермахера в 19в. — это та дисциплина, что исходит из «факта непонимания речи» [10] и вводит понимание как воссоздание данной нам речи через т.н. четырёхступенчатую позитивную формулу герменевтики [11]. В 20в. задачу аналитической герменевтики формулирует, например, Г. Альберт: «Вопрос «как возможно понимание» должен быть заменён на вопрос о реальных условиях деятельности понимания и рассмотрен в качестве проблемы реальной науки» [12]. Развёрнутую модель понимания как работы индивидуального сознания с речью (в т.ч.

и с фиксированной речью, т.е. текстом) предлагает среди прочих В. Кюнне [13], выделяя 6 ступеней понимания: 1. перцептивное, 2. буквальное, 3. буквальное в данном контексте, 4. схватывание пропозиционального смысла выражения, 5. понимание модального смысла выражения, 6. понимание как объяснение действия говорящего субъекта (как раскрытие контекста, в котором его высказывание объяснимо). Критика психологизма в этой модели проявляется в очевидном снятии антитезы понимание/объяснение, так что объяснение реализуется как одна из ступеней понимания, понимание в свою очередь – как необходимое условие возможности объяснения. Можно сказать, что аналитическая модель понимания раскрывается как диалектический синтез противопоставления познание/понимание, подразумевающий существование этого противопоставления в качестве своей необходимой предпосылки.

Техническая герменевтика в качестве аналитической модели, обеспечивающей эксплицируемость содержания или смысла текста, имеет дело с 1. восприятием, 2. со снятием непосредственности восприятия в знаке и 2.1 с включением данного знака в систему кодов, 3. с выявлением отношения знака к денотату (отношения текста к условиям, при которых оно может быть истинным), 4. с выявлением отношения субъекта знака (или говорящего субъекта, для теории литературы – «идеального автора», ни в коем случае не биографического и не имплицитного) к знаку как к осуществляемому им действию. Таким образом вводимое технической герменевтикой понимание реализуется как коррелят процесса познания или коррелят интерпретации (где в понятии интерпретации обобщается многообразие методов практического познания). Пожалуй, самый простой способ различения интерпретации и понимания предлагает А. Бюлер: «Понимание – это всегда правильное понимание (*Richtig-Verstehen*). Интерпретация, напротив, может быть правильной или неправильной, как минимум успешной или неуспешной. Интерпретирование таким образом не обязано заканчиваться успехом.» [14]. Соответственно интерпретация – это деятельность, возможным, но не обязательным результатом которой является понимание. Таким образом снимается противопоставление интерпретации и анализа как методов работы исследователя, например, с художественным текстом. Интерпретация именно в качестве общего термина для различных методов анализа противопоставляется пониманию как целевому результату, подразумевающему определённое соотношение элементов или содержаний сознания (исследователя), отличное от того, что было до данной интерпретации.

Сказанное можно выразить на языке философской герменевтики так: распознавая в восприятии текст на определённом языке (а «всё, что можно понять – это язык» [5], Г.-Г. Гадамер), человек в акте понимания устанавливает место данного текста (как языковой деятельности) в данной ему действительности. Понимание соответственно раскрывается как необходимый коррелят познания как в качестве подразумеваемого результата познания, так и в качестве условия его возможности. Другими словами, понимание в техниче-

ском или аналитическом значении этого термина – это не только результат интерпретации, возникающий в индивидуальном сознании исследователя, и не только необходимое условие возможности (предпонимание) интерпретации, но обратная сторона деятельности познания, требующая терминологического фиксации.

Таким образом можно утверждать, что логический анализ высказываний (предложений) и структурный анализ текста как виды интерпретации являются методами установления значений, так что их генезис (логика, лингвистика или герменевтика) большой роли для предметно-ориентированного исследования уже не играет. В каждом из этих методов возникает проблема понимания как проблема смысла, содержания или собственно понимания. Решение этой проблемы осуществляется через выявление результатов и условий возможности данного метода, проводимое в контексте онтологической модели понимания, в которой снятая оппозиция понимания и познания выступает в качестве необходимого основания предметной фиксации практической деятельности понимания.

Примечания:

1. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. F.a.M., 1981. S.235.
2. Дильтей В. Возникновение герменевтики // Дильтей В. Собрание сочинений в 6-ти т., Т.4. М., 2001. С.238-239.
3. Betti E. Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre. Tuebingen, 1988. S.15
4. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000. С.108.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб, 1998. С.45.
6. Iser W. Der Lesevorgang // Warning R. (Hrg) Rezeptionsaesthetik: Theorie und Praxis. Muenchen, 1993. S.253.
7. Scholtz G. Was ist und seit wann gibt es “hermeneutische Philosophie”? // Dilthey-Jahrbuch. Bd.8/1992-93, Goettingen. S.93-119.
8. Scholtz G. Was ist und seit wann gibt es “hermeneutische Philosophie”? S.104.
9. Betti E. Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre. S.13, 58.
10. Schleiermacher F.D.E. Die allgemeine Hermeneutik // Internationaler Schleiermacher-Kongress Berlin 1984. Berlin, New York, 1985. S.1271.
11. Schleiermacher F.D.E. Hermeneutik und Kritik. Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. Fa.M., 1977. S.93-94.
12. Albert H. Hermeneutik und Realwissenschaft. Die Sinnproblematik und die Frage der theoretischen Erkenntnis // Bueler A. (Hrg) Hermeneutik. Heidelberg, 2003. S. 43.
13. Kuenne W. Verstehen und Sinn. Eine sprachanalytische Betrachtung // Bueler A. (Hrg) Hermeneutik. S. 61-78.

14. Buehler A. Die Vielfalt des Interpretierens // Bueler A. (Hrg) Hermeneutik. S.119
- 15 Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Tuebingen, 1990. S.479.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАБОТКИ СИГНАЛОВ

Т. Курманбек уулу, А. Ю. Серен

Институт автоматики и электрометрии СО РАН

Теория обработки сигналов относительно недавно стала самостоятельной отраслью науки. В настоящее время она стала важным инструментом во многих областях науки и техники. Однако обработка сигналов встречается везде в повседневной жизни, и ясно, что она далеко выходит за рамки научных теорий. Для обоснования этого тезиса обратимся к понятию информации.

Наиболее бурное и плодотворное развитие проблема информации получила в рамках теории информации и кибернетики. В вероятностной теории информации, К. Шеннон дал новую интерпретацию информации как снимаемой, уничтожаемой неопределенности.

В основе теории информации лежит открытие в том, что информация допускает количественную оценку. Наиболее четко эта мысль была высказана Хартли в 1928 г., а затем была развита и обобщена Шенноном, Винером, фон Нейманом, Фишером, Колмогоровым и другими. Для развития теории информации в ее современном виде вообще не требуется понятия информации как таковой; необходимым и достаточным для построения теории информации является понятие количества информации.

Во-первых, анализ этого понятия показывает, что информация не является некоторой нематериальной субстанцией, а есть **свойство материи**. Во-вторых, философские изыскания показали, что понятие информации в кибернетике родственно с понятием отражения, рассматриваемым диалектическим материализмом (в основном это изыскания советских философов).

В соответствии с реальной действительностью диалектический материализм утверждает, что все материальные тела находятся во взаимодействии друг с другом. В силу этого взаимодействия всякое изменение состояния одного объекта приводит к изменению состояний других, взаимодействующих с ним объектов. Свойство отражения состоит в том, что между состояниями взаимодействующих объектов существует определенная связь, соответствие. Свойство отражения присуще не только объектам, но и процессам (т.е. изменениям объектов) и проявляется в наличии соответствия между отражающими друг друга процессами; это соответствие может носить весьма сложный характер. С другой стороны, говорят, что «объект (или процесс) А содержит в себе информацию об объекте (или процессе) В», именно в тех случаях, когда между состояниями объектов (или процессов) А и В существует соответствие. Имеется ли в виду соответствие между ощущениями и реальностью

или соответствие между положением стрелки вольтметра и напряжением на его клеммах – во всем широчайшем диапазоне подобных ситуаций один объект отражает другой, один объект содержит информацию о другом.

Понятие информации в теории информации и понятие отражения в философии являются разными абстракциями одного и того же свойства материи. Информация и отражение базируются на соответствии между состояниями материальных объектов, на соответствии между процессами.

Это, однако, не означает, что теория информации охватывает или заменяет понятие философской теории отражения. Здесь определенный круг явлений и отношений рассматривается с разных точек зрения, – с позиций философии (теория познания, теория отражения) и с позиций естественных, точных наук (кибернетика, теория информации). Философию, прежде всего, интересуют **качественные** различия между типами отражения (информации); теория информации занимается **количественным** описанием этого свойства материи. Тем не менее, одни задачи переходят в другие. И примеров можно привести достаточно много.

В процессе отражения обязательно происходит изменение формы, перекодирование объекта. Например, отражая объективный мир, человеческий мозг кодирует его в виде логических форм – понятий, умозаключений, теорий и т.д. В самой же объективной реальности логические формы отсутствуют, а существует лишь разнообразие объектов, явлений, их связей и отношений. В процессе принятия отражения (информации) человек осуществляет декодирование, т.е. переводит его в язык вещей, предметов и т.д.

При осуществлении радиопередачи для отображения сообщения используется целый ряд физически различных объектов: машинописный текст передачи – голос диктора – электромагнитные волны – колебания тока в обмотке электромагнита – звук громкоговорителя – колебания барабанной перепонки слушателя – колебательные процессы в слуховом нерве слушателя. В качестве звеньев этой цепи можно включить запись и воспроизведение звука на магнитофоне и т.д. Общее, что связывает такое многообразие объектов, заключается в том, что все они служат для образования сигналов. В известном смысле можно сказать, что эти объекты сами «служат в качестве сигналов», однако более существенно то, что один и тот же объект (например, электромагнитное поле) может нести разные сигналы. Следовательно, в качестве сигналов используются не сами по себе объекты, а их состояния. Образование сигнала заключается в изменении состояния объекта. Это утверждение требует развития, так как, очевидно, обратное неверно: не всякое изменение состояния объекта является сигналом. Воздействие на объект, изменяющее его состояние, только тогда приведет к образованию сигнала, когда это воздействие производится по определенным правилам (в терминологии теории связи комплекс правил образования сигнала называется кодом). Наличие таких правил обеспечивает соответствие между сообщением и сигналом. Существование этого соответствия, в свою очередь, обеспечивает возможность извлечения сообщения из полученного сигнала. Эта возможность может быть

реализована только в том случае, если правила изменения состояния объекта (т.е. правила образования сигнала) известны стороне, получившей сигнал, или известны частично, по крайней мере, до такой степени, чтобы, опираясь на эти частичные сведения и анализ сигнала, полностью определить эти правила. Теперь можно дать уточненное определение: **сигнал есть изменение состояния материального объекта, произведенное по заранее определенным правилам (т.е. с помощью заранее определенного кода).**

В самом общем случае, при отражении, передача информации от отражаемого объекта к отражающему происходит при наличии некоторой среды, передающей информацию. Как это было сказано выше, эту среду принято называть **сигналом**. Это означает то, что для передачи информации, она должна быть **обработана**, а именно закодирована в виде сигнала. Чтобы восстановить информацию из полученного сигнала, также требуется **обработка**, но на сей раз декодирование. Общий процесс отражения может быть представлен следующим рисунком.

Рис. Схема отражения (передачи информации)

Итак, процесс передачи информации невозможен без **обработки сигнала** (кодирование и декодирование). Вокруг человека происходит множество природных и физиологических процессов передачи, получения, обработки информации, которые остаются для него незамеченными. Не будь этих процессов, человек не смог бы получать информацию из окружающей среды.

Человек издревле сам изобретает способы передать и обработать информацию. Например, древний способ передачи сигналов об опасности, через дым костра, создание письменности, а затем ее шифрование, телеграфные сообщения и многое другое. Ясно, что для эффективной передачи информации, обработки сигналов, интерпретации и использовании необходима теория о сигналах и их обработки.

Литература

- 1) **Урсул А. Д.** Информация. Изд. «Наука», М. 1971
- 2) **Тарасенко Ф.П.** Введение в курс теории информации. Изд. ТГУ, Томск-1963
- 3) **Робинсон Э. А.** История развития теории спектрального оценивания. ТИИЭР, т. 70, № 9, 1982

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

Е. А. Колмакова

Омский государственный аграрный университет

Обычно принято выделять рациональность знания и рациональность действия. К первому относятся вопросы о соотношении категорий логоса и мифа, знания и мнения, разума и веры, рассудка и разума, дедукции и индукции. Во втором ставится проблема рационального, то есть осмысленного, продуманного, рассчитанного, целесообразного действия.

С последним связана проблема потери идентичности рациональности, поэтому остановимся на данном вопросе. Представление о рациональности как определенном типе мироотношения не ограничивается рациональностью в познавательной деятельности, включающей научную рациональность. Она предполагает и рационализацию реальной практической деятельности, рационального действия по отношению к окружающей человека реальности. В классических философских представлениях рациональное действие как таковое не делалось предметом специального анализа, подразумевалось, что рационализация сознания, формирование рационально-познавательных установок выступает не только необходимым, но и достаточным условием обеспечения рационального эффективного действия. Это, кстати, явилось одной из основных иллюзий Просвещения. Говоря о специфике рациональной деятельности В. С. Швырев связывает ее не с результативностью, эффективностью деятельности, которая может быть достигнута различными путями, - «аффективный поступок, — отмечает он, — действительно бывает гораздо результативней рационально продуманных осторожных акций, в этом смысле он «рациональней»[1]. Здесь есть своя проблема, и она связана с оценкой эффективности рациональности в жизнедеятельности в целом. Стоит отметить, что критика рационализма шла, во многом, как раз с этой стороны. Но как бы не оценивать эффективность рациональности в жизнедеятельности в целом, специфику рационального действия, по-видимому, следует связывать с определенными механизмами управления деятельностью, ее программированием, а именно, наличием четко фиксируемого и рефлексивно контролиру-

руемого основания деятельности, выступающего в качестве ее идеального плана.

Впервые понятие рационального действия как теоретическое понятие было введено Максом Вебером в контексте его типологии социальных действий. Этот философ различал два вида рационального действия: целерациональное (формальная рациональность) и ценностно-рациональное, которые противопоставлялись нерациональным видам действия: аффективному и традиционному. По М. Веберу, целерациональное действие в наибольшей степени воплощает идеал рациональности, поскольку предметом рационального сознательного контроля выступает и цель действия, и средства ее достижения. Ценностно-рациональное действие же руководствуется ценностными мотивами и установками, на которые не распространяется рационализация. Однако «планомерность» реализации ценностных мотивов и установок, организованность и последовательность достижения определяемых ими целей позволяет в этом аспекте характеризовать действие как рациональное в отличие от аффективного и традиционного, которое весьма близко ценностно-рациональному с точки зрения мотивации, но носит более автоматичный, в меньшей степени организованный характер. Идея полноты рациональности в целерациональном действии, несомненно, связана с представлениями о нормальности и естественности, зрелости общества западного типа. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, М. Вебер не скрывает генетическую связь целерационального действия с тем типом поведения, на который ориентировалась буржуазная политическая экономия со свойственной ей тенденцией рассматривать его в качестве «естественного» и единственно соответствующего человеческой природе. «Секрет» предложенного М. Вебером понятия целерационального поведения заключается в том, что исходная мотивация последнего в отличие от ценностной рациональности рассматривается как нечто естественное, само собой разумеющееся, что позволяет вынести «за скобки» проблемы этой мотивации и сконцентрировать внимание на средствах достижения целей, тогда как процессы постановки последних представляются весьма прозрачными, естественно подразумеваемыми системой ценностных координат западноевропейской цивилизации. Таким образом, целерациональность Вебера сама может быть истолкована как латентная форма ценностной рациональности, пользуясь его собственной терминологией.

Генетически истоки рациональной мироориентации восходят к корневым основаниям психики, которая понимается как механизм ориентировочного поведения [2 с. 65-66]. Это поведение выходит за рамки автоматических инстинктивных реакций, наследственно заданных программ поведения и предполагает «обследование» ситуации, «примеривание» к ней, поиск наиболее эффективных способов действия в данной ситуации. Здесь можно говорить о рациональности поведения хищного зверя, планирующего свой прыжок на жертву (пример ориентировочного поведения, приведенный П. Я. Гальпериным), так же, как мы говорим об интеллекте (наглядно-действенном) высших животных, об их «оперативном мышлении». Однако принципиальное отли-

чие рациональности поведения человека заключается в том, что если у животных рамки ориентировочного поведения определяются их витальными видовыми программами, то у человека адаптивное целесообразное поведение выходит за рамки витальной целесообразности и связано с ориентацией на социально-культурные нормы, ценности и стандарты. Это, кстати, и является основанием для отождествления рациональности с целесообразностью. И было бы неправильно отказывать подобному адаптивному целесообразному поведению в рациональности в широком смысле слова. Четкая фиксация шагов в осуществлении цели, предполагающая контроль сознания, может квалифицироваться как рациональное поведение.

Литература

1. Швырев В. С. Рациональность как философская проблема. / Рациональность как предмет философского исследования. – [http:// www.philosophi.ru/iphras/library](http://www.philosophi.ru/iphras/library).

2 Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ

С. Г. Крейдич

Самарский муниципальный университет Наяновой (г. Самара)

Бесспорно, что наука является одной из основных и древнейших форм человеческой деятельности. Не менее очевидно также и то, что она на протяжении почти всего своего существования стоит перед проблемой собственного обоснования.

Особенно остро вопрос этот встал в XX веке, когда неадекватность философского образа науки зачастую стала приводить к антисциентизму. Основным же вопросом философских оснований науки следует считать вопрос ее онтологии. Об этом сейчас практически не вспоминают, но проблема эта возникает практически сразу при мало-мальски серьезной рефлексии по поводу оснований науки. Действительно, начало нового времени целиком проникнуто оптимистической верой в то, что человечество, используя научный метод, получит, наконец, ответы на фундаментальные вопросы бытия. XIX век целиком прошел под знаменем веры в бескризисный прогресс, а буквально через столетие возник постпозитивизм, утверждающий, что наука рассматривает лишь несколько конкретных и ближайших задач, но уже не ищет объективную истину. Если сильно упростить этот вопрос, то он может звучать так: Да, делать мобильные телефоны легче, меньше, надежнее и функциональнее безусловно нужно, но почему никто не рассматривает больше глобальных

вопросов поиска истины? Почему за столетие произошла столь кардинальная смена акцентов?

Одним из вариантов ответа на этот вопрос может быть указание на утрату наукой рефлексии по поводу как своих оснований вообще, так и онтологических в частности. Одним из первых, не только заметивших, но и попытавшихся решить эту проблему является Николай Гартман (Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб, 2003). Предложенную им концепцию следует в целом назвать довольно успешной и вполне функциональной, хотя и не бесспорной. К сожалению, идеи Гартмана не нашли последователей, хотя немало ученых и философов отдали дань этим вопросам, но альтернативы концепции Гартмана так и не было создано.

Мир состоит из вещей, которые существуют независимо от чьего-либо познания. Конечно, эти вещи могут становиться предметами познания, но при этом, разумеется, они не претерпевают изменений в своей сущности и познаются именно такими, какие они и есть сами по себе. Рассуждения о бытии есть необходимое свойство мысли. Отсюда с необходимостью следует вывод о том, что онтология, определяющая свой предмет как сущее, поскольку и насколько оно сущее, должна предвещать любую из частных наук. «Онтологического уклона, - пишет Гартман, - таким образом, не могут избежать и те теории, от которых прежде всего можно было бы ожидать, что они его действительно вполне могут избежать. Даже самый внешний субъективизм не может не объяснить каким-либо образом хотя бы видимость бытия. При чем в этом случае он убеждается, что объяснить видимость ничуть не легче, чем само бытие, поэтому системы такого рода оказываются столь надуманными. Они как будто надрываются под тяжестью вопроса о бытии и вынуждены платить за эту претензию внутренней надломленностью» [С.83]

Перед тем, как поставить вопрос о том, как совершается познание, необходимым образом надо иметь представление о том, что именно познается. Мир, в котором живет познающий субъект, и который, собственно, и мыслится как совокупность познаваемых предметов, существует независимо от этого субъекта, а вовсе не конструируется в процессе познания. Если хотя бы на мгновение усомниться в этом, жизнь попросту потеряет смысл. Любая из естественнонаучных дисциплин может называть себя наукой лишь в том случае, если будет считать космос, исследованием которого занимается, чем-то реально существующим. Допустим, что ученый начнет сомневаться в реальном бытии объекта своего исследования. Очевидно, что в этом случае его деятельность перестанет быть наукой (а значит и иметь к гносеологии какое-либо отношение) и превратится в банальное фантазирование. Таким образом, не располагая необходимым основанием, которое может дать только онтология, любое философское, а равным образом и научное, положение повисает в воздухе.

Рассмотрение этих вопросов может занять солидный объем и стать поводом для написания не одного философского труда, а потому здесь мы огра-

ниваемся лишь постановкой проблемы (даже без претензии на воссоздание ее основных контуров).

МЕТОД ОБОСНОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. М. Воин

Международный Институт «Философия и проблемы общества» (г. Киев)

Отсутствие единого, принятого всеми метода обоснований научных теорий является главной проблемой в гуманитарной сфере. К чему это приводит, становится очевидным, если сравнивать ситуацию в сфере гуманитарных наук с аналогичной в естественных науках. В сфере естественных наук теория принимается или отвергается всем научным сообществом. Не сразу, конечно. Сначала существуют конкурирующие гипотезы, сторонники которых ведут между собой спор. Но, поскольку спор ведется на основе единого метода обоснования, то рано или поздно он заканчивается либо признанием одной гипотезы и отвержением другой, либо синтезом нескольких гипотез в одну теорию. В результате происходит поступательное развитие естественных наук.

В сфере же гуманитарных наук никакая теория никогда не принимается и не отвергается всем сообществом гуманитариев и поэтому не происходит поступательного развития. В сфере естественных наук немыслимо себе представить, чтобы кто-нибудь попытался возродить, скажем, теорию флогистона и считался бы при этом почтенным ученым, доктором, профессором и т.п. А в философии можно быть вполне почитаемым неоплатоником, неаристотелианцем, неокантианцем или неоницшеанцем. Мало того, что противоречащие друг другу школы и направления сосуществуют в гуманитарной сфере, но отсутствие признанного метода обоснования, делающее научные споры бесплодными, привело к тому, что зачастую между представителями конкурирующих школ и спора то никакого уже не ведется. Представители одной школы просто игнорируют представителей другой. Таково, например положение в психотерапии, где новые направления возникают, как грибы после дождя (гештальт-психология, психодрама, символдрама и т.д.), но сколько-нибудь серьезного спора между ними не наблюдается. А вот как высказывается один из представителей оксфордской аналитической школы Михаил Дюмет об одном из столпов экзистенциализма Хейдеггера: «...Хейдеггер воспринимался лишь как экзотика, слишком абсурдная, чтобы относиться к ней всерьез, для того направления философии, которое практиковалось в Оксфорде» (M.Dummett «Truth and other enigmas», "Duckworth", London).

Возникает вопрос: а может ли метод обоснования, выработанный в естественных науках, быть корректно перенесен в гуманитарную сферу? Мало того, существует ли этот метод в самих естественных науках?. Последнее подвергалось сомнению со времен возникновения рациональной науки и ре-

шительно отвергается представителями пост позитивизма Куайном, Куном, Фейерабендом и в меньшей мере Поппером, Лакатосом и Лауданом. В цикле статей, посвященных единому методу обоснования («Философские исследования», №3,2000; №1,2001; №2, 2002) я показал, что этот метод действительно существует в естественных науках. Правда, до сих пор он не был представлен эксплицитно и действовал на уровне стереотипа естественно научного мышления. Я сформулировал этот метод и показал, что вопреки утверждениям пост позитивистов он остается неизменным при смене научных парадигм типа: ньютоновская механика, теория относительности, квантовая и квантово релятивистская физика. Узловыми моментами метода являются правила ведения понятий, обеспечивающие их однозначность и привязанность к опыту и правила развертки теории, обеспечивающие сохранение однозначности понятий и однозначность выводов.

Я показал также, что с соответствующей адаптацией этот метод применим и в гуманитарной сфере. В частности я проиллюстрировал применение этого метода к исследованию степени научности марксизма («Побритие бороды Карла Маркса или научен ли научный коммунизм», Киев, 1997). На базе моего подхода я создал теорию оптимальной морали («Неорационализм», Киев, 1992) и показал возможность применения этого метода к исследованию Священного Писания («От Моисея до постмодернизма. Движение идеи», Киев, 1999).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Н. П. Суханова

Новосибирский гуманитарный институт

Среди гуманитарных дисциплин психология представляет сегодня особый интерес для философии и методологии. На данный момент кризис психологии может быть точно квалифицирован как кризис построения психологии по образцу естественной науки. В психологии мы имеем дело с объектом, который каждый раз ведет себя по-новому, здесь нет того объекта, с которым всегда имела дело естественная наука. Каждый исследователь создает объект своей деятельностью. В психике отражается система культурных норм, взаимодействие других людей в ситуации и т.д. Т.е., в психологическом исследовании на первый план выступает не изучение внешнего объекта, а рефлексия, непрерывный анализ и осознание опыта своей работы. Именно так работают все гуманитарные науки (1).

Стремление психологии походить на естественные науки было связано с желанием упростить изучаемую реальность, вписав ее в ограниченный набор простых схем типа стимул-реакция. Однако в своем желании быть похожей

на естественные науки, психология на самом деле ориентировалась не на них, а на их давно опровергнутый позитивистский образ. Базовые позитивистские мифологемы выглядят следующим образом: научное знание основано на твердых эмпирических фактах; теории выводятся из фактов; наука развивается посредством постепенного накопления фактов; поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение; теории принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом. Во всех своих ключевых точках позитивистский образ научного познания не соответствовал действительности, за что и был отвергнут в естествознании (2). Однако в психологии этот образ оказался очень живучим и подчиненность психологии позитивистским нормативам проявилась в форсированной математизации, в необходимости эмпирической верификации любых утверждений, в стандартной структуре психологических исследований, предполагавшей, что из теорий выводятся гипотезы, а из них – эмпирически проверяемые операциональные следствия и т.д. Четко следовать позитивистским стандартам в психологии оказалось невозможно, реальная исследовательская практика в них не вписывалась. Ориентация на недостижимые стандарты, основанные на позитивистских мифах о науке, порождает позитивистское перенапряжение психологии. Наиболее типовой реакцией на это перенапряжение служит, – как отмечает А.В. Юревич, – позитивистский камуфляж – не построение, а описание исследовательского процесса таким образом, как будто гипотезы выведены из теорий, полученные выводы строятся только на основе эмпирического опыта и т.д.» (3). Позитивистский камуфляж не является лишь порождением недобросовестных исследователей, а возникает из-за того, что реальная исследовательская практика не вписывается в искусственно ограничивающие ее стандарты.

Позитивизм в психологии сосуществует наряду с феноменологизмом, который проявляется в том, что психологи изучают психологическую реальность в том виде, в каком она предстает их восприятию, т.е. по существу изучают не саму эту реальность, а свои восприятия. Исключениями не являются и такие направления психологии, которые считаются избавленными от субъективности, например, бихевиоризм. Так, А. В. Юревич обнаруживает, анализируя эксперименты бихевиористов, невозможность изъятия из ситуации эксперимента самого исследователя, т.е. обнаруживается неустраняемая включенность исследователя в ситуацию исследования: его исследовательских процедур, его понимания того, что происходит и знания о том, что он изучает, – все это оказывается совершенно неустраняемым элементом самой ситуации исследования и, стало быть, того объекта, изучением которого он занимается. Например, Э. Толмен, изучающий поведение крыс, постоянно подчеркивал, что исследователь неизбежно черпает свои объяснительные схемы из своей собственной феноменологии. Э. Толмен при объяснении поведения крыс постоянно идентифицировал себя с ними, регулярно задавая себе вопрос: «а что бы я сделал на месте крысы?». Исследователь формули-

рует перед испытуемым задачи в терминах своего восприятия психологической реальности и оказывается, что изучению подлежит не психологическая реальность как она есть на самом деле, а психологическая реальность сквозь призму восприятий исследователя.

Действительно, А.В. Юревич верно отмечает трудности изучения психологической реальности, однако, вместе с тем, нельзя согласиться с его идеей о том, что для разработки новой парадигмы в психологии (не позитивистской) необходимо выйти за пределы собственных восприятий, увидеть психику не нашим привычным феноменологическим взором, а «изнутри». На самом деле мы не обладаем необходимыми теоретическими средствами, позволяющими увидеть психологическую реальность безотносительно к тому, кто ее изучает. И сам А.В. Юревич верно указывает на этот факт, но не по отношению к психологии, а по отношению к физике, когда цитирует известного ученого Е. Героха, признающего, что теории состоят из неисчислимого количества идей, аргументов, предчувствий, неопределенных ощущений, ценностных суждений, объединенных в своеобразный лабиринт. Т.е. мы не напрямую изучаем физическую реальность, а «смотрим» на нее сквозь нашу картину мира. Так и психологическая реальность не может быть нам дана, как она есть на самом деле и осознание, учет этого факта представляется очень значимым, так как на данном этапе происходит формирование новой – не позитивистской парадигмы в психологии.

Литература

1. Философско-методологические проблемы психологической науки // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006.
2. Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6.
3. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000, том 21, № 5.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЗНАНИЯ

В. С. Арнаутова

Институт философии и права СО РАН

Основными содержательными характеристиками ноосферы по В.И. Вернадскому являются вещество, энергия и информация. В косном веществе – концептуальный уровень представлен энергией, уровень структуры также представлен энергетическими взаимодействиями, уровень элементов представлен веществом. В ноосфере информационные процессы занимают более высокий уровень организации: они занимают место концепта. Информация

определяет тип управляемых и самоуправляемых систем. Этот концепт реализуется на энергетических структурах, виды энергии разные, включая и социальные виды энергии. Ноосфера существует в форме двух подсистем: техносферы и социосферы. Необходимо обоснование реальности ноосферы.

Другой подход изучения сознания представлен в квантовой психологии, которая утверждает, что мы создаем наш субъективный опыт. В. Гейзенберг показал, что наблюдатель создает то, что он наблюдает.

Д. Бом говорит, что мир состоит из энергии, пространства, массы и времени. А физическая вселенная - это "развертывание" и "свертывание" указанных основных элементов. Ст. Волинский в изучении сознания выделяет семь уровней, и за основу берет механизмы "свертывания" и "развертывания" энергии, пространства, массы и времени. На втором уровне мы рассматриваем наши отношения с энергией. В основе любых эмоций лежит одна и та же основополагающая энергия, которая понимается как свертывание и развертывание энергии, пространства, массы и времени. На шестом уровне проявленное и невидимое постоянно "сворачиваются" и "разворачиваются", а все границы создаются наблюдателем. Седьмой уровень: все состоит из одного и того же вещества. Пережить квантовое сознание означает пережить основополагающую свободу от обособленной самости.

Исследование сознания предполагает выделение его онтологического статуса, т.е. как мы будем понимать сознание: как отношение, как процесс, как свойство, как самостоятельно существующий предмет исследования. Гносеологический статус сознания рассматривается как механизм познания. Наиболее проблематично выделить гносеологический статус сознания в квантовой психологии. Психология, являясь практической деятельностью, имеет свои методы изучения процессов, происходящих в сознании человека. В настоящее время квантовая психология не создала методов для практической деятельности психолога. В связи с этим актуальной становится проблема отношения человека (как носителя сознания) к миру, его представления о мире и сознания в картине мира.

В.П. Зинченко говорит, что трудности связанные с изучением сознания связаны с тем, что составляющие структуру сознания изучаются отдельно, и не выступали в исследовании как компоненты его целостной структуры. Различия в степени наблюдаемости компонентов затрудняют изучение сознания. Другая трудность в изучении сознания состоит в переходе одного слоя сознания в другой (рефлексивный слой сознания одновременно является событийным), что затрудняет их изучение. Нельзя свести сознание ни к одному из его компонентов.

В результате рассмотрения представлений о сознании, мы делаем вывод о том, что проблемы сознания в онтологии и гносеологии зависят от составляющих сознание, от методов изучения и их результатов. Многофункциональная природа сознания породила большое количество методов познания. Метод исследования должен исходить из единства внутреннего и внешнего, субъективного и объективного.

Литература

1. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т.2. М., 1983.
4. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.
5. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.
7. Рузавин Г.И. Методы научного исследования. М., 1974.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Рузанкина

Новосибирская государственная академия водного транспорта

Историческая наука на постнеклассическом этапе развития научного познания оказывается перед альтернативой: либо лишиться статуса науки, либо изменить свои представления о том, что такое наука. Постмодернизм категорично выбирает первую возможность, но этот путь представляется нам не продуктивным для развития историописания. На наш взгляд, адекватный ответ на постмодернистский «вызов» исторической науке может быть дан с помощью методологического ресурса, содержащегося в философско-научных концепциях.

Осуществление философско-научного анализа аргументов постмодернистской критики исторической науки позволяет ослабить гносеологическую напряженность между модернизмом и постмодернизмом через введение постмодернистского «вызова» в контекст общей проблематики философии науки. В рамках философии науки проблемы научного познания, на которые обращают внимание постмодернистские критики истории, осознаются как продукт исторического этапа в развитии науки, как свидетельство необходимости пересмотра традиционных эпистемологических представлений, но не как отказ науки от своего статуса.

Рассмотрим, например, такую идею постмодернизма, как определение реальности исторического нарратива в качестве единственной реальности, доступной для познания историка. Нам представляется, что речь здесь идет о том, что в историческом нарративе конструируется предметная реальность науки, реальность, «как она демонстрирует себя в контексте научного исследования» [1]. Идея «новой» философии истории о том, что именно практика

истории как науки придает значение понятию реальности прошлого, является выражением идеи различения реальности «самой по себе» и предметной реальности науки.

Предметная реальность науки, или предмет науки – это «определенного типа отношение человека к миру и к самому себе, т. е. мир через призму определенного типа деятельности» [2]. Из такого определения предмета науки следует, что «если непосредственным предметом знания является предметная реальность, то вопросы о существовании должны ставиться именно относительно ее, а не относительно неосвоенной деятельности “материи” в натуралистическом понимании: *существовать* для объекта науки – значит быть элементом ее предметной реальности» [3].

Философия науки, фиксируя отличие предметной реальности науки от объективной реальности, легитимизирует историческую смену картин реальности, и такая смена вовсе не означает отсутствие реальности «самой по себе», или невозможность достижения объективности получаемого наукой знания. Однако, постмодернисты используют тот факт, что историческая наука, как и всякая наука, создает свою предметную реальность, как аргумент против научности исторического знания. Возможность опровержения этого аргумента мы и получаем, вводя идеи постмодернистов в общий контекст развития науки и эпистемологии.

Философско-научные теории, признавая различие между объективной реальностью и предметной реальностью науки, утверждают прерогативу научного подхода на наполнение объективной реальности прошлого моделями предметной реальности науки. Другого способа познать действительность, кроме как вложить в нее содержание предметной реальности науки не существует, – наука знает, как устроен мир с точностью до культурных ресурсов, включающих, в том числе, и язык, на что обращают внимание постмодернисты. Претензии науки на объективное познание реальности обоснованы только в том случае, если она осознает свои границы, – принцип, выдвигаемый эпистемологией в рамках неклассического когнитивизма.

Наука вырабатывает социально-культурные механизмы, позволяющие пробиться к объективной реальности через предметную реальность науки. Критики постмодернистского подхода обращают внимание на анахронические взгляды на науку, лежащие в основе версии историографии, представленной «Метаисторией» Х. Уайта. Позиция Уайта объяснима не только тем фактом, что он в своем анализе истории брал за образец классическое естествознание, но и тем, что в его концепции сама история находится на том этапе, когда она еще не сложилась в социальный институт, но представлена великими историками. Поэтому Уайт и не учитывает роль научного метода и профессиональных правил, способствующих (как это происходит в любой другой науке) достижению объективности знания. Именно на этом аргументе строят свою критику «Метаистории» такие историки как Д. Тош и Г. Иггерс.

В своем взгляде на историческую науку Г. Иггерс придерживается точки зрения К. Поппера на сущность науки и научного метода. Поппер считает,

что механизм получения объективного научного знания носит общественный характер: «“научная объективность” не есть продукт индивидуальной беспристрастности ученого. В действительности научная объективность является продуктом общественного характера научного метода. Индивидуальная же беспристрастность ученого – в той мере, в какой она существует – является не источником, а скорее результатом социально или институционально организованной объективности науки» [4]. Личное знание, таким образом, с необходимостью переходит в надличностную форму, публичный характер науки конституирует ее объективность.

Общественный характер научного метода складывается из двух составляющих: во-первых, это *свободный критицизм*, а во-вторых, – *общественный*, т. е. воспроизводимый другими людьми, *опыт* [5]. Ученые придают своим теориям такую форму, в которой эти теории могут быть проверены в общественном опыте – эксперименте или наблюдении. Для содействия научной объективности обществом созданы социальные институты, например, лаборатории, научные журналы, конгрессы. Только функционирование данной системы свободной критики допускает существование объективности в науке.

История как наука, при всей своей специфике, развивается по общенаучным законам. В решении исторической наукой такой общенаучной проблемы, как преодоление натурализма в научном познании, большую роль сыграла постмодернистская критика историографии. Однако, сталкиваясь с неклассической природой исторической науки, постмодернисты определяют ее как ненаучность истории, что связано, на наш взгляд, с их оторванностью от контекста общенаучной практики и философско-научных теорий. Постмодернисты не осознают, что рассматривают инвариантные для науки вопросы и не считают необходимым обратить внимание на сходство процессов, происходящих как в естественных, так и в гуманитарных науках. Выявляя подобное сходство, мы можем поместить историю в общее историческое движение науки от классического к постнеклассическому этапу, что позволит, с одной стороны, сохранить специфику исторического знания, а с другой, – квалифицировать историю как науку постнеклассического типа. Итак, постмодернизм – это не только вызов науке, но и углубление наших представлений о познании, свидетельствующее о неклассическом характере научного исторического знания.

Примечания:

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 274.
2. Косарева Л.М. Предмет науки. М., 1977.
3. Сапунов М.Б. Проблема реальности в биологии (предпосылки и уровни анализа) // Вопросы философии. 1984. № 12. С. 56.

4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 254.

5. «Опыт является общественным, если каждый сомневающийся может его воспроизвести» (Поппер К.Р. Открытое общество... Т. 2. С. 252).

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРИТАЦИИ ТЕКСТА МОСКОВСКОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПАПИРУСА

И. И. Литовка

Институт философии и права СО РАН

Московский математический папирус попал в Россию благодаря Владимиру Семёновичу Голенищеву, который на личные средства производил археологические исследования в Египте в 1884—1889, где собрал огромную коллекцию египетских древностей. В настоящее время папирус хранится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Дискуссия об интерпретации задач из Московского математического папируса пришлась на 30-40 годы XX в., однако окончательная точка в семантическом истолковании текста так и не была поставлена. В. В. Струве в своем издании Московского математического папируса, опубликованном в 1930 г. указал на чисто алгебраическую сущность постановки вопроса в этой задаче [1]. Из папируса чаще других рассматривается задача на нахождение объема усеченной пирамиды. Текст задачи М 14, сопровождается чертежом с пометками. Перевод с египетского выполнен В. В. Струве:

«Сложи вместе эти 16, с этими 8 и 4, ты получишь 28. Вычисли 1/3 от 6. Ты получишь 2. Умножь 28 на 2. Ты получишь 56. Смотри: он равен 56. Ты нашел правильно» [2].

Это, наверное, единственный отрывок из всего древнеегипетского наследия, в отношении которого наиболее авторитетный из исследователей древнеегипетской математики О. Нейгебауэр отзывался без применения уничижительных характеристик: «Самым блестящим достижением всей египетской математики вообще является правильная формула для объема усеченной пирамиды с квадратными основаниями (М 14):

$$V = h/3 (a^2 + ab + b^2)$$

(a , b — длины сторон оснований, h — высота). В этой формуле, прежде всего, поражают две вещи: с одной стороны, ее симметричный вид, а с другой — ее математическая точность. Дело в том, что как раз для получения этой формулы, если только вывод сделан правильным способом, безусловно необходимо оперировать с бесконечно малыми, т. е. выйти за пределы элементарной геометрии» [3].

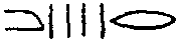
В этом рассуждении О. Нейгебауэр приписывает египтянам совсем не «примитивные» алгебраические преобразования. (Эпитетом «примитивный», О. Нейгебауэр обычно характеризует уровень развития египетской математи-

ки в своих работах.) Если мы примем на веру его вышеизложенную трактовку задачи М14, то нам придется признать достаточно высокий уровень развития египетской математики. Однако он не вполне последователен, и в своей же статье «Геометрия в египетских математических текстах» Нейгебауэр даже не делал попытки воспроизвести решение по нахождению объема усеченной пирамиды, мотивируя это тем, что для правильного решения этой задачи необходима инфинитезимальная [4] процедура, и абсолютно невозможно, чтобы такая сложная процедура была известна египтянам. На этом основании он приходит к выводу, что решение получено путем ошибки, а поиск подобных ошибок - занятие пустое и бессмысленное [5].

Но все же самым спорным фрагментом всех египетских математических текстов является задача М 10. Первым переводчиком и интерпретатором задачи был академик В. В. Струве, который установил, что в этой задаче содержится метод вычисления площади полусферы. Эта точка зрения имеет массу оппонентов, в том числе, среди наиболее непримиримых О. Нейгебауэра: «Было даже объявлено, что в одном примере из Московского папируса правильно определена площадь полушария, но текст допускает гораздо более примитивное истолкование представляющееся более правдоподобным» [6].

Текст задачи №10 в переводе В. В. Струве имеет следующий вид:

«Способ вычисления корзины, если тебе назовут корзину с отверстием $4\frac{1}{2}$ в цельности. О, дай мне узнать ее поверхность. Вычисли $1/9$ от 9, ибо корзина представляет половину яйца. Получается 1. Вычисли остаток 8. Вычисли $1/9$ от 8. Получится $2/3 + 1/6 + 1/18$. Вычисли остаток от этих 8 после отнятия этих $2/3 + 1/6 + 1/18$. Получается $7 + 1/9$. Считай $4\frac{1}{2}$ раза с $7 + 1/9$. Получается 32. Смотри, вот ее поверхность. Ты нашел правильно» [7].

Основное числовое данное текста М 10, на операциях с которым строится все решение - это величина $4\frac{1}{2}$. По толкованию Струве величина $4\frac{1}{2}$ это - диаметр большой полусферы (корзины). Для выведения формулы мы обозначим его как a . Выводится следующая формула, где a - это $4\frac{1}{2}$:

$$F = ((2a - 1/9 2a) - 1/9(2a - 1/9 2a)) a \approx \frac{1}{2} a^2 \pi$$

Совсем другое толкование текста дал Т. Е. Пит. Он выстроил свою версию толкования, на допущении, что в текст вкралась ошибка нерадивого египетского писца и благодаря этому странному стечению обстоятельств, стал возможным перевод и интерпретация Струве. Откорректировав текст Пит [8] пришел к выводу, что «корзину» можно было понимать как полуцилиндр, а переписчик по рассеянности не добавил к обозначенной величине $4\frac{1}{2}$ еще одну точно такую же. По его предположению в тексте должно было быть не одного число $a = 4\frac{1}{2}$, а два числа - a и d , имеющие одинаковое значение $4\frac{1}{2}$. Величину a , таким образом следовало бы считать высотой полуцилиндра, а предполагаемую им в качестве допущения величину d - диаметром

круга. Приняв все эти допущения можно получить правильную формулу для боковой поверхности полуцилиндра:

$$F = a \left(\frac{8}{9}\right)^2 2d$$

О. Негебауэр не принял толкование В. В. Струве из-за его несоответствия собственному представлению об уровне развития всей египетской математики: «В случае М 10 я лично считаю реконструкцию текста, предложенную Питом, по которой даны две величины, значительно более вероятной» [9]. Поддержав версию Т. Е. Пита, сам Нейгебауэр предлагает совсем другой вариант рассмотрения этой задачи. Он считает, что под «корзиной» подразумевается куполообразный амбар, для хранения зерна и указывает, что вычисление в данном случае могло быть только приближенным: «Я предложил несколько иное толкование, исходя из того, что единицами, в которых выражены размеры в этой задаче, должны быть, следуя общему правилу, локти; я. при таком толковании «корзина» получит чрезмерно большие размеры. Поэтому мне кажется, что имеет кое-что за себя предположение, по которому здесь речь идет о вычислении поверхности (количестве потребного материала на покрытие) одного из тех куполообразных амбаров, которые известны нам по целому ряду египетских изображений» [10].

Перевод В. В. Струве на наш взгляд заслуживает большего доверия, хотя бы потому, что он не использует конъектуры и допущения об ошибке писца. Ссылаясь на ошибки переписчика этот текст при желании можно будет прочитать вообще как ремесленную инструкцию по плетению корзин, но подобные допущения явно происходят из изначально предвзятой позиции по отношению к уровню развития математических вычислений в Древнем Египте. Предвзятое отношение ярко демонстрирует сам Нейгебауэр, ведь как специалист в точных науках он не мог не заметить, что даже если принять версию Пита, интерпретация Струве сохраняет свою актуальность. С. Я. Лурье по поводу позиции О. Нейгебауэра отмечает: «Нельзя, например, считать серьезной ссылку на то, что «такая формула принципиально и резко противоречила бы всему тому, что мы знаем об уровне египетской математики, и данным всего прочего материала источников» [11]. И далее: «Я не сомневаюсь, что и формулу объема усеченной пирамиды (если бы папирус допускал какую бы то ни было возможность другого толкования) Нейгебауэр считал бы несоответствующей уровню египетской геометрии. Эти рассуждения - типичное *petitio principii*: мы, в сущности, ничего не знаем о возможностях египетской математики и должны быть готовы ко всяким неожиданностям» [12].

Аристотель, Геродот, Прокл и многие другие античные мыслители, считали родиной геометрии именно Египет, но они к сожалению не оставили никаких конкретных описаний, а лишь краткие упоминания. Проблема в том, что не существует текстуальных свидетельств из первоисточников, помимо рассматриваемых нами спорных моментов, которые бы свидетельствовали о высоком уровне развития геометрии в Древнем Египте. «Нам остается, как мне кажется, - отмечает Б. Ван-дер-Варден, - только две возможности: либо

мы отвергаем утверждения Аристотеля, Геродота и Евдема как совершенно недостоверные, либо мы предполагаем вместе с греческими авторами, что в Египте во времена Фалеса существовала настоящая геометрия» [13].

Теоретическое доказательство как обоснование знаний, то есть эмпирических данных, отсутствует в египетских математических текстах. В период, к которому относятся все рассматриваемые нами упоминания античных авторов, оно было в Греции естественной сопроводительной нормой изложения любых математических идей. Тем не менее мы встречаем многочисленные ссылки на высокий уровень и даже превосходство египетских математиков и прежде всего в области геометрии, над греческими причем в понимании самих же греков. Вот отрывок из Диодора (I, 96, 2): «Египетские жрецы рассказывают на основании записей в их священных книгах, что и абдерит Демокрит прибыл к ним...» [14], и далее утверждение самого Демокрита согласно Клименту Александрийскому (Строматы I, 15, 69): «Я объездил больше земли, чем кто-либо из современных мне людей, подробнейшим образом исследуя ее; я видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с наибольшим числом ученых людей. И никто не обличил меня в ошибках при складывании линий, *сопровождающемся доказательством* (выделено мной И.Л.) – даже так называемые гарпедонапты у египтян. Включая пребывание у последних, я провел на чужбине около восьми лет» [15]. На сегодняшний день в философии и истории науки базовой и общепринятой является точка зрения, согласно которой именно греческая натурфилософия впервые обращается к доказательству как способу обоснования знания тем самым, закладывая основы научной теории. Отсутствие теоретических построений в математических папирусах - наиболее слабое звено в том явлении, которое мы называем протонаукой, служащее непреодолимой границей между античной наукой и древневосточной «мудростью».

Не только Демокрит посещал Египет с целью получения хорошего образования. Мы находим многочисленные ссылки на путешествия в Египет очень многих греческих философов. Например, вот что писал Прокл в Комментариях к «Началам» Евклида: «Как торговля и деловые отношения среди финикийцев послужили началом точной науки о числах, так указанные причины привели к возникновению геометрии среди египтян. Эта наука была впервые принесена в Грецию Фалесом после его египетского путешествия» [16].

Известен факт, что Пифагор проходил первоначальное обучение в Египте и Месопотамии у "жрецов" и "халдеев", как упоминает Диоген Лаэртский, а у Ямвлиха можно найти уточнение, что он 22 года провел в египетских храмах, изучая астрономию и геометрию. Однако этот факт оспаривается, в частности Д. Диксом, который относит эти сведения к области легенд [17].

Даже если отдельные упоминания древних авторов не вызывают доверия у исследователей их количество слишком велико, а смысл утверждений вполне однозначен, чтобы кто-либо смог в полной мере отнести их «к области легенд». По тем источникам, что имеются в распоряжении египтологов

действительно можно заключить что, египтяне были людьми практического склада мышления, как впрочем, и большинство древних народов. Вероятно фраза «наука ради науки» была бы и непонятна египетскому математику, однако не исключено что он понял бы сентенции «наука ради постижения божественных истин» или «наука ради достижения величия». Если разобьются все эти три цели не так уж далеко отстоят друг от друга и их разделяет не столько их сущность, сколько время.

Примечания

1. Полностью издан только Struve W. W., Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moscau, B., 1930.
2. Struve W. W. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moscau, B., 1930, s.157
3. Нейгебауэр О. Лекции по истории античных математических наук. т.1, Догреческая математика. перевод Лурье С. Я., М.Л., 1937 г. с. 143-144
4. Инфинитезимальный – рассматриваемый в малом, в бесконечно малом.
5. См. Neugebauer O. Die Geometrie der ägyptischen mathematischen Texte, QSB 1930 V. 1, s. 414
6. Нейгебауэр О. Точные науки в древности. - М., 1968. с. 90
7. Struve W. W., Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moscau. (A I), Berlin, 1930, s. 157
8. Peet T. E. A problem in Egyptian geometry./ The Journal of Egyptian Archaeology, v. 47, 1931, p. 100-154// Mathematics in Ancient Egypt. Manchester, 1931
9. Нейгебауэр О. Лекции по истории античных математических наук. т.1, Догреческая математика. перевод Лурье С. Я., М.Л., 1937 г. с. 154
10. Там же.
11. Нейгебауэр О. Лекции по истории античных математических наук. т.1, Догреческая математика. перевод Лурье С. Я., М.Л., 1937 г. с. 146
12. Лурье С. Я. Вступительная статья к Нейгебауэр О. Лекции по истории античных математических наук. т.1, Догреческая математика. перевод Лурье С. Я., М.Л., 1937 г. с. 11
13. Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука: рождение астрономии. - М., 1991. с.47
14. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л: Наука, 1970, с. 192
15. Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л: Наука, 1970, с. 191-192
16. Прокл Комментарии к Первой книге «Начал» Евклида. М. 1994 г., с. 65
17. Dicks D.R. Early Greek Astronomy to Aristotle. Bristol, 1970, p. 174

**ПРОБЛЕМНЫЙ ПОДХОД
КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ**

М. Н. Вольф^{*}, И. В. Берестов[§]

Институт философии и права СО РАН

Мы полагаем, что структура любой философской концепции такова, что в ее основании лежат три типа проблем - онтологический, гносеологический и аксиологический, причем независимо от того, какова конечная цель философа. В частности, если философ преследует конструирование идеального социума, исходить он должен из задания определенной онтологии, определенной теоретико-познавательной базы и конкретных ценностных оснований. В противном случае концепция неполна. Нам могут возразить, что социальные реалии формируют мировоззренческие основания у философа, и он конструирует концепции исходя, например, из демократических или аристократических убеждений. В данном случае речь идет о формировании мировоззренческих установок, но для того, чтобы осмыслить реалии в рамках философской концепции, необходимо выстроить космологию, задать ценности, определить способ познания, а потом исправлять или корректировать социальные реалии. Именно на этом этапе, вторичными, формируются социальные проблемы философии. Можно ли построить философскую концепцию, основанную на проблемах социального уровня? Наш ответ – нет, более того, чтобы развивать онтологию, нет необходимости привносить социально-философские аспекты.

Итак, мы предлагаем рассмотреть философские концепции с позиций гносео-, аксио- и онтоцентризма. О чем идет речь? Возможная вариативность понимания того, что лежит в основании философской концепции заключается в трех перечисленных позициях и свести всю проблематику к содержанию только одной из этих позиций не является приемлемым при выработке сколько-нибудь полной историко-философской реконструкции какого-либо учения.

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации – МК.2020.2005.06.

[§] Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 04-03-00537a.

Например, стандартный взгляд на досократиков подразумевает исключительную онтологичность содержания их концепций. Между тем, во фразу «онтология центральна для раннегреческой философии» может вкладываться три разных смысла, каждый из которых требует своего обоснования и против каждого можно выдвинуть солидные контраргументы.

1. Некоторые полагают, что большая часть всего написанного досократиками, касается онтологии. Эту фразу также следует уточнить, потому что на практике под онтологией понимаются различные вещи. Онтологией называют любые утверждения о существовании чего-либо или любые определения сущего, без малейших попыток обосновать эти утверждения и определения. Таким способом появляются на свет онтология химии, физики, математики и пр. Появляется и онтология космологии, а некоторые полагают, что космология и есть онтология. Желая рассуждать так вряд ли смогут внятно объяснить, где в подобной «онтологии» скрывается рефлексия, присущая философии. Иными словами, такого рода рассуждения не относятся к онтологии, они не имеют теоретического содержания (т.е. в них нет «теории сущего» и «теории существования»), а являются дескриптивными. Поэтому их следует называть не «онтологическими», а, скажем, «онтическими». На наш взгляд, невозможно подобную некритичность и отсутствие *аргументации* атрибутировать досократикам, хотя бы потому, что до сих пор идут жаркие споры по поводу *аргументации* Парменида в пользу пяти известных признаков, свойственных сущему. [1]

2. Другие полагают, что предпосылки типа «нечто существует» (их мы выше назвали онтическими) лежат в основе большей части рассуждений досократиков, помимо прочего, на них основываются теория блага (аксиология) и теория познания (гносеология). Однако то, что можно понимать как гносеологию в Элейской школе и у Гераклита *соответствует* предмету познания, т.е. способ существования чего бы то ни было должен быть *обоснован* как допускающий или нет чувственное восприятие, постижение умом, пребывание вне мыслящего его ума (рассудка) и пр. Именно такой представляется эпистемология Гераклита. [2]

3. Иные полагают, что онтология у досократиков строится на необосновываемых (по крайней мере, через онтологию) суждениях, относящихся к сфере познания и блага (существует или нет гносеология и аксиология в развернутом виде – не важно). Важно, что с точки зрения некоторых историков философии, онтология *всегда* строится, т.е. «теория сущего» имеет место у *любого* досократика, и нам удаётся реконструировать хоть какую-то теорию. Мы категорически не согласны с такой позицией. Здесь можно сослаться на Гераклита в качестве контрпримера. У него гораздо легче обнаружить многоуровневую теорию познания (конечно, базирующуюся на онтических предпосылках), чем теорию сущего. [2]

Вообще говоря, мы считаем, что выстроить «чистую», однозначно ориентированную, монопроблемную философскую концепцию – например, сугубо гносеологическую, – невозможно, т.к. в ней всегда будет представлено то, на

что направлено познание, т.е. либо сущее, либо благо, которые требуют своего обоснования. Наша принципиальная точка зрения: мы должны подходить к рассмотрению философских концепций посредством комплексного видения. А именно, три названных проблемных блока в философских концепциях не просто представлены, а они **взаимозависимы и/или выводимы**, а если проблемы выводимы, то можно их выстроить в том или ином отношении друг к другу, а это значит, что мы получаем объемную картину концепции, а не одностороннюю. Поэтому, вопреки стандартным взглядам, мы допускаем возможность оценки одной и той же философской концепции и как онтоцентричной, и как гносеоцентричной, и как аксиоцентричной. Относительно употребления слов «-центричная» заметим, что когда мы говорим, что древнегреческая философия, например, гносеоцентрична, это означает, что мы хотим рассмотреть ее с позиций гносеологической проблематики, отнюдь не утверждая, что древнегреческие философы решали исключительно проблемы гносеологического характера, речь идет о том, с кого угла зрения подойти к философской концепции и на что направлены акценты при ее рассмотрении.

Если мы сосредоточимся на трех перечисленных проблемных позициях, которые по нашему убеждению, лежат в основании всякой философской концепции, то неизбежно встает вопрос: в каком отношении, в каком порядке проблемы, относящиеся к онтологии, гносеологии и аксиологии, находятся в той или иной концепции или философском направлении в целом?

Логически здесь возможны следующие варианты: **А)** Проблемы взаимобусловлены; **Б)** Проблемы никак не связаны друг с другом; **В)** Проблемы находятся в отношении линейной выводимости.

А) Мы вполне можем предположить ситуацию, в которой проблемы стоят в отношении **взаимобусловленности**, назовем такой механизм взаимодействия циклическим. Это та ситуация, в которой в процессе анализа философской концепции мы исходим из позиций только онто -, аксио- или гносеоцентризма, но итоговой оценкой остается взаимосвязь всех трех позиций. Другими словами, проблемы из трёх важнейших разделов философии в концепции рассматриваемого нами философа интерпретируются «в цикле», «по кругу», т.е. при реконструкции его учения, выяснялось, например, что у философа имеется некоторая гносеология, а потом оказывалось, что в её основе лежит некая аксиология, после чего оказывалось, что в её основе лежит некая онтология, которая основывается, в свою очередь, на гносеологии. Конечно, так же можно мыслить не только соотношение проблем не у одного мыслителя, а во всей истории философии или на каком-либо её этапе.

Б) Дошедшие от философа фрагменты столь обширны (или глубоки, или темны), что допускают интерпретацию его учения разными способами, например, как аксиологию, онтологию и гносеологию. При этом ни одна из интерпретаций не используется в другой. Ввиду этого их следует рассматривать независимо, как разные точки зрения на учение философа, которое (пока/вообще) не поддаётся целостной реконструкции, т.е. реконструкции в ка-

честве связной системы. При таком подходе мы расставляем конкретные акценты, и они позволяют выявить нам те детали, которые теряются из-за однозначного утверждения относительно этой концепции, как в случае настаивания на исключительной онтологичности раннегреческой философии. К истории философии на каком-либо её этапе такой подход тоже применим, но следует отдавать себе отчёт, что только несколько интерпретаций могут более-менее адекватно охарактеризовать философские искания какой-либо эпохи. Чем большее число философских систем мы пытаемся охватить, тем большее число переходов от одной проблеме к другой попадает в сферу нашего внимания и тем более натянута звучит предпосылка не связанности проблем. Поэтому применение указанного подхода к исследованию какого-либо этапа (или направления) в истории мировой философии должно ограничиваться достаточно узкими рамками.

В) Отношение между проблемами, названное нами отношением линейной выводимости отражают ту ситуацию, в которой сами некоторые проблемы не укоренены в учении конкретного философа, они зависят не столько от учения какого-либо философа, сколько от развития философской мысли в ту или иную эпоху (например, в эпоху ранней греческой философии). В этом случае проблемы находятся между собой в некоторой логической зависимости, в том смысле, что все они возникают из попыток ответить на какой-либо «центральный», или «исходный» вопрос. Этот вопрос индифферентен в том смысле, что он не является только онтологическим, только гносеологическим или только аксиологическим. В нём должен присутствовать выход на все три вышеперечисленные основные раздела философии.

Другими словами, мы здесь не отслеживаем исходную проблему и аргументы в пользу и против предлагаемых её решений у *конкретного* философа. Мы пытаемся найти (сконструировать, реконструировать) некоторую исходную проблему, попытки решения которой порождают новые проблемы; это сопровождается требованием постоянного разяснения терминов, в которых формулируются проблемы, что, в свою очередь, также порождает проблемы. Можно предположить, что по мере развития такого «куста» проблем окажутся охваченными все основные проблемы онтологии, гносеологии и аксиологии. Таким образом, задача этого блока проблемного подхода видится в том, чтобы сформулировать некоторую «незыблемую» проблему, лежащую в основании всего того, что мы будем именовать «метафизикой» (в том смысле, в котором она понималась в Средние века). Если угодно, то в некотором отношении по своей роли такая проблема сходна с декартовским утверждением «мыслью, следовательно, существую», с «незыблемым» положением, обосновывающим для философа его собственное существование и лежащим в основании всей системы. В случае с Декартом положение «мыслью, следовательно, существую» *необходимо* истинно, т.е. не может не быть истинным. Наша же проблема, претендующая на роль исходной метафизической проблемы, выражается вопросительным предложением и не может быть истинной или ложной. Но она может быть *необходимой* в том смысле, что на неё логически

необходимо дать ответ для того, чтобы можно было предпринять *любое* действие: действие вопрошания о чём-либо ином, действие мышления чего-либо иного, чем исходная проблема, действие сохранения и поддержания своего существования, действие осознанного осуществления себя в качестве «вот-этого» нечто, действие воления (целеполагания), действие познания, действие создания чего-либо, любое практическое действие и пр. Эту необходимость исходной проблемы можно уподобить необходимости, с которой у Канта в любом акте мышления любого нечто присутствует осознание того, что тот, кто мыслит это нечто – я сам.

Отказ решать исходную проблему не означает, конечно, прекращения существования мыслящего существа (точно так же тот, кто не доказал себе своё существование, не прекращает существовать), но такой отказ делает существование неполным и в силу этого – иллюзорным и бессмысленным, что подрывает возможность рациональной аргументации и разумных поступков, *если* быть последовательным (так же и для Декарта, без опоры на что-то «незыблемое», человек погружается в пучину сомнения, что имеет самые разрушительные последствия).

Разумеется, мы взяли примеры из философии Нового времени лишь для иллюстрации, для того, чтобы более понятно объяснить, что же мы имеем в виду. Это не значит, что нет примеров из древнегреческой философии, и мы используем их при формулировании исходной проблемы, к чему теперь мы можем перейти.

Наиболее универсальные вопросы древнегреческой философии следующие: Почему существует иное по отношению к первоначалу? Почему существует многое, если первоначало едино? Почему существует зло, если первоначало – благо? Другие вопросы непосредственно определяют сферу изысканий трёх важнейших разделов философии: Что есть подлинно сущее? Как осуществляется подлинное познание? Что есть подлинное благо? Однако ни один из перечисленных вопросов не может рассматриваться как *необходимая* проблема в обозначенном выше смысле: среди них нет ни одного такого вопроса, чтобы ответ на него потребовался для совершения *всех* вышеуказанных действий. Например, ответ на вопрос «Почему существует иное по отношению к первоначалу?» или «Почему вообще существует сущее?» не является необходимым для определения цели человеческой деятельности. С другой стороны, ответ на вопрос: «Что есть подлинное благо?» не является необходимым для любого познания, не даёт ответа на вопрос «Как достичь блага?», а также на вопросы: «Существует ли благо?», «Существую ли я?», «Что такое существование?» и пр.

Исходя из вышеизложенного, ясно, что исходную проблему нужно формулировать иначе. Ключ к формулировке может дать платоновское понимание «беспредпосылочного начала» в *Res. VI*. Для Платона беспредпосылочное начало (= Благо) – источник существования, познаваемости и блага (стремления к благу, целеполагания) для всего иного по отношению к нему. Т.е., Благо *необходимо* для трёх названных важнейших действий. Можно ре-

конструировать следующую проблему, попыткой решения которой была платоновская концепция «беспредпосылочного начала»: Каковы основания действия сущего? Под «действием» здесь понимается также и «существование», под «основаниями» – также «цель» и «воля». Несомненно, что еще у многих досократиков можно обнаружить подходы к формулированию этой проблемы и к её решению. Можно показать, что указанная проблема удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к «исходной» проблеме и способна потребовать для своего разрешения формулирование всех основных метафизических проблем.

Таким образом, из взаимосвязи лежащих в основании всякой подлинной философской концепции базовых проблем мы можем сформулировать задачи проблемного подхода как историко-философской методологии. Для целей истории философии подходят соотношения между проблемами, обозначенные нами как **А**) и **Б**), причем он адекватен как для определенного направления, пусть и достаточно большого, в качестве интерпретационной схемы (например, античная философия), так и для отдельного мыслителя (например, для реконструкции оснований скептической философии – парадокс заключается в том, что скептик также вынужден исходить из той или иной философской позиции, онто- , аксио- или гносеоцентрической). Таким образом, направления **А**) и **Б**) мы можем рассматривать как историческим аспектом проблемного подхода.

Для целей же исследования логики, присущей тому способу рассуждения в философии, который мы назвали выше «метафизическим», неизбежен второй путь, который позволяет логически предусмотреть либо указать на «глухие» ходы в истории философии, которые не могли получить дальнейшего развития, либо отметить те проблемы, которые реально в состоянии вывести философию на новый виток развития, и, более того, ответить на вопрос, почему эти ходы были или не были реализованы в действительности (в качестве примера только упомянем учение Парменида, которое в своем содержательном отношении развития не получило, но в видоизмененном варианте фактически легло в основу всей последующей философии). Здесь мы не рассматриваем «метафизику» отдельного мыслителя, но пытаемся с наибольшей ясностью, без «порочных кругов» и пр. ошибок в рассуждениях показать логическую взаимосвязь проблем, наиболее актуальных для метафизики, без оглядки на автора постановки проблемы и на время, когда она была поставлена. Направление **В**) мы будем рассматривать как логический аспект проблемного подхода.

Литература:

1. Curd P. The legacy of Parmenides. Eleatic monism and later presocratic thought. Parmenides Publishing. Las Vegas, 2004. – p. 73-90.

2. Вольф М.Н. Понятия «явное и неявное» как базис для формирования гносеологической проблематики Гераклита // Вестник НГУ. Серия "Философия". – Т.3. Вып. 1. – 2005. – с. 80-89.

ВОЗМОЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОНТОЛОГИЕЙ, ГНОСЕОЛОГИЕЙ И АКСИОЛОГИЕЙ[§]

И. В. Берестов

Института философии и права СО РАН

В этой статье мы ставим своей целью предложить классификацию возможных отношений между онтологией, гносеологией и аксиологией и указать на её возможное применение для реконструкции философских систем, выявляющей скрытые предпосылки и логические ходы в рамках каждой рассматриваемой системы. Классификацию предполагается использовать в качестве важного элемента проблемного подхода к истории философии.

Предлагается 9 логически возможных вариантов, следующих из допущения: «существование (сущее)», «познание (мышление, знание)», «целеполагание (ценность, благо)» соотносятся как определяемый термин и определяющие его термины.

Итак, перебор вариантов мы будем осуществлять следующим способом: {X} включено в определение У, где {X} – элемент(ы) из списка {онтология, гносеология, аксиология}, а У – элемент из списка {онтология, гносеология, аксиология}, но иной по отношению к {X}.

1. Онтология (гносеология, аксиология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Сущее – (то, что не может не познаваться / мыслиться, а таково только то, что не может не быть целью любого действия) & (то, что не может не быть целью познания / мышления, а таково то, что не может не быть целью любого действия, а таково действие осуществления себя, которое присутствует в любом действии). Оба конъюнкта, возможно, имеют одинаковое значение. Это означает, что из определения сущего как «(аспекта,) необходимо познаваемого (в любом акте познания)» следует, что сущее есть «необходимая цель (любого действия)» и наоборот. Поэтому нет нужды указывать зависимость определения онтологии от двух атрибутов, достаточно указать на зависимость от одного, но зато действие, характеризующее этим атрибутом, должно пониматься как *необходимое* действие, т.е. такое, которое, если оно существует (возможно), не может не быть направлено на то, на что оно направлено, или, иначе говоря, не может не существовать, если *существует* хотя бы одно действие указанного типа (акт познания, акт целеполага-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 04-03-00537а.

ния) или даже хотя бы оно только *возможно*. Тогда как определения **Онтология (гносеология)** и **Онтология (аксиология)** не могут подразумевать, что нечто мыслится или познаётся *с необходимостью*, или является *необходимой* целью, т.к. в противном случае подразумевалась бы зависимость определения от ещё одного атрибута.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Сущее – Благо как конечная цель любой деятельности, в т.ч. и мышления. б) Сущее – осознающий себя субъект, причём акт осознания себя всегда присутствует в акте мышления, преследующем любую цель.

2. Онтология (гносеология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Сущее – всё то, что может быть познаваемым / мыслимым.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Сущее – нечто определённое.

3. Онтология (аксиология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Сущее – конечная цель стремления.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Сущее – удовольствие. б) Сущее – знание как таковое, знание о знании, знание о том, что имеется в познании не от объекта, знание о самом знании. в) Сущее – Благо как конечная цель существования.

4. Гносеология (онтология, аксиология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Познаваемое / мыслимое – (то, что не может не существовать, а таково только то, что не может не быть целью действия осуществления) & (то, что не может не быть целью любого действия, а таково только осуществление себя, ибо в каждом действии как в свободном присутствует действие осуществления себя). Оба конъюнкта, возможно, имеют одинаковое значение. Это означает, что из определения познаваемого как «того, что не может не существовать» следует определение его как «того, что не может не быть целью» и наоборот. Поэтому нет нужды указывать зависимость определения гносеологии от двух атрибутов, достаточно указать на зависимость от одного, но зато действие, характеризующее этим атрибутом, должно пониматься как *необходимое* действие, т.е. такое, которое, если оно существует (возможно), не может не быть направлено на то, на что оно направлено, или, иначе говоря, не может не существовать, если *существует* хотя бы одно действие указанного типа (акт осуществления, акт целеполагания) или даже хотя бы оно только *возможно*. Тогда как определения **Гносеология (онтология)** и **Гносеология (аксиология)** не могут подразумевать, что нечто существует *с необходимостью* или является *по необходимости* Благом, т.к. в противном случае подразумевалась бы зависимость определения от ещё одного атрибута.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Познаваемое / мыслимое – (то, что не может не существовать, т.е. Благо как необходимый источник существования для всего, несомненно, существующий) & (то, что необходимо является целью для всего). Т.е. Благо познаётся необходимо. б)

Познаваемое / мыслимое – осуществляющий себя субъект, причём в акте осуществления себя всегда присутствует осознание цели.

5. Гносеология (онтология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Познаваемое / мыслимое – нечто существующее.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Познаваемое / мыслимое – некоторое ограниченное сущее.

6. Гносеология (аксиология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Познаваемое / мыслимое – нечто, к которому стремится познающий.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Познаваемое / мыслимое – удовольствие. б) Познаваемое / мыслимое – Благо как конечная цель познания.

7. Аксиология (онтология, гносеология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Благо – (то, что не может не существовать, а таково только то, что не может не знать, на что направлено его действие осуществления себя) & (то, что не может не познаваться, а таково только то, что существует по необходимости, т.е. то, познание чего присутствует в любом акте познания). Оба конъюнкта, возможно, имеют одинаковое значение. Это означает, что из определения блага как «того, что не может не существовать» следует, что благо есть «(аспект,) необходимо познаваемый (в любом акте познания)» и наоборот. Поэтому нет нужды указывать зависимость определения аксиологии от двух атрибутов, достаточно указать на зависимость от одного, но зато действие, характеризующее этим атрибутом, должно пониматься как *необходимое* действие, т.е. такое, которое, если оно существует (возможно), не может не быть направлено на то, на что оно направлено, или, иначе говоря, не может не существовать, если *существует* хотя бы одно действие указанного типа (акт осуществления, акт познания) или даже хотя бы оно только *возможно*. Тогда как определения **Аксиология (Онтология)** и **Аксиология (Гносеология)** не могут подразумевать, что нечто существует *с необходимостью*, или познаётся / мыслится *необходимо*, т.к. в противном случае подразумевалась бы зависимость определения от ещё одного атрибута.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Благо – необходимо сущее и необходимо познаваемое, в т.ч. в качестве необходимо сущего. б) Благо – осуществляющий себя субъект, причём акт познания себя необходимо присутствует в акте осуществления себя.

8. Аксиология (онтология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Благо – нечто существующее.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Благо – некоторое ограниченное сущее.

9. Аксиология (гносеология). *Пример условий, налагаемых на определение:* Благо – нечто познаваемое / мыслимое.

Способы определения, удовлетворяющие условиям: а) Благо – знание как таковое, знание о знании, знание о том, что имеется в познании не от объекта, знание о самом знании. б) Благо – сам процесс познания / мышления в том аспекте, в котором он не зависит от существования познаваемого.

Итак, определения с двумя атрибутами более системны, а значит, свойственны более продуманным и разработанным философским системам. Полезность представленной классификации заключается в том, что, как мы полагаем, вопрос о том, что лежит в основании учения того или иного мыслителя (онтология, гносеология, аксиология) следует решать в соответствии предложенной выше схемой. Например, неоплатонизм можно интерпретировать в соответствии с любым из трёх определений через 2 атрибута. Многие досократики вообще не занимались чётким прописыванием определений. Тем не менее, с отнесением их к какому-либо разряду тоже могут возникнуть трудности. Например, Парменид: определение существования как мышления или мышления как существования? Скорее, сущее – то, что правильно мыслится, сущее – то, что удовлетворяет ЗЗП, закону мышления. Тогда это – протогносизм.

«Величайшие роды» в *Софисте* Платона суть необходимые мыслимые атрибуты сущего. Тогда это – протогносизм.

Для Аристотеля имеется вполне платоновское понимание сущего как определённого, т.е. протогносизм. Но для Аристотеля, как и для Платона, познаётся только нечто существующее – протоонтизм. Если в неоплатонической интерпретации Платона познание сущего может быть сведено к познанию себя или к познанию только мыслимого (т.е. сведение к протогносизму), то для Аристотеля такое невозможно, т.к. для него в самом сущем (не в понятии «сущее») есть нечто независимое от мышления того, кто его познаёт. В этом смысле давать исчерпывающее определение сущего, исходя только из познавательных процедур, Аристотель не будет и поэтому, ввиду недостаточности определения сущего на основании только законов мышления, Аристотель, скорее, будет протоонтистом.

Надо заметить, что в случае с каждым мыслителем необходимо различать, даёт ли он чему-нибудь (напр., сущему) определение в строгом смысле слова (однозначное) либо только указывает на то, что нечто необходимо входит в определение, не давая самого определения. В строгом смысле трудно найти кого-нибудь, кто вписывается в данную классификацию: редко, кто даёт исчерпывающие определения. В неоплатонизме они даются, но там возможны 3 интерпретации. Парменид не определяет сущее в строгом смысле, но говорит, что нельзя допускать, что «сущее не есть». То же и у Аристотеля, утверждающего ограниченность (относится к сущему самому по себе), которая является необходимым условием определённости, которая является необходимым условием мыслимости и познаваемости сущего самого по себе (определённость, мыслимость, познаваемость относится к нашему пониманию сущего самого по себе). Но протогносизм у Парменида *полный*, т.к. в конечном итоге оказывается, что для верного понимания сущего не нужно ничего, кроме положения «не-сущее не есть». А какой-либо протоонтизм Пармениду приписать вообще затруднительно. Тогда как у Аристотеля протоонтизм – *полный*, ведь процесс познания у него выстраивается как последовательность

чётко определённых операций над сущим, вызывающим чувственные восприятия (образование первого кафолического в душе; образование категорий и метакатегорий; корректировка мыслимого; мышление в соответствии с ними; образование эйдоса корректировка эйдоса в соответствии с чувственными данными и пр.).

Итак, чтобы не запутаться, относя одного философа к разным номинациям, целесообразно утверждать принадлежность философа к какой-либо номинации, если и только если его философия допускает такую интерпретацию, что определяемое понятие строго определяется через определяющие понятия, либо (если явное определение не приведено) определение строится операционально, через последовательность операций над некоторым объектом (например, над сущим самим по себе), который здесь рассматривается не как понятие (т.е. не определяется).

Покажем, как работает подобное классифицирование философов на примере Платона. В соответствии с операциональным пониманием определения, Платон в *Государстве*, 6 – протоаксист, т.к. он рассматривает Благо как причину сущего и познаваемости сущего. Т.е. сущее есть некоторая операция над Благом (здесь – действие Блага или следствие наличия «сверхсуществующего» Блага), причём Благо не рассматривается как понятие (т.е. не определяется). Там, где Платон пытается определить благо, не используя онтологию и гносеологию (например, как то, к чему всё стремится, или как то, от чего никто не откажется добровольно), он всё ещё остаётся протоаксистом. Но если благо – то, что необходимо мыслится всеми (в процессе, например, стремления к нему), или необходимо существует (например, не может не существовать, т.к. ничто не существует, если в его существовании нет блага или оно не стремится обрести благо), то в этой интерпретации Платон перестаёт быть протоаксистом и становится протогносистом или протоонтистом.

Это показывает, что один философ может относиться к разным номинациям, но при этом учитываются разные его тексты; т.е. при одной интерпретации его учения философ относится к одной номинации, при другой – к другой. В рамках же каждой *последовательной* интерпретации он относится к одной и только одной номинации. Это означает, что предложенная классификация действительно полезна, т.к. в её рамках каждая интерпретация любой философской системы характеризуется *однозначно*.

Итак, во-первых, предложенная классификация помогает (или побуждает) выявлять в каждой философской системе то, что считается данным, не является понятием в том смысле, что оно не определяется.

Во-вторых, было выявлено любопытное свойство определений через два атрибута. Такие определения определяют каждое из трёх действий (существование, познание, целеполагание) и их результаты (например, результат действия существования – сущее) через два оставшиеся. При этом оказывается, что признание одного из определяющих действий *условием возможности* для всех действий указанного вида (т.е. признание его необходимости для

того, чтобы любое действие указанного вида было возможным) влечёт за собой зависимость определяемого действия и от второго атрибута, причём он также должен пониматься именно как *условие возможности* для всех действий своего вида. Указанное свойство было замечено и использовалось Платоном, неоплатониками, стоиками и многими другими. Благодаря этому свойству оказалось возможным охарактеризовать некоторое действие, содержащее названные три базисных действия, как нечто единое и, тем самым, попытаться вывести всю свою философскую систему из единого основания, что многие философы и пытались сделать. Таким образом, предложенная классификация позволяет более чётко осознать корректность подобного выведения и побуждает выявить скрытые предпосылки, лежащие в его основе.

РАЗУМ И РАССУДОК В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

А. В. Елашкина

Институт философии и права СО РАН

Текст «Государство» (VI, VII) [1] позволяет сделать вывод, что для Платона разум и рассудок не одно и то же, и выявить следующие различия между ними.

- Рассудок имеет дело с образами, получившимися из видимого мира, а разум с идеями, созерцаемыми только умом.
- Рассудок направлен на завершение рассуждения в рамках имеющихся предпосылок, а разум на переход к беспредпосылочному, самому себя определяющему знанию.
- Рассудок не подвергает сомнению свои основания, а разум берет предпосылки как гипотезы.
- Рассудок подчиняется закону запрещения противоречий, а разум нет, поскольку совершает логический круг, переопределяя свои предпосылки.

Н. Муравьев, опираясь на текст «Государства» подчеркивает [6]:

Именно этот из этой своей высшей точки метод затем "вновь возвращается, спускается к концу" (VI, 5¹¹ в) - к своим предположениям для того, чтобы "обосновать их", "логически доказать гипотезы" (VII, 533 с), "впервые по-настоящему мысля их после первоначала" и "держась того, что с ним связано", т. е. "только идей в себе и для себя и завершая опять же идеями" (VI, 5Ш в-d).

Система восхождения и нисхождения целиком называется у Платона «диалектическим методом» (VII, 533 с), или «диалектикой» (VII, 534 е). Этот метод не следует смешивать с процессом выдвижения и опровержения гипотез. Логика качественно различна на уровне многообразия явлений, образов и на уровне идей. Поэтому возвращение к исходным предпосылкам не просто

уточняет их или некоторые из них отбрасывает, а некоторые оставляет, возвращение должно показать с логической необходимостью единственно верный вариант понимания исходных посылок и их место в целостном знании не сводимом к ним.

Все это делает актуальным обсуждение следующих вопросов:

- Можно ли обнаружить различие рассудка и разума в форме и в содержании диалогов?

- Какова роль рассудка, в каком смысле он дает истинные результаты?

- Какие вопросы должен разрешить диалог «Парменид» [3]?

- Каковы особенности разума и практикуемой им диалектики в связи с *единым существующим* из 2-ой гипотезы диалога «Парменид»?

- За счет чего происходит замыкание мышления? Если определяемое становится определяющим, то мышление попадает в логический круг, против которого выступал Аристотель и все формальные логики после него [8].

Диалоги Платона «Государство I», «Евтифрон» [2] и «Софист» (первая часть) [4] демонстрируют, что Платон проводит рассудочные рассуждения, получая неразрешимые противоречия. Философ специально делает переходы с одной ветки рассудочных рассуждений на другую, для того, чтобы набрать материал и выйти на должный уровень затруднений для последующей рефлексии, (а) показывающей недостаточность рассудка для решения поставленных проблем, (б) качественно переопределяющей сам способ рассуждения.

Анализ этих диалогов позволяет, на наш взгляд, зафиксировать следующие основные методы, которыми пользуется, согласно Платону, рассудок:

- перебор определений, заданных внешним авторитетом или примерами из жизни, не необходимыми по отношению к определяемой идее;

- комбинирование уже имеющихся готовых определений, фактов;

- разграничение сфер единичных явлений в поисках более общего по отношению к ним понятия;

- детализация путем все большего дробления оснований классификации.

Первая рефлексия дает переход на уровень идей, определяемых из себя самих, но обосновываемых субъективно, не вступивших в отношения *свое иное* по отношению к другой идее (разговор со Фразимахом в «Государстве»)

Характерный переход от рассудка к диалектике имеется в «Филебе» [5], где определяющие координаты - *предел* и *беспределное* - сами становятся определяемыми идеями из некоторого конечного количества идей.

Во второй части диалога «Софист» идеи берутся и как определяющие и как определяемые одна через другую. Это рассуждение нельзя формализовать в аристотелевском смысле, поскольку при этом нарушается закон запрещения противоречий. Логика Аристотеля говорит о правилах работы с высказываниями, а логика диалектическая, по Платону, о правилах работы с идеями, стоящими за словами и к ним не сводимыми. В процессе рассужде-

ния по кругу одна идея, именуясь одним именем, изменяет свой смысл, проходя по кругу взаимоопределения. Рассудок же абстрагирует из диалектического единства противоположностей один из моментов, с которым потом действует своими методами, без сохранения исходного единства диалектических моментов. Парадоксы возникают, когда рассудок неожиданно для себя обнаруживает следы присутствия второго противоположного момента.

В диалоге «Парменид» критика теории идей в предисловии рассматривается как вопросы для дальнейшего исследования [7]. Платон формулирует постановку проблемы – невозможность соединения рассудком двух противоположностей, в общем случае выражаемых парой – *одно* и *иное*. Только в случае единого «кванта» соединения и различения противоположностей можно разрешить проблему логического круга.

В качестве разрешения поставленной проблемы может служить рациональная реконструкция первой и второй гипотез «Парменида». В рамках этой реконструкции рассудочное понимание этих фрагментов приводит к не полным результатам, не разрешающим поставленную в предисловии проблему. Диалектическое понимание данного фрагмента дает версию разрешения проблемы.

Рассудочное рассуждение приводит к параллелизму идеи и слова, а так же к пониманию существования как предиката. Диалектическое показывает *единое-сущее* как одновременно взятые *одно* и *иное*. В версии рациональной реконструкции этого фрагмента обнаруживается невозможность разрыва мысли на три последовательных такта – *одно*, *иное*, их *соединение*. Диалектический «квант», вообще дающий возможность что-либо различать и соединять, у Платона сам оказывается соединением различного в одном такте – *единое-сущее*. Отсутствие же единства в каждом акте мысли приводит к полному хаосу – набору рядоположенных явлений, не объединенных даже в единичные объекты, поскольку уже это требует единства. *Единое-сущее* из второй гипотезы «Парменида» оказывается условием для существования:

- разума;
- рассудка как абстрагирующего из разума одну из противоположностей;
- мышления в целом – большого круга мышления обозначенного в «Государстве I», в котором определяющее заново переопределяется определяемым.

Изложенное показывает нам, что «вторую гипотезу» можно рассматривать как попытку Платона выполнить работу, задание на которую мы предложили в предисловии диалога. Единый «квант» бытия и мышления, по Платону, соединяет в себе противоречивые идеи при сохранении их различия. *Единое существующее* оказывается одновременно как условием многообразия явлений, так и гарантией единства.

Выводы:

- По форме и содержанию диалогов Платона видно, что философ сознательно пользовался различием рассудка и разума в поздних диалогах, а в ранних ясно показывал недостаточность рассудка.
- Рассудок истинен на уровне вещей, в которых можно говорить о противоречиях в разных отношениях, но не работает на уровне идей, так как не в состоянии удерживать две противоположности и абстрагирует только одну из них.
- Диалог «Парменид» должен был показать, каким образом в мире может существовать общее – идеи, независимые от ума человека.
- Выделен единый «квант» для всей философии Платона, который по его представлениям лежит в основании бытия и любой мысли, и за счет которого, по Платону, происходит замыкание мышления.

Литература

- 1) Платон. Государство. Собр. соч.: в 4-х томах. Т.3. - М., 1994.
- 2) Платон. Евтифрон. Соч. в 3-х томах, Т.2, М., 1986
- 3) Платон. Парменид. Соч. в 3-х томах, Т.2, М., 1986
- 4) Платон. Софист. Соч. в 3-х томах, Т.2, М., 1986
- 5) Платон. Филеб. Соч. в 3-х томах, Т.3, М., 1986
- 6) Н. Муравьев, Платон о различении рассудка разума» // Вестник СПбГУ. 1994, вып. 3 (№ 20)
- 7) Бугай Д.В. Критика теории идей в "Пармениде" Платона // Вопр. философии. 1997. № 4. С. 136-143.
- 8) П.П. Гайденко. История греческой философии в ее связи с наукой. М., 2000
- 9) А.С. Богомолов Диалектический логос. М., 1982

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ (предварительные замечания)

М. В. Бабак

Институт философии и права СО РАН

Данная работа призвана прояснить или наметить путь к прояснению некоторых интуитивных представлений о различии между историко-философскими исследованиями, посвященными философам прошлых эпох с одной стороны, и философам современности – с другой. Во избежание преждевременного и чрезмерного запутывания вопроса предполагается, что грань между современностью и прошлыми эпохами вполне ясна, хоть формально и не определена: т.е. что, взяв навскидку философа, мы сможем с большой степенью уверенности сказать, современный он философ или уже нет.

Основное различие, которое бросается в глаза, таково: современный философ еще не представлен в истории философии (как науке) в качестве вполне сформировавшегося предмета. Традиция восприятия того или иного философа складывается в результате деятельности его последователей, противников, а также исследователей, заинтересованных этой фигурой лишь косвенно (например, историк философии может заняться им в связи с его отношением к другому философу; исследователь истории общества рассмотрит его как элемент общественной и культурной жизни в определенную эпоху; и т.д. — т.е. образ философа в каждом исследовании зависит от его отношения к предмету данного исследования). В любом случае, по-видимому, чем долее философ находится в поле внимания исследователей, тем более устоявшийся образ принимает он в исследовательской традиции, тем более устойчивые характеристики имеет он в качестве предмета исследования, и тем в большей степени эти характеристики влияют на дальнейший анализ его творчества. Соответственно, современный философ разительно отличается в этом отношении от философов прошлого. Образ его еще не отстоялся и не выкристаллизовался в дискуссиях, и поэтому он сильно зависит от каждого нового исследования, которое, таким образом, обладает гораздо большим потенциалом в отношении формирования представления о данном философе, нежели исследование философа прошлого.

Еще в одном аспекте можно указать значительное различие между философом прошлого и философом настоящего как предметами историко-философского исследования. Труды современного философа относятся, соответственно, к современности, т.е. ко времени, в котором живет сам исследователь, и, следовательно, он в гораздо большей степени, чем философ прошлого, может воздействовать на исследователя на субъективном уровне, т.е., апеллировать к его взгляду на мир, в котором он живет и действует и свой образ которого философ преподносит ему. Такая ситуация гораздо сильнее располагает к полемике с исследуемой фигурой, нежели ситуация исследователя, предметом исследования которого является философ, например, античности. Однако часто полемика с фигурой (даже очень отдаленного) прошлого не выглядит анахронизмом: это случается, когда происходит полемика с авторитетом, не подлежащим сомнению в той традиции или, шире, культуре, в которой работает исследователь [1]. Следовательно, нельзя однозначно и с полной уверенностью выдвигать современность философа в качестве критерия необходимости вести с ним полемику.

Вернемся поэтому к первой отличительной черте философа прошлого, наличием которой он разнится с современным философом: это сложившийся в качестве теоретического представления образ уже *достаточно изученного* философа, каковым, очевидно, не может быть современный деятель. Людей, охотно высказывающих свое мнение о творчестве некоего современного философа в целом, можно (хоть и достаточно грубо) разделить на две категории: сторонники и противники этого философа. Первые склонны закрывать глаза на недостатки философа (или просто не замечать их), а вторые — наоборот.

рот, даже достоинства склонны интерпретировать негативно. Лишь со временем, с подключением к дискуссии менее заинтересованных лиц (т.е. когда он утрачивает актуальность как исторический деятель), философ как предмет историко-философского исследования принимает более устойчивые очертания, имеющие хотя бы оттенок объективности (т.е. приводится последовательное обоснование той или иной точки зрения на его деятельность и творчество). По-видимому, любое теоретическое представление о каком-либо философе, уже сложившееся в истории философии и действующее в качестве ее персонажа, имеет корни в такой заинтересованной дискуссии между современными или актуально его воспринимающими сторонниками или противниками его взглядов; по крайней мере, эта точка зрения, на мой взгляд, может служить вполне эвристичным методологическим принципом историко-философских исследований. Поэтому исследователь, занимающийся недавним деятелем в философии, должен отдавать себе отчет в том, что его исследование будет частью этого «первозданного бульона» из которого со временем эволюционирует устойчивое и определенное теоретическое представление об этом деятеле.

В связи с этим уместно сказать несколько слов о принципах такого исследования, задачей которого было бы внесение организующего принципа в первоначальный хаос и неопределенность представлений о конкретном философе. Как указывалось выше, это исследование не может не носить полемического характера [2]. Отсутствие сформировавшегося представления о философе с необходимостью делает исследование субъективно окрашенным. Однако этот недостаток можно превратить в достоинство [3]: следует для этого провести четкую аргументацию своего притяия или неприятия взглядов, рассуждений или стиля рассматриваемого философа. Причем, возможен, видимо, единственный путь аргументации: попытка реконструкции творческого развития философа, как оно представлено в его доступных анализу (т.е. изданных) трудах. Такую немаловажную часть историко-философского исследования, как подробный анализ обстоятельств жизни философа, который проливает всегда неожиданный свет на те или иные мотивы его творчества, на данном этапе, по-видимому, следует оставить в стороне. Дело в том, что различные такие обстоятельства выходят на свет или обретают свой истинный смысл лишь со временем, и именно та или иная реконструкция творчества философа стимулирует их поиск и дает средство для их осмысления в историко-философском ключе. Так что задача *предварительно* собрать и целостно представить все ключевые обстоятельства жизни современного философа является, как это ни парадоксально, нереальной [4]. В результате именно попытка составить представление о философе, исходя лишь из собрания его трудов, является предварительным этапом формирования устойчивого представления о самом философе как целостного историко-философского образа. В таком предварительном представлении будут (хоть и в гротескном виде) очерчены основные достоинства и недостатки взглядов и аргументации

философа, которые станут путеводной нитью для более глубокого исследования этой фигуры в истории философии.

Данные рассуждения не являются просто абстрактным умствованием, а исходят из опыта конкретного историко-философского исследования. Я исследую творчество современного философа Г. Маркузе; и с самого начала своей работы я столкнулся с необходимостью вести с ним полемику и посвятил этому уже три статьи (каждая содержит жесткий анализ какой-либо его книги [5]). Прделанный в этих статьях анализ представляется плодотворным, поскольку в последней из них (посвященной книге «Эрос и цивилизация») уже выдвинута и обоснована гипотеза о характере целостного образа творчества Маркузе в его развитии, которая может и должна использоваться при дальнейшем анализе его трудов – как более поздних, так и (в основном) более ранних.

Примечания

1. Вполне резонным, однако, было бы заметить, что такая полемика означала бы уже, что исследование является скорее не историко-философским, а собственно философским, когда с исследуемой фигурой ведется дискуссия по философским вопросам. Тем не менее, нет необходимости развивать здесь эту тему, поскольку целью работы является показать, что полемика с исследуемой фигурой – неотъемлемая часть историко-философского исследования, посвященного современному представителю философии.

2. Полемику, кстати, приходится вести не только с самим философом, но и с другими авторами, пишущими о нем: абсолютное большинство таких авторов не дистанцируют себя от него (будь то его сторонники или, как это ни странно, противники) и многие его положения рассматривают некритически, что, как раз и приводит к ситуации «первозданного бульона» как неструктурированного хаоса мнений.

3. Именно *превратить в достоинство*, а не просто устранить: на мой взгляд, без субъективного, т.е. эмоционального восприятия некоего предмета нет и понимания этого предмета. В этом смысле я противник Спинозианского «Не плакать, не смеяться – но понимать», потому что «не плакать и не смеяться» означает, при таком раскладе, *не понимать*.

4. Так что какой-либо анализ жизненных обстоятельств лучше на первом этапе исследований отложить, поскольку он обязательно окажется вводящим в заблуждение в силу своей очевидной фрагментарности.

5. См.: *Бабак М.В.* Понятие трансцендирования в работе Г. Маркузе «Одномерный человек» // Философия: история и современность. 2004–2005. Новосибирск–Омск, 2005. С. 318–333. *Бабак М.В.* Советское общество в зеркале «критической теории» Г. Маркузе // Гуманитарные науки Сибири. 2006. №1. С. 48–51. Еще одна статья (уже написанная и отредактированная) будет напечатана в «Вестнике НГУ», №1 за 2006 г.; она называется «Метафора как средство философского обобщения: “Эрос и цивилизация” Г. Маркузе».

АНАЛИЗ ДИСКУРСА И ВЛАСТИ В ФИЛОСОФИИ ФУКО

Н. А. Грозина

Институт философии и права СО РАН

Философия последних десятилетий, которые принято характеризовать как период постмодерна, проявляет большой интерес к языку, к нашей речевой реальности. Таким образом, в фокусе внимания оказалось понятие «дискурс», которое, во французской классической традиции обозначало речь вообще. В наши дни термин «дискурс» имеет множество применений. Он означает, в частности, единицу речи, по размерам превосходящую фразу, и в то же время определяется как «вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности» [1, 233].

Французский философ М. Фуко является признанным аналитиком дискурса. Он сам характеризовал свою деятельность, как работу с ограниченным набором тестов, образующими «регламентированный дискурс», с целью найти условия функционирования специфических дискурсивных практик.

Изучая «объекты дискурса», характерные для той или иной эпохи, Фуко отмечает, что мы не можем говорить все, что заблагорассудится, невозможно обратить внимание на что-то, не представленное в дискурсе. Объектов дискурса, которые существуют до и независимо от дискурса и пока еще не появились в нем, потому что их просто не заметили, в мире культуры вообще нет. Сам этот мир есть «пространство дискурса», и объекты, которые его населяют, порождены самим дискурсом. При этом объекты связываются не с «сутью вещей», а с совокупностью продуцирующих их правил. Они не «вещи» (не материальны), но и не «слова», то есть их нельзя свести к словарю. Дискурсивные объекты не могут быть поняты вне дискурсивных практик и не существуют вне них.

Часто возникает впечатление, что Фуко хочет тривиализовать понятие дискурса – возможно, для того, чтобы не вносить в дискурсивный анализ с самого начала излишние ограничения. С одной стороны, из некоторых его утверждений следует, что «дискурс» означает не более чем актуальную форму использования языка (допустимый способ говорить о чем-то). С другой стороны, анализ дискурса соотносит эти формы использования языка с содержательными утверждениями или достаточно сложными описаниями, например, «вероисповедальный ритуал» или *scientia sexualis*. Для Фуко эти утверждения или описания, очевидно, также принадлежат отдельному дискурсу. В первом приближении можно, вероятно, сказать, что дискурсы являются формами использования языка, рассматриваемые по отношению к определенному утверждению или при определенном описании. Следовательно, можно утверждать, что определенные формы использования языка становятся дискурсом лишь в результате дискурсивного анализа.

Фуко выделяет единицу дискурса, *énoncé*, «высказывание», которое не является предложением в обычном смысле, а исторически сформулированным выражением. «Клавиатура пишущей машинки – не высказывание, тогда как последовательность букв A, Z, E, R, T, приведенная в учебнике машинописи, является высказыванием о порядке букв, принятом для французских пишущих машинок» [2, 87]. Исследование дискурса должно быть чистым описанием, поскольку высказывание как единица дискурса, «является всегда таким событием, которое ни язык, ни смысл не в состоянии полностью исчерпать» [2, 29]. Везде, где есть предложение, имеет место высказывание, но предложение состоит из образующих ее лингвистических элементов, а на уровне высказывания уже ничего нет. М. Бланшо писал, что высказывание – это «термин, для которого явно легче будет указать, что он исключает, чем то, что он утверждает (высказывает) в своей чуть ли не героической тавтологии» [3? 21].

Таким образом, высказывания, которые по Фуко не возникают в результате синтеза «слов» и «вещей», а сами формируют слова и предметы [4, 36], являются элементами дискурсов, постольку, поскольку они специально изучаются в качестве таковых, как часть интерпретации, используемой в дискурсивном анализе. Как дискурсивный анализ устанавливает отдельную форму использования языка в ее полноте как дискурс, так же и *énoncés* раскрываются дискурсивным анализом. Точнее, оба уровня тесно связаны между собой: обнаружить *énoncés* и их порядок означает ничто иное, как выделить отдельные дискурсы. Таким способом дискурсивный анализ у Фуко оказывается специфическим анализом использования языка, который устанавливает, и в то же самое время исследует, исторические дискурсы. Проводя дискурсивный анализ, Фуко всегда анализирует исторические документы и тексты языка, чтобы найти глубинно-структурные аспекты или правила, которые дискурсивный анализ раскрывает как особенно интересные и существенные.

Остается неочевидным отношение между анализом власти и анализом дискурса. Общепринятая точка зрения такова, что Фуко исследует использование языка посредством дискурсивного анализа (археологии), формы власти – посредством анализа власти (генеалогия). Однако формы использования языка, которые в стандартной интерпретации изучаются дискурсивным анализом в рамках археологии, описывают определенные, и в том числе властные практики, а с другой стороны, формы власти могут быть доступны лишь в историческом анализе через документы, т.е. описания и формы использования языка. «Любой общественный институт включает в себя высказывания, такие, например как конституция, хартия, договоры, регистрационные и протокольные записи. Высказывания же, напротив, отсылают к институциональной среде, без которой не смогли бы сформироваться ни объекты..., ни говорящий из какого-либо места субъект» [4, 32]. По этой причине понятие дискурса должно быть расширено так, чтобы мы могли говорить о дискурсивном анализе в контексте анализа власти.

Формы использования языка можно, конечно, анализировать разнообразными общими путями – синтаксически, семантически, грамматически, логически и т.п. Дискурсивный анализ у Фуко стремится отнести особенные исторические формы использования языка к специфическим типам описания, которые характеризуются, помимо всего прочего, следующим неполным списком аспектов: о каком типе вещей идет речь; какой тип утверждений используется для того, чтобы говорить о вещах; какие типы предложений включают истинные значения; какие используются формы знания и стандарты рациональности; какой тип отношения к себе связан с этим использованием языка; какие формы власти внутренне родственны таким формам языка; в какой глобальный аппарат власти данная форма языка структурно встраивается, какие идеи о благой жизни связаны с ним [5, 23]. Поскольку отдельные исторически засвидетельствованные положения или тексты позволяют дать ответ на этот список вопросов, постольку они в контексте дискурсивного анализа считаются дискурсами.

Например, как Фуко выделяет дискурс сексуальности, который является одним из проявлений власти? В отдельный момент истории европейской культуры люди начали исследовать свои сексуальные фантазии и говорить о них, или в другой момент они начали описывать сексуальность как причинный механизм. С XIX столетия и далее, психоанализ обретает новые формы власти в своих беседах с пациентами, которые внутренне связаны с особыми формами языка, которые они используют в этих беседах – это власть, основанная на компетенции интерпретировать или выносить диагноз сообщениям пациента и его самонаблюдениям. Эта компетенция принимает затем научный аспект, который оставляет свой след в языке и теории психоанализа в форме стандартов рациональности и метода.

Таким образом, формы и стратегии власти, с одной стороны, и дискурсивные образования, с другой, – являются структурами, которые обнаруживаются в теоретическом анализе и власти и дискурса. Эти структуры существуют в индивидуальных отношениях власти и специфических речевых актах, они объединяются между собой в обширную, сложную сеть, о которой не имеет смысла говорить, что отдельные индивиды могут планировать ее существование и форму, или даже – в обычном смысле – «знать» о ней. Скорее можно сказать, что сетки такого типа постоянно устанавливаются или преобразуются случайным образом, что является кумулятивным результатом конкретных отношений власти и исторических форм использования языка. Анализ власти и дискурса, как это объясняет Фуко, преимущественно занят выявлением исторически случайных глубинных структур отношений власти и речевых актов, наблюдаемых в каждом случае. Определить эти структуры, найти правила (технологии), посредством которых организованы конкретные отношения власти и речевые акты – одна из наиболее важных теоретических задач анализа власти и дискурса.

1. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. – 1040с.
2. Фуко М. Археология знания. Пер. с франц.- К.: Ника-Центр, 1996.- 208с.
3. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю, С-Пб.:Machina, 2002. – 96с.
4. Делез Ж. Фуко. Пер. с франц.- М.: Изд. гум. лит-ры, 1998.-172с.
5. Detel W. Foucault and Classical Antiquity. Power, Ethics and Knowledge. Cambridge University Press 2005. – 281 p.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Б. Б. Дондокова

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского (г.Чита)

Привычный мир ушедшего XX века, насыщенный бурными событиями, на наших глазах стремительно трансформируется, коренным образом преобразуется. Человечество оказалось на изломе, на перепутье. Неразличимы и неосвязаемы пути его дальнейшего развития. Отсюда повышенный интерес ученых к проблеме будущего. Является ли будущее абсолютным, насколько оно зависит от объективных законов природы, обладает ли человек творческой силой по отношению к своему будущему? Эти и другие вопросы активно обсуждаются мыслителями разных направлений.

Оригинальным, на наш взгляд, в этом вопросе выступает экзистенциализм, в котором само центральное понятие «существование» (dasein – «тут-бытие») предполагает наличие человека «здесь и теперь» в остановленном моменте времени. В качестве подлинного бытия рассматривается переживание человеком своего «бытия-в-мире». Представители экзистенциализма самой существенной характеристикой бытия рассматривают время.

М. Хайдеггер утверждает, что время неразрывно связано не просто с бытием, а именно с человеческим бытием. Сущность времени можно раскрыть лишь в его отношении к человеку. Будущее зависит от самого человека, от переживаемых им в каждое мгновение решений, от соответствующих этим решениям действий. Результаты деятельности человека определяются не «объективными законами» развития, а теми возможностями, которые были скрыты в его бытии. По мнению философа, самоочевидная абсолютная граница любых человеческих начинаний – смерть рождает в человеке страх. Человек создает себе представление о движении бытия во времени, о закономерном наступлении будущего. Одновременно осознание своей смертности заставляет человека ценить то, что он имеет здесь и сейчас.

Для французского представителя экзистенциализма Ж.П. Сартра будущее есть «проект» субъективного желания, возникающий из страха перед угрозой перехода в небытие. Нередко проект будущего представляется как результат действия объективных законов. В действительности будущее - продукт веры людей в «мнимые» законы развития.

Ж.П. Сартр, говоря о специфике бытия человека, объясняет его следующим образом. Например, прежде чем сделать нож, ремесленник уже имеет представление, какой именно будет нож и для чего он будет предназначен. Таким образом, вначале формируется сущность вещи, а затем уже ее существование.

Совсем иначе обстоит дело с индивидом. Ребенок рождается, т.е. обретает бытие, но ему только предстоит обрести человеческую сущность, стать человеком в полном смысле этого слова. Человек, по Ж.П. Сартру, своего рода реализующийся проект, существо, устремленное в будущее. Он ответственен не только за свои поступки, но и за то, что он есть, что из себя представляет. Человек владеет своим прошлым, настоящим и будущим в плане реализации и воплощения своих проектов.

Немецкий мыслитель К. Ясперс во многих негативных проявлениях массового сознания видит главную причину- неоправданное доверие к истории, обожествление исторического прогресса. Но история- лишь ситуация, в которую человек стихийно вовлечен, заброшен помимо своего желания. Ему суждено появиться в конкретной исторической эпохе, и он не в состоянии прожить вне общества. В то же время он способен стойко перенести саму перспективу заката истории и общества, если человек перестанет искать в истории свое предназначение. Изменить историю невозможно, можно лишь решить, как в ней жить. По Ясперсу, условие подлинного бытия – следовать своей цели, даже если она неосуществима.

Любые социальные образования и объективные тенденции человек должен принимать в значении обстоятельств ситуации, а не в значении целеуказаний. Внутренняя убежденность первична по отношению к любой стратегии исторического действия. Осознав это, человек обретает необходимую стойкость, чтобы воспринять любой, самый безотрадный прогноз будущего.

Ясперс отмечает, что без осознания будущего не может быть философского осмысления истории. В то же время будущее не может быть объектом научного исследования, наука может изучать лишь реально существующую действительность. Оно не исследуется, а только предчувственно осознается.

Таким образом, философия экзистенциализма возмозможность научного исследования будущего ставит под сомнение. Исследовать можно только реальность, и будущее в какой-то степени лишь иллюзиялишь иллюзия. В какой-то степени обесмысливается понятие эволюции, утрачивается понимание событий общечеловеческого масштаба. Хотя несомненным достижением экзистенциализма является понимание роли человеческого творчества, свободы в создании и воплощении будущего.

Нам представляется возможными отдельные пересечения философской мысли экзистенциализма и концепции времени в буддистском учении Калачакры. Общим является утверждение, что время не просто иллюзия, а некая сила, соединяющая проявленное с непроявленным и отвечающая за скорость проявления. Время не просто негативное свойство нашего быстротечного существования, но настоящий динамический аспект Вселенной. Характерной является мысль, что время определяет человеческое сознание. Сознательное переживание бытийственности, целостности существования сознания, личности во времени, некоторая нерасчлененность, открывает возможности для более глубокого постижения будущего. Выяснение научного потенциала такого философского осмысления будущего представляется для нас одной из перспектив его научного исследования.

Вообще время, на наш взгляд, и субъективно, и объективно. И изучать его можно только в двойственности. Важным в его понимании представляется сосредоточение на лучших накоплениях прошлого, будущего в настоящем и достижение прорыва в вечность.

В заключение, будущее - это не линейная цепь событий, уходящая в дурную бесконечность, это не просто, что начинается за неуловимой границей настоящего. Будущее – это качественно новая ступень развития, требующая и переживания, и осмысления, и конкретно-научного изучения.

КАТЕГОРИЯ ПОНИМАНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРА

С. Б. Рахимгулова

Институт философии и права СО РАН

Превращение герменевтики из техники работы с текстами в универсальную теорию и обретение пониманием категориального статуса связывается с именем Фридриха Шлейермахера (1768-1834).

В качестве источников герменевтики Ф.Шлейермахера следует назвать «Филологическую энциклопедию» Ф.Вольфа, «Учебник» по герменевтике Ф.Аста, которые он сам считал наиболее значительными в данной области.

Понимание, по убеждению Вольфа, должно носить принудительно-однозначный характер. Шлейермахер считает это невозможным в большинстве случаев в силу как характера толкуемых произведений (например, Новый Завет), так метода (объяснение из тотальности жизни). Задачи понимания Вольф распространяет только на произведения античной литературы. Тем самым он, по мнению Шлейермахера, сильно ограничивает сферу действия герменевтики. Вольф придавал важное значение композиции, т.е. соотношению языка и формы в творчестве писателя. Шлейермахер полагает, что это является, по сути, попыткой обоснования психологической интерпрета-

ции (которую он будет развивать в своих работах). Именно благодаря композиции мы понимаем как структурируется мысль автора, обретая языковую форму.

По мнению Шлейермахера, другим важным исследователем в области герменевтики для него был Ф.Аст. Он считал, что задачи герменевтики порождаются при столкновении с «чуждым». Под этим он понимал чуждые язык и литературу как продукты деятельности духа, неконгруэнтного нашему. Шлейермахер принимал эту установку Аста. Однако он делает понятие «чуждого» более объемным, настаивая на том, что «...**езде** (выделено мной, Р.С.), где имеется в выражении мыслей с помощью речи для воспринимающего нечто чуждое, есть задача, которую он мог бы решить только с помощью нашей теории»[1, 314]. Мы видим, что здесь Шлейермахер говорит об универсальности задач герменевтики и об относительном характере «чуждого». Тем самым снимается явная зауженность области применения герменевтики

Следующее положение, в котором также присутствуют философские аспекты, связано с процедурным делением герменевтики. Часть может быть понята через целое. Понимание части произведения предполагает понимание целого. Целое может быть понято только из совокупности, *синтеза* его частей. Понимание частей должно начинаться с «предчувствия целого». Шлейермахер вполне справедливо, на наш взгляд, вопрошает о том, откуда это предчувствие целого берется, возможно ли оно в принципе. Он не принимает расплывчатой идеи Аста о необходимости «предчувствия» понимания произведения. Шлейермахер его конкретизирует и дает объяснение того, как возможно «предчувствие» целого: оно образуется из определения жанра и тона речи, предварительных знаний об авторе.

Таким образом, в качестве итогов критического анализа Ф.Шлейермахером взглядов Ф.Вольфа и Ф. Аста, можно назвать следующие:

1) он расширил предметную область герменевтики, придавая ей универсальный характер. Перерабатывая понятие «чуждое», заимствованное у Аста, Шлейермахер по-новому формулирует задачу герменевтики: достичь понимания везде, где есть восприятие чуждого;

2) восприняв от Аста методологический принцип: понимание части через целое и целого через части, он применил его не только в рамках произведения, а на более высоком концептуальном уровне. Кроме этого, Шлейермахер дополнил данный принцип условиями, необходимыми для предположения целого, которое ведет к правильному пониманию;

3) учение Вольфа о композиции он развивает в собственную теорию психологической интерпретации.

Реконструкция герменевтической теории Ф. Шлейермахера была нами осуществлена на основе книги «Герменевтика и критика» (“Hermeneutik und Kritik”) (1838).

Основополагающим для его теории является положение о связи языка и мышления. Природа мышления характеризуется Шлейермахером как абсо-

лютно общественная (*gemeinschaftlich*), всеобщая (*allgemeingultig*). Язык служит средством выражения содержания мышления. «И так мы находим также все мышление как внутреннее говорение и все внутреннее говорение как тенденцию к выражению» [1, 361]. Подобное представление о связи языка и мышления развивал В. Гумбольдт. Он связывал понимание и взаимопонимание с духовной деятельностью языка. Развитие идей Гумбольдта привело к трактовке понимания как духовной деятельности самосознания, осуществляющейся в языке и благодаря языку, в психических процессах и в речи.

Категория понимания в концепции Шлейермахера, трактуется в подобном ключе. Придавая герменевтике статус научной теории, Шлейермахер говорит, что она должна заниматься не деталями, а поисками «идентичности языка с мышлением» [1, 84]. Ее задачи – предупреждать трудности в реконструкции речи и мыслительного процесса.

Понимание направлено на содержательную сторону мышления. Автор рассматриваемой концепции представляет понимание как единство двух сторон – *грамматической и психологической*. Они являются равноценными составными. Задача *грамматической* стороны интерпретации – анализ лексических, грамматических средств и синтаксиса произведения. Цель *психологической* интерпретации – совершенное понимание стиля автора. Задачи герменевтики при этом – найти ответ на вопрос, каким образом пришел он к созданию произведения и как этот период возникновения замысла соотносится со всей остальной жизнью. Методы решения задач – дивинационный и компаративный. Дивинационный метод состоит в том, чтобы «превратиться» (*sich verwandeln*) в другого и понимать его индивидуальность непосредственно, компаративный – находить самобытное, отличное от себя в другом. Удачное решение задачи данной интерпретации зависит от стремления интерпретатора достичь как можно больше аналогий между его способом комбинаций и автора, от наличия точных сведений о его представлениях.

Техническая сторона (составная часть психологической) интерпретации направлена на понимание того, как задуманное реализуется автором в конкретное произведение, как оно структурируется. Исходя из представления о том, что мысли и их комплекс возникают из жизненной деятельности, эта сторона интерпретации нацелена на понимание размышления и композиции. Здесь необходимо полностью абстрагироваться от грамматической задачи.

Намерение, замысел, как он вынашивается в размышлении, понимаются психологически, из жизни индивида. Произведение является объективной реализацией намерения. Предметом исследования технической интерпретации является способность к комбинации и выразительности как проявление индивидуальной природы. Здесь язык – средство выражения индивидуальности, которая проявляется в определенном стиле. Язык с его самодовлеющей силой исчезает и служит лишь средством выражения индивидуальности. Индивидуальность, характер человека рассматриваются здесь как определенная модификация общей человеческой мыслительной способности. Различие между психологической и технической интерпретациями состоит в том, что

техническая сторона апеллирует к определенному способу мышления и определенному способу изображения как акта воли, а психологическая исследует связи между возникновением замысла произведения и жизнью автора. Они являются равноценными составными. В то же время их соотношение варьируется в зависимости от характера рассматриваемого текста.

Шлейермахер определяет предпосылки «предпонимания» и условия адекватного понимания: знания языка, истории, эпохи автора интерпретируемого текста: «...каждая речь познаваема только в качестве жизненного момента говорящего, обусловленного всей его жизнью, а она - только из всего окружения говорящего, которое определяет его развитие и дальнейшее существование; таким образом, каждый может быть понят только через свою национальность и свое время» [1, 78]. Знание языка дает доступ не только к содержанию текста, но и способу мышления писателя. Шлейермахер выдвигает тезисы о том, что человек может быть понят из тотальности данного ему языка и иметь мысли, которые уже обозначены в языке. Язык предстает у Шлейермахера некой самодовлеющей силой: «...каждый индивид есть лишь место, в котором появляется, возникает язык...» [1, 78].

Важным методологическим принципом, именуемым герменевтическим кругом, является понимание части через целое и наоборот. Понимание произведения складывается из понимания частей. В тоже время части понимаются из контекста целого. Анализируемое произведение - это часть творчества автора. Само творчество автора тоже рассматривается как часть, для которого целое - историческая эпоха, литература и язык. Т.е. мы достигаем понимания не через прямолинейный, логический анализ, а через размышление вокруг произведения.

Понимание – рассмотрение речи как момента жизни говорящего, который познается в его обусловленности всеми предыдущими моментами, историческими и социокультурными условиями. Текст служит как бы отправной точкой. Мы ставим себе цель – понять речь, трактат, но в итоге мы приходим к ответу на вопрос – что хотел сказать автор своим произведением, как он в своем творчестве «отреагировал» на определенные жизненные ситуации. Интерпретация текста ведет к развитию понимания причин, побудивших создать произведение, текст и к пониманию самого автора: его ценностей, убеждений, его эстетических предпочтений, мыслей и чувств. Результатом герменевтических процедур должно быть понимание автора интерпретатором лучше, чем он сам.

Произведение, по Шлейермахеру, есть поступок, который облекается в форму речемыслительной деятельности. С одной стороны, он детерминирован общественно-историческими условиями, с другой, вся его неповторимость находит свое выражение в речи, тем самым внося свое, нечто новое в язык, влияя таким образом на социокультурное пространство эпохи.

На основании проведенного анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Концепция Шлейермахера разрабатывалась как универсальная методологическая и практически ориентированная теория для работы с текстами разных видов.

2. Она создавалась как рефлексия, направленная на анализ категории понимания и условий понимания вообще, приобретая тем самым не только методологический характер, но и философскую рефлексию относительно процедуры, состояния понимания. Некоторые положения предыдущей герменевтики были заимствованы и творчески переработаны им в соответствии с собственным пониманием задач, содержания и цели герменевтики.

3. Важным вкладом Шлейермахера является изменение задачи интерпретации и содержания категории понимания. Понимание нацелено не только на тексты, но и конкретного индивида в его культурно-исторической обусловленности, а также его мировоззренческих установок, ценностей и переживаний и ведет к воссозданию творческой деятельности автора. Таким образом, герменевтическая концепция Шлейермахера нацелена на анализ духовной жизни человека. Эта идея в дальнейшем была развита в работах Вильгельма Дильтея в процессе разработки и обоснования особого метода наук о духе.

Литература:

1. Schleiermacher, F.D.E. "Hermeneutik und Kritik". Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers, hrsg. u. eingel. v. M. Frank, Frankfurt/Main. Suhrkamp, 1999

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л.П. КАРСАВИНА «О ЛИЧНОСТИ»

Е. В. Карелина

Красноярский государственный университет цветных металлов и золота

Задача данной статьи доказать, что диалектическая система теоретизирования есть основа для успешного существования и развития личности. Эта система является фундаментом для образования совершенного общества.

В основе этой системы лежит идея совершенствования человека через религию, духовное образование. Также она исследует вопросы с точки зрения становления и развития. Исследователю здесь необходимо показать, как человек должен руководствоваться законами природы и общества в ходе практической деятельности, а также и тот момент, как он должен реализовать себя в качестве созданного природой совершенства.

Л.П. Карсавин – русский мыслитель «серебряного века», являющийся ярким представителем диалектической системы теоретизирования, диалектической модели существования и развития общества.

Диалектическая методология выражена в сочинении Л.П. Карсавина «О личности». В этом произведении мыслитель рассматривает специфику индивидуальной, социальной и симфонической личностей, а также идею, которая характерна для диалектической системы теоретизирования – совершенствование личности через познание Бога.

Специфика личности, по мнению автора, состоит в том, что это конкретно-духовное или телесно-духовное существо, определённое, неповторимое, своеобразное и многовидное. Здесь же философ отмечает, что нет и не может быть личности без и вне множества моментов, одновременных и временно взаиморазличных. Иначе возможно определение без распределения или внутреннего определения. Личность познаваема и определима, т.е. отличима от всего, что не является ею, только по своим временно-пространственным проявлениям. Личность, как считает мыслитель, не простая совокупность разъединённых моментов. Она – их единство во всём её времени и всём её пространстве и единство множества или многоединство, в идеале совершенстве своих – всеединство.

Автор даёт определение личности. «Личность не тело, не дух и тело, но духовно-телесное существо. Она – не «частью» духовна, а частью телесна, ибо дух не участвует и не может быть частью. Личность всецело духовна и всецело телесна. Та же самая личность, которая есть дух, есть и тело. Личность выше различия между телом и духом, его ставя и преодолевая». Л.П. Карсавин «О личности» в кн. «Путь православия». М., 2003. С. 239].

Личность, по мнению Карсавина, познаёт себя в актах своих, а в активности своей она более едина и осознаёт себя более единою, чем в стабильных результатах теоретического самопознания. «Теоретическое самопознание (и прямое и косвенное), определено установкою на разъединение, на небытие, в котором предел разъединения и чрез которое разъединяющееся только и может вернуться к единству, на смерть и бессмыслицу (откуда и обычные ошибки теоретического самопознания). Напротив, активное самопознание направлено на единство и не случайно связано с преодолением инобытности, не столько с самопознанием, сколько со знанием». [Л.П. Карсавин «О личности» в кн. «Путь православия». М., 2003. С. 257].

Анализируя специфику личности, Л.П. Карсавин отмечает, что личность одновременно есть определённое первоединство, саморазъединяющееся единство и самовоссоединяющееся единство.

Рассуждая о первоединстве, автор говорит о совершенной личности, для которой всякое её многоединство и её первоединство определённое и её первоединство само по себе. Здесь мыслитель демонстрирует диалектическую систему теоретизирования, в которой личность содержит в себе все моменты, которые есть в мире, она есть многоединство всего существующего в мире и первоединство всего сущего, некое первоначало всего.

Основываясь на этом, мыслитель рассуждает о специфике совершенной и несовершенной личности. Он считает, что в несовершенной личности существует неполное единство, так как остаётся неодолимость множества, и не-

полное множество, так как оно всё ещё есть, а не стало небытием. В несовершенной личности единство есть неполное единство всех, тоже неполных единений, а множество – единство всех неполных разъединений. В несовершенной личности нет множества, поскольку есть единство, и нет единства, поскольку есть множество. В совершенной личности единство множества таково, что в нём единство не слабее множества. Поэтому в совершенной личности всякое единство множества, противостоя всем другим, с ними и едино, так как оно и в себе самом есть и не есть. Всякое совершенное единство множества, будучи всем разъединением личности и всем её воссоединением, есть и всё её определённое первоединство и первоединство, как она сама.

Автор демонстрирует диалектическую систему теоретизирования, в которой личность всеедина с миром, познаёт его, вбирая в себя всё то, что есть в мире.

Л.П. Карсавин различает индивидуальную и симфоническую личности, отмечая, что в социальной личности мы уже различаем индивидуальные и симфонические качества, которые осуществляются не иначе, как в индивидуумах. Мыслитель говорит о том, что если более или менее значительная группа людей охвачена одним чувством, познаёт один и тот же предмет, утверждает одну этическую или правовую норму, перед нами – симфоническое или социальное качество. В каждом данном случае качество одно, как одна качественно им высшая личность; но оно всегда многообразно, всегда является многоединством, и всякий индивидуум осуществляет его по-своему, специфически. Качество, как отмечает автор, момент личности и сама личность в определении её инобытием. Индивидуальная личность качественно, поскольку она в лоне социальной личности противостоя другим индивидуальным личностям и вместе с ними осуществляет многоединство социальной личности. Так же качественно, осуществляя себя в индивидуумах, и социальная личность, когда она во взаимоотношении с другими такими же личностями осуществляет многоединство высшей социальной личности. Всё это составляет особую сферу личных качеств, не в том смысле личных, что качества личности, но в том, что их качества определены отношением их к личностям. Сюда относятся качества моральные, правовые, политические, бытовые.

Мыслитель описывает специфику Богочеловечества, которое включает в себя двуединство Бога и человека. Через познание Бога происходит совершенствование личности и создание Богочеловечества – истинного и совершенного двуединства Бога и человека.

В произведении «О личности» Л.П. Карсавин демонстрирует диалектическую систему теоретизирования, которая выражается через совершенствование личности с помощью познания Бога. Личность, как считает автор, есть совокупность духовного и телесного. Индивидуальная личность является составляющей социальной, а на основе социальной формируется и совершенствуется индивидуальная личность. Совершенная личность представляет собой единство множества. Личность содержит в себе идеи, существующие в

мире, то есть, является многоединством всего сущего, а также и первоединством, неким первоначалом всего в мире.

В этом сочинении автор представляет основные культурные ценности и идеалы: гуманное отношение к людям, развитие в обществе идей добра, совершенствование человека через религию. Исследуя это произведение, необходимо сделать вывод, что диалектическая система теоретизирования является основой успешного развития и существования современного российского общества, так как развивает фундаментальные идеалы и ценности, формирует этические нормы, учитывая наш менталитет, что является актуальным на сегодняшний день.

ПОСТУПОК КАК ОСНОВНАЯ ПРАВСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЯ В ФИЛОСОФИИ М.М. БАХТИНА

А. Н. Осокина

Институт философии и права СО РАН

В экзистенциальной традиции философии постановка этических вопросов обладает определенной спецификой. Пристальный акцент на уникальном существовании единичного индивида, задает контекст для рассмотрения вопросов, касающихся нравственности. Такие понятия как выбор, ответственность трансформируются в «выбор самого себя», «ответственность за собственное существование» и т.д. Все основные понятия этики, до этого применявшиеся при описании отношений между человеком и человеком, социальной жизни людей, в экзистенциальной философии сначала описывают отношения между человеком и бытием и только поэтому – всякие другие человеческие отношения.

Михаил Михайлович Бахтин, в работе «К философии поступка», находясь в русле экзистенциальной философии делает акцент на индивидуальном бытии человека. Человек включен в бытие в качестве индивида, в своей единственности, тем, что находится там и тогда, когда никто и никогда не может находиться. М.М. Бахтин обозначил это понятием *не-алиби* в бытии

Единственность бытия личности и является единственным источником долга, источником ответственных поступков, причем ответственных не в том смысле, что они могут быть также безответственными или неотвеченными, а в том смысле, что их делает ответственными отнесенность к единственности бытия личности.

Понимание ответственности роднит Бахтина с С.Кьеркегором и его пониманием природы выбора. Выбирая, - пишет Кьеркегор я не полагаю начало выбираемому – оно

должно быть положено раньше, иначе мне нечего было бы выбирать; и все-таки, если бы я не положил начало тому, что выбрал, я бы не выбрал бы

его в истинном смысле этого слова. Предмет выбора существует прежде, чем я приступаю к выбору, иначе мне не на чем было остановить свой выбор, и в то же время этого предмета не существует, но он начинает существовать с момента выбора

Кьеркегор сам называет понятие выбора «нервом» своего мировоззрения, нервом, на котором, в первую очередь и держится характерное для экзистенциальной философии смыкание этики и онтологии.

Поступок единственен и закономерен одновременно, однако закономерность вторична, в первую очередь *поступок* уникален и единственен. Индивид потому и ответственен за свой поступок, поскольку он не поддается предварительному вычислению. Ответственность в данном случае означает, что индивид совершает поступки, который никто другой совершить не может, живет той жизнью, которую никто прожить не может, что в той «точке» бытия, в которой он находится само бытие зависит от него.

Предлагаемое М.М.Бахтиным решение состоит в том, что соединение *закона* и *поступка* возможно только исходя из поступка. Вот его программное высказывание: "Акт нашей деятельности... глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному поступку. Этим единственным единством и может быть только единственное свершаемого бытия... Акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности".

«ПСИХОЛОГИЯ И МЕХАНИКА» ЛИ ЦЗУНЬУ: К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В КИТАЙСКОЙ МЫСЛИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Т. Г. Завьялова, Н. В. Трубникова

Новосибирский государственный университет

В последние десятилетия регулярно проводятся конференции, посвященные проблемам развития современной философской мысли Китая, (например, такие, как Всероссийская конференция «Философия восточноазиатского региона и современная цивилизация»). По результатам ежегодной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность и перспективы», проводящейся под эгидой Института Дальнего Востока РАН, издаются сборники статей. Регулярно проходят семинары российского филиала Международной ассоциации «Китайская философия и современная цивилизация».

Необходимо отметить, что большинство современных исследований посвящены конфуцианской классике или современным модификациям конфуцианской мысли (например, «бостонскому конфуцианству»). Творчество философов, которые не идентифицировали себя однозначно с каким-либо философским или политическим учением, практически не исследовано. В качестве примеров можно назвать Ли Цзунъю, Линь Юйтана, Нань Хуайдуна, Бо Яна, Ли Ао и др.

Творческая деятельность Ли Цзунъю началась раньше остальных, поэтому вполне возможно восстановить влияние идей Ли Цзунъю на многих современных мыслителей. Вероятно, такая скандальная работа, как «Этот отвратительный китаец» Бо Яна не была бы возможна без предшествовавшего ей творчества Ли Цзунъю. Линь Юитан, автор книги «Искусство жизни», несомненно, тоже находился под влиянием его идей.

Изучением творческого наследия и биографии Ли Цзунъю занимались только китайские и тайваньские ученые, за пределами этих стран его работы практически неизвестны. До сих пор не создано ни одной монографии ни на каком из европейских языков, посвященной его жизни и творчеству. В КНР и на Тайване он, в основном, известен благодаря своему раннему произведению «Наука бесстыдства и коварства», впервые изданной в 1913 году.

Не менее интересной для истории современной китайской философии является трактат «Психология и механика». В предисловии «Психологии и механике» Ли Цзунъю пишет: *«“Наука бесстыдства и коварства” задумывалась мною как литературная шалость, я и предположить не мог, что после опубликования она разойдется по всей Сычуани, и ее название превратится в популярную поговорку. Эти обстоятельства подтолкнули меня на следующие рассуждения: тот факт, что эта формула была воспринята обычными людьми, говорит о ее непосредственной связи с психологией»* [1, С. 026]. Кроме того, Ли Цзунъю неоднократно упоминает о целом шквале критики, которую обрушили на его теорию представители интеллигенции [1, С.004, 026]. Все вышеперечисленные обстоятельства стали причиной, побудившей Ли Цзунъю подвести под разработанную им концепцию более прочное теоретическое основание.

Ли Цзунъю полагал, что законы Ньютона можно использовать для построения теории, описывающей человеческие отношения, так как человек тоже физический объект. [1, С. 031]. Сходство в строении Земли и сердца Ли Цзунъю доказывал с помощью следующих аргументов: *«Началом Земли является сила тяготения, которая собрала воедино камни, почву, песок. Началом сознания является семя. Если начать исследования силы тяготения с того момента, когда планеты еще не существовало, а изучение семени – с тех времен, когда еще не было прародителей человека, то мы пришли бы к моменту, когда не существовало ничего, оба начала были одним целым. Из ничего появилась сила, потом появилась земля, потом появились предметы. Из ничего появилось семя, потом появилось сознание, потом появился человек. Отсюда можно заключить, что строение Земли и строение сердца одинако-*

вы, потому физические законы можно использовать для осмысления человеческих чувств» [1, С. 031].

Доказательством идентичности силы тяготения, которой подчиняется, как и Земля, человеческое сердце является буддийская идея о том, что у человека нет сердца (души), а то, что принято называть этим словом, ложно и представляет собой лишь отражение шести скверен. *«Еще буддисты говорят, что скверны падают на благодатную почву восьми париджнян (восьмичленная цепь познания: восприятие через органы чувств, рассудок, а также душевное – *tanas* – и духовное – *alaya* – сознание мира), как семена бобов и чумизы падают на землю. Но мы знаем, что семена чумизы и бобов падают на землю лишь благодаря наличию силы тяготения, следовательно, и сердце должно обладать такой силой. Кроме того, сила тяготения не дает семенам оторваться от своей поверхности, так и скверны никогда не покинут пределов сердца»* [1, С. 031].

В соответствии со свойствами электромагнитного поля, частицы, имеющие разноименные заряды, притягиваются; обладающие одноименным зарядом, отталкиваются. Схожие процессы, по мнению Ли Цзунъю, характерны и для человеческой психологии: *«положительный заряд нуждается в отрицательном, если он вдруг сталкивается с другим положительным зарядом, который будет пытаться отделить от него отрицательный заряд, то первый положительный заряд непременно оттолкнет второй, тоже самое произойдет и при встрече двух отрицательных зарядов. Эти явления можно сравнить с поведением ребенка, который ест печенье и запивает его молоком, в это время он видит, как входит его старший брат, ребенок примется отталкивать его от стола, здесь на лицо пример того, как отталкиваются друг от друга частицы с одинаковыми зарядами. А о схожести между явлением притяжения разнозаряженных частиц с чувствами, возникающими между мужчиной и женщиной, даже и говорить не стоит»* [1, С. 031].

Ли Цзунъю говорил, что корысть и эгоизм необходимы человеческому обществу. Часто корыстолюбие мешало прогрессу общества, но одновременно именно оно было двигателем общественного прогресса. Он предлагал не пытаться уничтожать его и не давать ему нравственную оценку. *«Если бы физики, зная о том, что эклектический разряд может убить человека, посвящали свои исследования лишь поискам путей нейтрализации действия электричества, как бы мы получили возможность использовать электрическое освещение или электрические печи? Корысть не может быть уничтожена, точно также как и не может быть уничтожена сила земного притяжения, мы должны лишь смириться с ее существованием, когда же ты перестанешь вредить моей корысти, а я перестану вредить твоей, это и будет наивысшее проявление корысти, и одновременно – наивысшее проявление общественного начала. Многие задавались вопросом: зла человеческая природа или добра? Вот что им можно возразить в ответ: а зла или добра сила тяготения? Добро или зло электричество? Если кто-то сможет дать ответ на эти вопросы, я непременно с ним поговорю»* [1, С.046].

Ли Цзунъю полагал, что, несмотря на обилие различных учений, направлений, исследователи, рассуждающие о природе человека, свойствах его души, в сущности, исходят из одних и тех же посылок и представлений. Разногласия и споры, которые существуют между представителями различных направлений философской мысли, могут быть преодолены благодаря созданию методологии гуманитарного знания, опирающейся на достижения европейской научной мысли.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СУТРЫ «ХУАЯНЬ ЦЗИН» КАК СИМВОЛ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ КИТАИЗАЦИИ БУДДИЗМА

А. Е. Сысоева

Новосибирский государственный университет

За всю историю существования буддизма в Китае отношения государства и сангхи были различными. К периоду эпохи Тан буддизму и правящим кругам наконец удалось создать подобие симбиотической связи. С одной стороны, буддизм выполнял функции учения, помогающего государству держать народ в повиновении, с другой стороны, государство использовало буддийскую религиозную обрядность, культы, философские доктрины в своих целях. Главное содержание этого явления определялось как установление окончательной зависимости буддизма от власти, период правления династий Суй и Тан характеризуется расцветом буддизма.

Это время стало периодом расцвета школы Хуаянь, главным каноническим текстом которой являлась сутра «Хуаянь цзин». Созданная еще при Суй, наряду со школами Тяньтай и Чань она стала одной из трех школ, которые получили государственную поддержку. Боровшуюся за централизацию и дальнейшее объединение Китая власть заинтересовала ее некоторые теоретические постулаты. Мыслители Хуаянь, при помощи строгой иерархии понятий описывали буддийский мир, в котором все сущее рассматривалось тождественным единому – природе Будды. Развивая диалектику общего и особенного, хуаяньские мыслители возвели многообразие бытия к многозначности его исходного элемента, который обеспечил последующее единство многообразного и многообразие единого.

В этих картинах буддийского мира танские правители увидели модель собственной империи, поэтому они были заинтересованы в укреплении позиции этой школы. В связи с этим по всей стране развернулось масштабное строительство храмов и монастырей, ей посвященных. Активная государственная поддержка и стремление к осуществлению амбициозных идей правящих кругов особенно явственно отразились в оформлении пещерных храмов, где сам материал строительства способствовал размаху и благоприятствовал их выражению.

В обширных целлах храмов Аньюэ («Хуаяньдун») и Дацзубаодин («Пилудаочан»), возведенные династиями южной и северной Сун, построены согласно канону Хуаянь и имеют всех иерархически упоминаемых персонажей с Буддой Вайрочаной во главе. Необходимо заметить, что оформление целлы выполнено уже в тщательно разработанном, чисто китайском стиле, что свидетельствует о том, что основные китайские образцы буддийских изображений, пройдя процесс китаизации с первых веков нашей эры и получив мощную идеологическую поддержку своего оформления в эпоху Тан, уже в суйском памятнике обрели законченный вид.

Кроме того не только Бодхисаттвы, но и Будда имеют женственный облик. Этот факт иллюстрирует тенденцию оженствования буддийских божеств, имевшего место в китайском буддизме, что в немалой степени было подстегнуто танскими правителями, в частности, танской императрицей У Цзэтянь (684 – 704 гг.), использовавшей сутру «Даюнь цзин» (Сутру большого облака) для легитимизации собственной власти.

Можно говорить о том, что школа Хуаянь не только ввела в свое учение и сферу китайского буддизма китайские понятия в их самостоятельном значении, но и во многом способствовала формированию собственно китайского стиля в буддийском искусстве.

Литература:

1. Солонин К.Ю. Золотой лев Хуаянь // Восток: философия, религия, культура. Спб., 2001.
2. Янгутов Л.Е. Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. Улан – Удэ, 1998.
3. Янгутов Л.Е. Философское учение школы Хуаянь. Новосибирск, 1982.
4. Ху Вэньхэ. Сычуаньшику хуаянь цзин ситун бяньсяндэ яньцзю // Дуньхуан яньцзю. 1997. №1.

МЕСТО ТВОРЧЕСТВА ЦЗЭН ГОФАНЯ В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Е. А. Васильева

Новосибирский государственный университет

В исследовательской литературе на русском языке, Цзэн Гофань известен, прежде всего, как «палач тайпинского восстания». Его военные заслуги описаны в книге Г.С. Кара-Мурзы «Тайпины» [1, с. 90-118]. Эти же события представлены в статье В.С. Кузнецова «Императрица Цы Си» [2, с.62-86]. Как исторический деятель, участник и руководитель военных действий Цзэн Гофань, конечно, упоминается в учебниках по истории Китая [3, с. 321].

Краткий очерк философской системы Цзэн Гофая есть в энциклопедическом словаре «Китайская философия» [4, с. 424-425]. Частичный анализ литературного творчества Цзэн Гофая в рамках тунчэнской литературной школы представлен в монографии К.И. Голыгиной «Теория изящной словесности в Китае XIX - начала XX века» [5, с.85-99].

Оценки творчества Цзэн Гофая противоречивы. С одной стороны, признается его новаторство в разработке положений теории изящной словесности [6, с. 676]. С другой стороны, отмечается, что «писал Цзэн Гофань много, но шедевров не создал. Наибольших успехов он достиг в эпистолярном жанре» [6, с. 676].

В работе В. Г. Букова «Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня» [7, с. 10] и работе А. И. Кобзева «Философия китайского неоконфуцианства» [8, с. 422] есть упоминание имени Цзэн Гофая в связи с известным философом Ван Чуань-шанем. Исследователи отмечают тот факт, что под руководством Цзэн Гофая вышло первое собрание сочинений Ван Чуань-шаня. Кроме того, в статье А.В. Аллаберта Цзэн Гофань упоминается в связи с анализом основного принципа управления «практика – критерий истины» (шиши цю ши) [9, с. 83-95].

Таким образом, в русскоязычной литературе нет не только периодизации жизни и творчества Цзэн Гофая, полного описания биографии и политической деятельности, но и адекватной оценки его литературного и философского творчества.

Можно предложить следующую периодизацию основных этапов жизни Цзэн Гофая.

Первый период - с 1811 по 1833 – детство и юность Цзэн Гофая, получение традиционного конфуцианского воспитания, окончание школы Лянбин, женитьба [10, с. 371-372].

Второй период - с 1833 по 1850. Именно с 1833 года начинается карьерный рост Цзэн Гофая. Он получает степень «сюэя», затем в 1835 степень «цзиньши». Как пишут биографы, в этот период Цзэн Гофань «каждый день усердно занимается», и увлекается изучением сунского конфуцианства, постигает учения Чжу Си и братьев Чэн. В 1847 Цзэн Гофаню оказана огромная честь – он становится членом академии Ханлинь, кроме того, его назначают главой ведомства ритуалов. Благодаря своему трудолюбию, упорству и таланту Цзэн Гофая ожидают все новые и новые назначения: в 1849 он уже левый министр (цзоу шилань) ведомства ритуалов (дипломатическое ведомство), после чего назначен правым министром в военном ведомстве [10, с. 373].

Третий период с 1850-1864, связан с одним из важнейших событий для Китая и для жизни самого Цзэн Гофая – тайпинским восстанием. Цзэн Гофань создал мощную Хунаньскую армию, организовал первый арсенал, выступил с инициативой закупки за границей военных кораблей и оружия. В этот же период в связи с болезнью и разочарованием в классическом конфуцианстве он обращается к даосским и буддийским произведениям [10, с. 374-375].

382]. Исследователи его творчества писали: «непрерывно день за днем, он просматривал буддистские литературные памятники, он рассчитывал в них найти лучшее средство избавления от моральных мук, душевных страданий, путь к самосовершенствованию» [11].

Четвертый период с 1864 -1872 связан с тем, что Цзэн Гофань начинает заниматься иной деятельностью: по приказу Цинского правительства он посещает с инспекцией чиновников в Шаньдуне, Хэнане, Чжили. В мае 1868 года Цинское правительство присваивает Цзэн Гофаню звание «великого ученого». В творческой деятельности окончательно оформляется его философская система, которая основывается на положениях конфуцианства с элементами даосизма и буддизма [10, с. 383-385].

В китайской исследовательской традиции творческая деятельность Цзэн Гофаня оценена высоко. Наиболее полная работа о его жизни и творчестве принадлежит Цзян Син-дэ [12]. Цзэн Гофань неоднократно упоминается в высказываниях Лян Цичао, Мао Цзэдуна как гениальный мыслитель [9]. Идеология Цзэн Гофаня оказала большое влияние на многих мыслителей и политических деятелей Китая в новейшее время [13, с. 362-363].

Литература

1. Кара-Мурза, Г. С. Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае 1850-1864гг. М.,1941.
2. Кузнецов В. С. Императрица Цы Си //Вопросы истории. 2003. №12.
3. История Китая /Под ред. А. В. Меликсетова. М.,2004.
4. Китайская философия. Энциклопедический словарь / Глав. ред. М. П. Титаренко. М., 1994.
5. Гольгина К. И. Теория изящной словесности в Китае XIX - начала XX века. М.: Наука,1971.
6. История всемирной литературы: В 9 т. М., 1991. Т. 7.
7. Буров В. Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чунань-шаня. М., 1976.
8. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.
9. Аллаберт. А. В. Роль конфуцианских ценностей в формировании морально-нравственного облика современного китайского руководителя // Восток. 2005. № 4.
10. Цзэн Гофань пинчжуань: [Критическая иография Цзэн Гофаня]/Сост. Дун Цайши. Сучжоу: Сучжоу дасюэ чубаньши [Издательство Сучжоуского университета],1998.
11. Цзэн Гофань. Чжи синь цзин [Канон управления сердцем] / Ред. и коммент. У Сюйцзы. Пекин: Чжунго яньши чхубаньшэ [Издательство «Китайская речь»], 1999.
12. Цзян Син-дэ. Жизнь и деятельность Цзэн Гофаня. Шанхай, 1948.
13. Чжунго чжэсюэши [История китайской философии], Шанхай, 1994.

РАЗВИТИЕ НЕОКОНФУЦИАНСТВА В ПЕРИОД ДИНАСТИИ ЮАНЬ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЛЮ ЦЗИ)

М. В. Степаненко

Новосибирский государственный университет

Лю Цзи (Лю Бовэнь, 1311 - 1375) – государственный деятель и ученый-конфуцианец эпохи Юань (1271 - 1368) – начала Мин (1368 - 1644). Как государственный деятель известен как советник первого императора династии Мин Чжу Юаньчжана и один из авторов свода «Минских законов», заслуживший эпитет «первый наставник Мин». Как мыслитель Лю Цзи прославился такими произведениями как «Тянь шо» («Учение о Небе») и сборника притч «Юй Ли Цзы» («Муж в тоске удалившийся [от дел]»), «Чэнь и Бовэнь цзи» («Собрание сочинений искреннего помыслами Бовэня») и др.

В первую очередь Лю Цзи интересует нас как мыслитель эпохи Юань, которая, как известно, была временем правления в Китае монгольской династии. Принято считать, что рассматриваемый период, если не считать юаньской драмы, не отмечен никакими достижениями в области искусства и культуры, и поэтому часто ассоциируется с культурным регрессом, представляется как некий шаг назад по сравнению с достижениями предшествующей династии Тан и последующих Сун, в частности, в области философии. Действительно, время монгольского правления не отмечено творчеством новаторов, сравнимых с Хань Юем или Чжу Си, заложивших основы неоконфуцианства. Важно заметить, что время, следовавшее за эпохой монгольского правления, также отмечено творчеством мыслителей, идеи которых произвели переворот в сознании современников и, что важнее, повлияли на развитие философской мысли как в Китае, так и в зоне его культурного влияния (например, Ван Янмин). Все эти события являются этапами единого идеологического процесса, связанного с формированием и развитием неоконфуцианства. Эпоха Юань, разделяющая Сун и Мин стоит особняком, несмотря на то, что она охватывает пусть небольшой по сравнению с другими, но все-таки значительный период времени – сто лет. Трудно представить данное время как абсолютно бесплодный период, так как в этом случае невозможно было бы объяснить преемственность между эпохами, с которыми она граничит. Поэтому нам представляется интересным обратиться именно к этому времени с целью описать основные направления развития философской мысли в Китае периода монгольского правления.

Мы полагаем, что литературное наследие Лю Цзи может быть рассмотрено как связующее звено между насыщенными достижениями в области философиями эпохами – Сун и Мин. С другой стороны, творчество мыслителя, в первую очередь тематика и проблематика его произведений во многом обусловлены историческими условиями, в которых они были созданы. Поэтому

нашей целью в перспективе является описание системы взглядов Лю Цзи как представителя своего времени.

Останавливаться подробно на биографии Лю Цзи нерационально, однако рассматривать основные вехи его творчества целесообразно в контексте наиболее значительных событий его жизни – прежде всего профессиональной. В результате подсчета обнаруживается, что из шестидесяти пяти лет, прожитых Лю Цзи, пятьдесят пришлось на правление династии Юань. Лю Цзи сделал при монголах довольно успешную карьеру. Уже в двадцать два года получил высшую степень *цзиньши*, после чего служил на разных постах на родине в восточном Чжэцзяне. В «Истории неоконфуцианства периода Сун и Мин» упоминается, что участвовал в подавлении народных волнений и разбойных налетов. Известно, что Лю Цзи был вынужден уйти в отставку. Это один из центральных моментов его биографии, который сказался достаточно плодотворно на творчестве мыслителя. Во время его жизни на покое им были созданы наиболее значительные произведения. Это уже упоминавшиеся «Тянь шо» и «Юй ли цзы».

«Юй ли цзы» является сборником притч и традиционно считается памфлетом, обличающим тирана. Спектр тем, затрагиваемых автором, касается, в основном, проблем управления, в том числе политического. А аллегорический характер произведения позволяет автору делать намеки на несовершенство монгольского управления.

Причины недовольства монгольской властью кроются не только в личном конфликте автора с властью имущими. Период правления монголов в целом был довольно неблагоприятным для той социальной группы, к которой принадлежал автор. Основным поводом недовольства китайских интеллектуалов и чиновничества монгольской властью была утрата ими привилегированного положения, проявившаяся, в частности, в нерегулярности и потере эгалитарности экзаменационной системы. При новых порядках прежде высоко ценимый интеллектуальный критерий, столь важный прежде на экзаменах и на службе, был заменен происхождением и связью с заместителями. Естественно, что Лю Цзи как представителя мандарината, не могло удовлетворять подобное положение вещей. Таким образом, идеи произведения, содержащего критику властей, во время написания сборника, могли найти сочувствие среди интеллектуалов.

О том, что Лю Цзи рассчитывал на реакцию среди интеллектуалов, говорит не только содержание сборника, но и его форма. Замечено, что произведение копирует по структуре «Лунь юй», что вряд ли является авторской забавой и может быть рассмотрено как попытка привлечь внимание читателя и заставить его серьезно взглянуть на произведение, написанного в жанре притчи.

Во-вторых, произведение содержит не только критику, но и практические рекомендации по решению вопросов, связанных с управлением государством. Практицизм произведений Лю Цзи можно рассматривать двояко. Во-первых, как проявление личного стремления автора к власти. Лю Цзи имел

солидный опыт и талант управления, и, оказавшись отлученным от любимого дела, изложил накопленный опыт и наблюдения в литературной форме. С другой стороны, время диктовало свои условия. Власть династии Юань приходила в упадок, шла борьба за власть, поднимались восстания. На этом фоне вряд ли мог возникнуть интерес к произведениям теоретического характера, практические же рекомендации могли, напротив, пригодиться как борцам за власть, как и будущему победителю и Лю Цзи не мог этого не понимать и не ответить требованиям времени.

Следующий важный период жизни Лю Цзи связан с приходом к власти новой династии в лице ее первого императора Чжу Юаньчжана. Новая династия нуждалась в социальной опоре, и нашла ее в лице чиновничества, восстановив систему экзаменов и связанные с нею привилегии. Чиновничество и интеллектуалы в свою очередь обеспечили династии идеологическую поддержку. Лю Цзи и ряд других конфуцианцев восточно-чжэцзянской школы оказались востребованы новой властью. В первые годы правления Мин Лю Цзи занимал различные значительные посты при императоре, посмертно получил имя Вэньчэн.

Таким образом, изучение переходных периодов и в истории философии может дать представление об условиях формирования тенденций и направлений, получающих развитие в период подъема философской мысли. Примером может служить творчество Лю Цзи, творческое наследие которого невелико по объему, и не содержит новых идей, изменивших направление философской мысли. Однако оно может быть интересно с точки зрения трансляции идеологии от одной эпохи к другой.

ЗДОРОВЬЕ КАК ЦЕННОСТЬ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

В. Н. Гололобова

Институт философии и права СО РАН

По своей ценностной сущности здоровье выступает благом, то есть тем, что отвечает потребностям, интересам, имеет положительное значение для людей. Степень его значимости в различные исторические эпохи, в разных религиях и культурах разнится, но тот факт, что здоровье никогда не считалось антиценностью, позволяет назвать его общечеловеческой универсальной ценностью. В то же время здоровье выступает и как ценность-средство, поскольку является условием существования более важной ценности – жизни [3. с. 15-16].

История формирования и развития представлений о здоровье человека насчитывает не одно тысячелетие. Место здоровья в системе ценностей менялось вместе с развитием цивилизации, культуры и сменой способа

производства. Менялась значимость физической, духовной и социальной составляющей здоровья.

Так, в Древней Греции Платон описывая систему благ, выделяет божественные и человеческие из них. Среди человеческих благ здоровью отводится немаловажное место: «Меньшие блага – это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте – сила в беге и в остальных телесных движениях, на четвертом – богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же главенствующее из божественных благ – это разумение; второе сопутствующее разуму здоровое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо – справедливость; четвертое благо – мужество» [6. с. 93.]. В философии Платона главную роль играет принцип разделения тела и духа, однако они не противостоят друг другу. Тело и дух несопоставимы друг с другом по значимости, однако здоровое и красивое тело является началом роста души. При этом даже самое здоровое и прекрасное тело должно быть осознанно как низшее по отношению к духу. И оба эти начала требуют одинаково внимательного отношения к себе. Для этого периода времени характерно восприятия здоровья через понятия гармонии, соразмерности и меры. Необходимо отметить в целом позитивное отношение к телу и здоровью. Одним из свидетельств ценностного отношения к человеческому телу и здоровью у греков может служить факт непопулярности жестоких телесных наказаний рабов, распространенных у варваров, персов и характерных для средневековой Европы [1. с. 56.].

В противоположность античной философии, эпоха средневековья характеризуется противопоставлением души и тела. В основе дуализма средневековья стоит принцип иерархичности: утверждения разнорядности и разноценности материального и духовного. Телесное, материальное является только тенью чего-то высшего, оно связано с греховной землей. Отрицается важность земного существования, поэтому забвению предаются проблемы, связанные с телесным существованием человека, в том числе проблемы здоровья. Однако болезнь – это не расплата за грехи, смысл ее в том, чтобы через боль привести к позитивным изменениям, к нравственному совершенствованию. Здоровье – это божественная благодать, которую можно заслужить через веру [2. с. 58.]. Главный упор делается на духовное лечение.

Ситуация начинает меняться с развитием философии Фомы Аквинского, который возвращает телу его законную ценность. Он пишет, что оба мира – и телесный, и духовный – созданы Богом, поэтому необходимо равно ценить и душу, и тело. В человеке дух и тело – две стороны единого целого: душа есть форма, а тело – материя. «Человек является стержнем и средоточием обоих царств – «словно горизонт телесного и духовного» [8. с. 153]. Соответственно нет ничего дурного в заботе о теле, в поддержании его здоровья.

В эпоху Возрождения и Нового времени преодолевается средневековый дуализм. Значительную роль в этом процессе сыграли научные открытия XVII-XVIII вв. в биологии, медицине, а также психологии. Закладывается

новый вектор развития медицины. Сама естественнонаучная направленность эпохи стремится очистить понятие природы от ценностных характеристик. Вместе с возвышением человека, его телесности, чувственности подвергается переоценке и ценность его здоровья. Ярким представителем эпохи Возрождения был Леонардо да Винчи. Он не просто провозгласил торжество телесного и духовного начал в человеке, но и сам был образцом энергии, грации, совершенства и бесчисленного множества талантов. Родоначальник философии Нового времени Ф. Бэкон в своем труде «О достоинстве и преумножении наук» утверждает целью наук «наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами». А здоровье он трактует как одно из основных благ, которым человек обладает от рождения. По Ф. Бэкону, «система знаний должна соответствовать взаимосвязи вещей, их соподчиненности, науки о благополучии и здоровье людей наиболее ценны не только сами по себе, но и потому что они, составляя в совокупности философию человека, определяют цель всех наук» [5. с. 25].

В Новое время закладывается начало натурализации человека, то есть важным становился принцип психофизического единства человека, акцентирование первичности телесного в нем. Новая научная картина мира, в основе которой лежало механистическое понимание природы, приводит к отрицанию какой-либо духовной субстанции. Так, например, П. Гольбах говорит, что человек есть только физическое существо, его характер, добродетель определяется «равновесием соков», то есть физическими субстанциями [1. с. 80].

Сегодня помимо телесного и духовного выделяют еще социальный уровень. Здоровье рассматривается не просто как ценность индивидуума, но и как социальная, политическая и экономическая ценность [4. с. 16]. В динамике ценности и оценки здоровья в развитии человечества выражен рост значимости социальных факторов: зависимость здоровья от экономической, социально-политической и духовной жизни общества. Так в определении Всемирной организации здоровья подчеркивается: «Здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия человека, а не только отсутствие болезни и физических недостатков». [7. с. 86]

Литература

1. Быховская И.М. Номо somatikos: аксиология человеческого тела. М., 2000.
2. Карловская Н.Н. Картина мира и ее влияние на понимание здоровья и болезни // Гуманитарные исследования. Омск. 2002. Вып. 7.
3. Ларионова И.С. Здоровье как ценность: Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М., 2004.
4. Лисицын Ю.П., Сахно А.В. Здоровье человека – социальная ценность. М., 1988.

5. Михаленко Ю.П. Ф. Бэкон о здоровье человека // Философия здоровья. М., 2001.
6. Платон. Сочинения в 3 т. Т.3. М., 1972. С.93.
7. Смирнов И.Н. Здоровье человека как философская проблема // Вопросы философии. 1985. №7.
8. Тарнас Р. История западного мышления. М, 1995.

Социально-философские исследования

ОНТОЛОГИЯ И БОРЬБА С МЕТАФИЗИКОЙ

М. Н. Чистанов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

Традиционная онтологическая проблематика возникает в первой половине семнадцатого века, и само понятие онтологии было предложено Р. Гоклениусом [1; 737] в 1613 году, в основном этот процесс был закончен к середине девятнадцатого века. Выделение проблем, связанных с бытием и сущим в отдельную философскую дисциплину оказалось крайне важным шагом в институционализации философского знания, его эволюции к современному виду. Термин «онтология» изначально мыслился как синоним метафизики, поэтому даже в системах, открыто заявляющих о своей антиметафизической направленности, онтология с неизбежностью имеет метафизический привкус. На практике это означает, что анализ реальности любого рода, будь это реальность чувственно воспринимаемого физического тела, реальность абстрактной математической конструкции или реальность непосредственно переживаемых психических феноменов, обязательно носит предметный характер. Классическая онтология всегда является онтологией объекта, причем объекта, исчерпывающего весь объем реальности.

До середины девятнадцатого века, пока естественные науки не вышли за пределы, установленные картезианским учением о методе, а гуманитарные дисциплины все еще находились в зачаточном состоянии, классическая онтология казалась вполне успешной и даже местами респектабельной. Появление онтологии приходится на время, которое устойчиво связывается с рождением и бурным развитием новоевропейской науки, математизированного естествознания; она является фактическим «двойником» этой науки, ее своеобразным «заместителем», который занимает место натурфилософии. Тесная связь, своеобразный «параллелизм» в развитии науки и философской онтологии были просто неизбежны, по крайней мере, на первых порах.

Попытки реформирования онтологии возникают в середине девятнадцатого века и связаны, на наш взгляд, с изменениями, произошедшими в науке этого периода: а) становлением социально-гуманитарных наук, появление которых резко осложнило применение ранее неплохо зарекомендовавших себя классических научных методов, возникает проблема научного статуса наук такого рода, проблема; б) кризис в самом естествознании, когда проведение ясной демаркационной линии между субъектом и объектом познания представляется весьма трудной, а, возможно, и невыполнимой задачей. Простая и понятная схема существования природных объектов становится до предела запутанной, с необходимостью включающей механизм взаимодействия субъекта и объекта, а также определенно не способной ответить на вопрос о способе существования реальности.

Уже упомянутый кризис философской онтологии порождает многочисленные попытки построения принципиально новых, антиметафизических онтологических систем и само слово «метафизика» в девятнадцатом веке становится бранным, а чуть ли не единственный выход из создавшегося положения видится в создании «онтологии субъекта», привязанной к внутреннему миру сознания. То, что в классической онтологии и науке пресловутое противопоставление субъекта и объекта есть мнимое противопоставление, указывается, в частности, Риккертом [2; 15-16]. Различая постижение действительности и постижение мира как целостности, Риккерт указывает, на принципиальное отличие этих задач и невозможность применения методологии конкретных наук, которые занимаются постижением действительности к общей онтологической проблеме. Для решения задач в сфере философской онтологии должны применяться кардинально иные методы, которые в арсенале классической науки и онтологии отсутствуют. Риккерт, вслед за своим учителем Виндельбандом, пытается нащупать «средний» путь, равноудаленный как от «объективирующих», так и от «субъективирующих» концепций. Для этого он вводит особого рода онтологическую структуру – «мир смысла», не относящийся к действительному миру объектов, но и не являющийся порождением субъекта. Гуссерль, в свою очередь, обосновывает необходимость новой научной и философской онтологии кризисным состоянием современной ему науки, которое выводится им из глобального кризиса метафизики [3; 554]. Таким образом, утверждение о кризисе в науке – это не указание на ее практическую неэффективность, но утверждение об отсутствии явных онтологических оснований современного научного знания.

Первым приближением к очевидности может стать само восприятие мира здесь и сейчас. Этот факт становится неопровержимым откровением для Дж. Мура и неореалистов, но совершенно не устраивает Гуссерля. Указывая на его как онтологическую основу, Гуссерль, тем не менее, дистанцируется от дедуктивных построений картезианского толка, когда из неких «врожденных идей», своего рода идеальных объектов выводится существование всего остального мира. В случае Декарта, как нами уже отмечалось раньше, субъект становится своего рода объектом, только теперь уже не вещественного, а

идеального рода. Гуссерль именует такую концепцию «трансцендентальным реализмом», подчеркивая абсурдность самого термина.

Фактически суть проблемы сводится к существованию очевидного зазора между внутренней логикой субъекта, которая переживается нами как сфера моего личного «Я» и тем способом, в котором эти переживания только и могут быть нами осязаемы. Если проблематика «Я» и мира, который является моим миром, может быть рассмотрена как проблематика порожденного, то есть вторичного, по отношению к нашему до-предметному бытию, то наш способ представления не может быть выведен ни из проблематики сознания, то есть Я, ни из какой-либо другой области. Поэтому фактическая проблема до-предметного бытия, или проблема смысла выходит за рамки проблем чистой эгологии как философии индивидуального сознания. В этой связи далеко не случайным является пресловутый «лингвистический переворот», обращение философии двадцатого века к проблемам языка, которые ни в коей мере не являются проблемами философии субъекта, но отсылают нас к более фундаментальным порождающим структурам. Однако сосредоточение внимания исследователей на проблемах языка таит, на наш взгляд, опасность некоторого «перекоса»: стирается грань между философскими и собственно лингвистическими исследованиями со всеми вытекающими отсюда последствиями; кроме того, создается впечатление, что указывая на надындивидуальный характер языка, мы приписываем ему что-то подобное объективному существованию. Но ведь это результат, прямо противоположный тем целям, которые ставились перед нами с самого начала. Никакого самостоятельного существования в объективном смысле язык не имел, не имеет, и не будет иметь. Поэтому исследования в контексте онтологии не являются, собственно говоря, лингвистическими в обычном смысле этого слова. Традиционная лингвистика как раз и исходит из представления об объективной природе языка и обращается с ним как с обычным предметом исследования. В рамках онтологических исследований такой подход, конечно, не применим.

Литература:

1. История философии. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом. 2002. – 1376 с.
2. Риккерт Г. О понятии философии. // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998 – С. 15-128
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. // Гуссерль Э. Логические исследования. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 780 с.

ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Ю. Б. Вертгейм

Новосибирский государственный университет

Общество представляет собой один из наиболее сложных предметов для исследования. Как правило, на первом плане находится внутреннее устройство общества – социальная иерархия, система статусов, ролей, идентичностей (Э. Дюркгейм, М. Вебер, И. Гофман, П. Бурдьё). Позиции в обществе можно рассматривать как социальные валентности – через свободные полюса социальных отношений. Другим (центральным) полюсом этих отношений является индивид, занимающий соответствующую позицию. Таким образом, в центре внимания оказывается индивид с его социальными валентностями (возможностью входить в определенные отношения). Различия и сходства, или границы, между обществами можно оценивать через различные или сходные валентности (оценивается мера сходства как нечеткая мера). Важным свойством общества является то, что именно через общество индивид получает доступ к цепочкам ресурсов (в настоящем и в прошлом, с учетом доступа к ноу-хау).

Современное общество особенно сложно; его существование связано со многими парадоксами. Современное общество не является чем-то монолитным; его составляют сложные траектории непосредственных контактов между людьми. Во многом это анонимное общество, построенное по принципу «дом соседа – его крепость». Жильцы многоквартирного дома могут не знать друг друга, а лучшие друзья – жить на разных континентах. Топология социального пространства выстраивается через доступ в сообщества. Что значимо: социальная карта – карта свободного доступа индивида к населенным территориям; такие понятия, как доступ, препятствия, траектории социальной мобильности (территориальной, горизонтальной, вертикальной); при изучении социальных изменений – мобилизация сообщества и переструктурирование сообществ. При этом само общество определяет структуру и способы мобилизации сообществ; оно всегда «за сценой».

Тогда границы общества – это границы для системы социальных границ. Для устойчивых и легитимных современных национальных государств такие границы «второго порядка» формально совпадают с территориальными. (Фактически – редко; яркий пример – граница США с Мексикой). В социально-территориальном аспекта элементы общества – это поселения; в социально-структурном – индивиды с их социальными валентностями.

Сообщество (для данного индивида) – совокупность групп с контактами «лицом к лицу». Мир повседневности – это сообщества; непосредственная реальность – реальность сообществ (подлинный предмет качественной социологии). Особый интерес представляют динамика сообществ, способы

присоединения к сообществу. Типичные сообщества современного общества хорошо известны: семья, соседи, соученики, коллеги по работе, друзья по хобби. Сообщества можно ранжировать от самого простого, основанного на визуальном контакте, до сообщества-братства, с готовностью умереть «за други своя».

Общество – группы людей, населяющих определенную территорию; включенных в единую систему статусов и ролей; действующих на основе единой идентичности; допускаемых к цепочкам ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения, на основе социальной принадлежности. Критерий принадлежности – проблема (почти детективная загадка). Дан индивид; как установить, к какому обществу он принадлежит? Для обычного человека принципиально не намного сложнее стать мэром Нью-Йорка, чем Москвы; поступить в Сорбонну, а не в МГУ, осознать себя калифорнийцем, а не сибиряком; зачастую легче попасть на территорию иного общества и к соответствующим сообществам, чем в местное элитарное сообщество.

Рассмотрим простой пример. Гипотетическое атомарное общество (абстракция). В каждом таком обществе все его представители заменяемы между собой (но не по отношению к представителям другого общества). Тогда границы между обществами очевидны.

Современное общество намного сложнее. Границы общества для индивида – «пределы взаимозаменяемости», поскольку институциональные препятствия и возможности примерно одинаковые по крайней мере для всех представителей одной страты; неравенство же есть во всех обществах. В чем прежде всего проявляются эти пределы: доступ к территории (свобода перемещения); рынок труда; собственность (право приобретать); доступ к культурному наследию, к образованию, к социальным программам.

Предлагается многообразие версий современного общества (примерно с 1899 г.). Пессимисты конструировали массовое общество, общество потребления, общество риска, макдональдизированое или виртуальное общество (Х. Ортега-и-Гассет, Н. А. Бердяев, У. Бек, Дж. Ритцер, Дм. Вяч. Иванов); оптимисты – постиндустриальное, информационное, знания, постэкономическое, глобальное (Д. Белл, А. Тоффлер, В. Л. Иноземцев).

Заметим, что по внешним критериям не так уж сложно быть глобальным обществом. Достаточно всем выучить язык (получить образование), иметь возможность обменивать деньги, ввести совместимое подданство (через межгосударственные договоры).

Радикальная версия – общество ненависти (А. Глюксманн); ненависть как довлеющая социальная страсть. Предложим в качестве противоположного полюса – общество доверия (общество, в котором действует предельная этика).

Предельная этика строится через следующие аргументы.

То, что несовместимо с выживанием человечества, делает этику не ложной, а бессмысленной. Этика всегда кому-то адресована. Можно представить себе структуры «чистого знания», существующие сами для себя, погружен-

ные сами в себя и замороженные сами собой. Но это невозможно для этики. Этика гуманистична по определению. Она всегда разворачивается к человеку.

Предельный этический анализ высвечивает зло как этическую бессмыслицу. Почти лингвистический подход.

Для выживания необходимо могущество. Наличествующее состояние мира слишком хрупко. Могущество созидания неотделимо от могущества разрушения. Это значит, что выживание несовместимо с влечением к разрушению (влечением ко злу). Критерий предельного могущества – массовый доступ к средствам массового уничтожения.

Как же представить себе «жизнь без зла»? Парадокс реальности-утопии состоит в том, что и вера в торжественное и окончательное изгнание зла абсурдна, и жизнь при условии сохранения зла невозможна. Ближайший смысл истории состоит в разрешении этого парадокса.

Что же сказать о грядущем прекрасном и новом мире? «Заминированное общество»? «общество этических мимоз»? «общество анонимных ничтожителей»? Едва ли не будет основным занятием исцеление сердец от зла.

Предложим мыслительный эксперимент. Что если вручить каждому прямоходящему двуногому без перьев «склянку Пандоры» – упоительный флакон, содержимого которого достаточно для того, чтобы уничтожить всю Вселенную, и заключить «пари дьявола» – на сколько раз?

То есть, очевидно, что Вселенная будет уничтожена мгновенно. Вопрос в том, на сколько раз.

Геростратов суперкомплекс. Именно – позитивное зло. Упитья восторгом уничтожения Вселенной.

Попытка заморозить зло дудочкой – проекты глобальной этики. В основе сильные и тем самым сомнительные предпосылки – наличие «минимального согласия по основным ценностям», а также единого морального сообщества и плодотворности диалога со Ставрогиным и с Петрушей Верховенским (непревзойденные образчики аксиологических нигилистов кисти Достоевского, знавшего толк в радикальных социальных движениях). Потрите эти проекты глобального примирения – и вы найдете старую добрую либеральную этику, с парадоксальными идеями «прав человека», гендерного сотрудничества и прочими самореализациями. Оптимизм такого рода основывается на сильных онтологических допущениях. И прежде всего на предполагаемой универсальности представителей человеческого рода. Поистине нам предлагают упражнения в вере – убедить фанатика в прелестях толерантности, женоненавистника – в благодатности женского лидерства, скупца – в неизбежности экономической солидарности и серийного маньяка – в необходимости оберегать жизни божьих коровок и пересмешников. Отчего бы и нет – когда лев возляжет с ягненокм. Вряд ли раньше.

Очертим еще раз масштаб вызова. Состязаться предстоит даже не с Коперником – со Ставрогиным. Что же такое Ставрогин, в онтологическом плане? Ставрогин – это черная дыра в светлом царстве ценностей и целей. Гори-

зонт, ничтожащий любую ценность. И пока Ставрогины – если верить Чорану, Глюксманну, Уэльбеку и прочим суперпессимистам – блаженствуют на свете (по крайней мере до окончательного и бесповоротного принятия гражданства кантона Ури).

В «Подростке», в «Преступлении и наказании», в «Братьях Карамазовых», в «Бесах» дается сводка аксиологических боевых действий, каталог целей, будораживших тогдашнюю Русь, особенно молодую да раннюю. В «Подростке» юный герой упражняется с крайне популярной сейчас идеей – стать богаче всех на свете. («Свет мой, зеркальце, скажи, я ль на свете всех круче, всех богаче и наглее?») И конечно, становится слеп и глух к окружающим людям и всему происходящему вокруг. Пока наконец не прозревает, не начинает раскаиваться и – вот подлинно нравоучительный хеппиэнд – отправляется учиться в университет. Здесь же Версиров, полупророк от Европы. Здесь же Крафт, для которого жить и спасать идею России – одно и то же. («Крафт, понимаете ли вы, Крафт застрелился!»)

В «Бесах» Ставрогин спонсирует целый парад разного рода идей и проектов. Инженер Кириллов, готовый через самоубийство доказать свое превосходство над богом. Шатов, насильно верующий в народное православие. Верховенский-младший и компания, в поисках крайностей социализма, а также упоения от личной власти и богатства.

Гуманизм. Религия. Социальная справедливость. Богатство и власть. Что угодно. И что делать, если, как говорит Свидригайлов (еще один ничтожитель), «я даже не гурман»?

Что делать, если на месте фрагмента царства ценностей и целей в сердце царствует ледяная пустота, разверзается черная дыра, с температурой в абсолютный ноль? Если предполагаемый носитель разума и свободы болен этическим дальтонизмом в крайней форме?

Тут нужна даже не хирургия – аксиопластика, неотложная ценностная реанимация. Дизайнеры по ценностям. Что может помочь? Всеобщее непротivление злу насилием? Всеобщее блоггерство? Покажи мне свой дневник, свои мыслеобразы, а я тебе – свой?

Предельная этика призвана обозначить предел критики этических доктрин. Неявная предпосылка – ценность теоретического конструирования в сфере этики. Отделить возможные плодотворные ходы от абсурда. Что же делать с любителями первобытного воя вместо языка – пока остается загадкой.

Темпы и сама возможность прогресса определяются нравственностью самого безнравственного человека. После преодоления порога предельного могущества статистика уже не поможет. Макрокосм уподобляется микрокосму – оба становятся в равной степени уязвимыми.

ОБЩЕСТВО РИСКА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЧЕСТВА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Е. В. Щекотин

Новосибирская государственная академия водного транспорта

Ряд известных отечественных и зарубежных исследователей вполне справедливо полагает, что «основным вопросом» современной философии должен стать вопрос о теоретической интерпретации глобальных проблем [1,13]. Однако, глобальные проблемы являются генерализацией на планетарном уровне такого, значительно более широкого явления, как функциональные риски. Особенность данного вида рисков состоит в том, что они имеют не «негативные», а «позитивные» источники. То есть, они появляются в результате реализации внутренних закономерностей эволюции современного общества.

С этой точки зрения, риски являются сопутствующим продуктом модернизации. Они появляются не вследствие каких-либо случайных событий (например: война, стихийные бедствия и т.п.), внешних для данной социальной системы, но выступают как неявный и неустранимый эффект общественного производства. Они как бы «вмонтированы» в систему производства и генерируются наряду с общественно полезным продуктом.

Возрастающее влияние на общество данных рисков, по мнению немецкого социолога У. Бека, приводит к смене логики общественного развития богатых западных стран. Логика, подчиненная целям производства, и распределения богатства заменяется логикой производства и распределения рисков, возникающих в процессе создания этих богатств. Риски нового типа не поддаются непосредственному чувственному восприятию человека и проявляются только в знании о них. Невидимые скрытые риски обладают двойственной природой: они одновременно реальны и ирреальны. Они объективно существуют, но до того момента, пока риски не обнародованы экспертным сообществом, они как бы отсутствуют.

Для более детального анализа понятия «риска» обратимся к такому явлению, как «латентность», или «латентная реальность». Как отмечает А.Д. Королев, «введение в философский дискурс данного понятия позволит продуктивно рассмотреть господствующие во вселенной приостановленные процессы» [2,6]. Если трактовать риск как определенного рода приостановленный процесс, то через понятие «латентность» можно раскрыть онтологический статус риска. Риски – это уже состоявшаяся действительность, неотъемлемая часть бытия вещи, но до определенного времени он сокрыт. То есть, он существует латентно.

До начала производства вещь или явление не содержит рисков, они не планируются создателем. Системное качество производимой вещи точно из-

вестно и определено в идеальной форме (проект или образ результата). Производитель знает, из чего состоит производимая им продукция, её назначение и свойства. Однако, в какой-то момент, вещь обнаруживает определенные негативные эффекты, неучтенные и незапланированные свойства. Происходит актуализация рисков, которые уже присутствовали в бытии вещи в момент её создания, но существовали на уровне «латентной реальности». Таким образом, бытие всякого нечто как качественной определенности неоднородно.

В условиях глобальных проблем и формирования «общества риска» выдвигается на первый план понятие «онтология». Онтологическое, непосредственно, бытие вещей и явлений становится центральным объектом актуальных исследований (в том числе и философских), так как только анализ непосредственного бытия позволяет выявить латентные риски. Понятие же «непосредственного бытия» в истории философии находит выражение в категории качества. Гегель отмечал, что «качественное имеет своим основным определением бытие и непосредственность», «количество же – определенность, ставшая безразличной для бытия» [3].

Становление общества, логика развития которого определяется не целями производства богатства, а производством рисков, на уровне философской рефлексии можно интерпретировать как изменение логики модернизации. Наблюдается «категориальное смещение» от количественной рациональности «классического» Модерна (и соответствующих ей онтологических конструкций) к качественной рациональности. Объективное протекание данного процесса позволяет некоторым исследователям о появлении «новой цивилизации» - «цивилизации качества» [4,5].

Обратимся к анализу парадигмальных оснований «классической» количественной рациональности. Так, О.С. Волгин выделяет два типа мировосприятия: квантитативный (количественный) и квалитативный (качественный) [5,67]. Их различие в том, что квантитативное мировосприятие формализовано и понятийно опосредованно. Вещи и явления здесь предстают как формальные единицы в составе множеств. Квалитативное мировосприятие строится на реальном, онтологическом рассмотрении предметов как совокупности их свойств и особенностей. Каждый тип мировосприятия формирует соответствующий тип рациональности.

Квантитативная рациональность, послужившая теоретическим конструктом модернизации западноевропейских капиталистических обществ, содержит ряд онтологических допущений. Здесь имеет место «геометрическая» трактовка бытия, восходящая еще к Декарту. Бытие понимается как нечто принципиально однородное, однокачественное, а потому его возможно описать математическим средствами, так как только математика позволяет рассматривать бытие как отношение между бескачественными элементами, отвлекаясь от качественной определенности.

С «геометризацией» универсума связывается идея порядка, который вносит в хаотический мир познающий разум. Порядок строг и однозначен, гон

не допускает неясности и двусмысленности. З. Бауман называет его «законодательным разумом». Конституирующей чертой общества, построенного на принципах такого разума, является уверенность.

Однако в современном обществе под воздействием обнаруживаемых повсюду рисков и угроз, господствующим настроением становится ощущение неуверенности, двойственности, неопределенности мира, то есть те чувства, которые стремился истребить Модерн. Изменение экзистенциальной ситуации влечет за собой изменение базовой онтологической схемы конструирования действительности и изменение ценностных и гносеологических ориентиров. Хаос и неопределенность не воспринимаются теперь как главные враги рациональности. Признание их онтологического статуса закладывает фундамент нового типа модернизационной рациональности.

«Новый облик знакомого мира» знаменует логическое завершение, исчерпанность «классического» Модерна. Чтобы подчинить «вышедшее из повиновения настоящее» должен вступить в свои права новый, реформированный модернистский проект (другой модерн, по выражению У. Бека), в основании которого будет качественная рациональность.

Литература:

1. Проблемы способа бытия объекта исследования как методологическая проблема. – Новосибирск: НГУ, 2002.
2. Королев А.Д. Бытие: латентность и виртуальная реальность. – М.: МГТУ, «СТАНКИН», 2004
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1998.
4. Философские и социальные аспекты качества // Б.С. Алёшин и др. – М.: Логос, 2004.
5. Волгин О.С. Оправдание прогресса. – М.: РУДН, 2004.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЭКСПАНСИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Е. В. Рыжененков

Институт философии и права СО РАН

Концепция глобализации появилась сравнительно недавно: в начале 1980-х гг. Р. Робертсон и Э. Валлерстайн независимо друг от друга впервые применили это понятие для описания ключевых тенденций современности.

Между тем, об усиливающейся взаимозависимости экономики, политики, культуры различных стран, регионов и континентов в современную эпоху упоминали еще теоретики постиндустриального общества [1, с.28.]. Однако этот пункт не был центральным в их концептуально-теоретических построениях, поскольку гораздо большее внимание постиндустриалисты уделяли

технологическому (появления и развития новых технологий), и информационному (повышения роли знания) факторам. При этом на передний план вышла необходимость включения описываемых факторов в мировой социокультурный контекст и концепция глобализации позволила сделать это оптимальным образом.

Следует отметить, что на сегодняшний день среди сторонников концепции глобализации отсутствует согласие по поводу оценки феномена глобализации, оценки его специфики и перспектив. Одной из наиболее удачных классификаций подходов к глобализации является классификация Д. Хелда и других сотрудников Лондонской школы экономики, изложенная в коллективной монографии «Глобальные трансформации: политика, экономика, культура» [2]. Британские исследователи выделяют три направления изучения глобализации: гиперглобалисты, скептики и трансформисты.

Гиперглобалисты рассматривают глобализацию как новую эру, «отличительная черта которой состоит в том, что люди повсюду во все большей степени попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом рынке» [2, с.2.]. Они склонны подходить к глобализации как к, прежде всего, экономическому феномену. Экономическая интеграция перерастает национальные рамки и объективно ведет к последовательному ослаблению «национального» государства в пользу глобальных рыночных структур.

Скептики полагают, что хотя экономическая интеграция сегодня имеет важное значение, она сводится интенсификации взаимодействия между национальными экономиками, где государственная политика по-прежнему играет ключевую роль. Кроме того, скептики указывают, что современный уровень экономических взаимосвязей не является беспрецедентным в истории, поскольку в конце XIX- нач. XX века для мировой экономики был характерен гораздо более глубокий уровень интеграции. Поэтому более корректным было бы говорить о процессах региональной интеграции с сохранением ведущей роли правительств государств, чем о тенденции «детерриторизации» экономических связей, ставящей под сомнение суверенитет национального государства.

Наконец, трансформисты считают, что современные процессы глобализации исторически беспрецедентны. Они побуждают правительства и общества адаптироваться к ситуации «в которой нет больше четкого разделения между... внутренними и внешними делами» [2, с.8.]. Вместе с тем, по мнению трансформистов, направленность процессов глобализации остается неопределенной, поскольку последние понимаются ими как «случайный по своей сути исторический процесс, полный противоречий» [2, с.8.]. Отметим, что закономерным следствием такого подхода к глобализации является предельная неопределенность в интерпретации феномена.

Различия в подходах трех упомянутых школ к оценке и интерпретации феномена глобализации особенно ярко проявляются в дискуссиях о причинной динамике, социально-экономических последствиях и историческом пути развития глобализации. Однако наибольшее разногласие среди исследовате-

лей вызывает проблема трансформация властных отношений и их субъектов в условиях глобализационных процессов. В частности, остро дискуссионным является сегодня вопрос о роли традиционных властных институтов и, прежде всего, национального государства в условиях глобализации, когда все большее значение приобретают новые, транснациональные институты. Выше уже упоминалось о позиции гиперглобалистов, которые настаивают на том, что национальные государства теряют значительную часть своего суверенитета, поскольку все более утрачивается возможность контроля трансграничных потоков информации, потоков капитала, а, в ряде случаев, и миграции населения. Защищая данный тезис, гиперглобалисты подчеркивают тот факт, что сегодня сами стандарты политической и экономической деятельности национальных государств все чаще возникают не в «естественной» ситуации их взаимодействий друг с другом на международной арене, а задаются мировыми наднациональными институтами.

В то же время, скептики отрицают сколько-нибудь существенное ослабление института национального государства, указывая на тот факт, что, именно последнее и по сей день является единственным признанным в мире источником легитимного насилия. Позиция того или иного государства представлена в наднациональных структурах соразмерно мощи и влиянию этого государства. Опираясь на эту мощь и влияние, национальное государство использует международные институты в качестве проводника своих интересов, иницируя через них антидемпинговые расследования или лоббируя введение международных санкций против другого государства. Возможность возникновения собственных интересов наднациональных структур, отличных от интересов представленных в них стран не принимается в расчет.

Трансформисты пытаются занять промежуточную позицию, соглашаясь с тем, что «современная глобализация перестраивает... власть, функции и полномочия национальных правительств», постольку, поскольку она связана с «возникновением полновластных нетерриториальных форм экономической и политической организации в глобальной сфере» [2, с.10.]. В то же время, говорить о полном исчезновении суверенитета национального государства, по мнению трансформистов было бы некорректно.

Тезис об упадке национального суверенитета, выдвигаемый гиперглобалистами, представляется весьма перспективным для исследователей специфики глобализационных процессов, поскольку последние действительно ведут к кардинальному изменению соотношения сил институциональных участников глобальной социально-экономической динамики. Новые, транснациональные субъекты, такие как международные экономические институты (ВТО, МВФ), транснациональные корпорации или неправительственные организации, оказываются в преимущественном положении в отношении вопроса о власти, чем старые, традиционные субъекты – национальные государства. Уже сам данный факт вносит существенные коррективы в привычную нам картину социальной реальности. Но, в связи с этим, отмеченный выше тезис гиперглобалистов нуждается в дополнительном обосновании.

Проблема состоит в том, что понятие «власть» в социальной теории прочно связано с обладанием возможностями к подавлению и навязыванию своей воли. В связи с этим, государство как институт, обладающий монополией на насилие, воспринимается как высшая инстанция власти. Такая узкая трактовка механизмов обретения и реализации власти действительно справедлива для эпохи Нового Времени (XVI-XIX вв.), поскольку национальные государства, всегда могли с помощью эффективного аппарата насилия навязать свою волю не только населению или отдельным классам внутри страны, но и в своей внешней политике друг другу. В индустриальную эру не существовало и, по видимому, и не могло существовать иного социального института создающего серьезную конкуренцию государству за обладание властью. Однако, следует иметь в виду, что такая ситуация отнюдь не универсальна, а сложилась исторически как результирующая противостояния государственных структур и церковной организации Римской католической церкви в феодальную эпоху. Важно учитывать тот факт, что церковь в этом конфликте не могла рассчитывать на преобладание в «материальном», силовом отношении. Тем не менее, в ее распоряжении находились иные ресурсы. Церковь имела не просто значительное влияние благодаря своему авторитету и авторитету своих иерархов, она обладала властью над умами, являясь монопольным источником моральных, а также (в меньшей степени) интеллектуальных, политических и экономических стандартов [3]. Не случайно светские правители оказывали значительную поддержку духовной оппозиции церкви в виде ересей – это позволяло выбить из рук церковной организации ее главное оружие.

В эпоху глобализации национальные государства оказываются в схожей ситуации – наднациональные структуры разрушают их монополию на власть. ТНК, мировые финансовые институты или международные неправительственные организации в противовес государственной монополии на насилие стремятся создать и легитимировать монополию на мировые социальные, экономические, политические, экологические стандарты. Кроме того, в условиях обострения экономической конкуренции между государствами наднациональные институты занимают стратегически выгодную нишу, выступая в роли универсальных арбитров, регулирующих взаимоотношения между странами, сглаживающих наиболее острые конфликты. Однако позиция арбитра тем более авторитетна и дает тем большую власть чем больше старых субъектов – национальных государств признает этот авторитет и прибегает к его посредничеству. Поэтому логика экспансии влияния новых транснациональных субъектов на глобальные процессы требует не только разработки, но и настойчивого внедрения общих унифицированных правил и рекомендаций к действиям для национальных государств.

Отмеченные выше тенденции значительного усиления новых социальных акторов – наднациональных институтов и связанное с ними стремление к коренной перестройке властных отношений на глобальном уровне представляют собой интеллектуальный вызов для ряда положений социальной теории и требуют дальнейшего исследования.

Примечания:

[1] Э. Тоффлер. Шок будущего. М., 2002.

[2] Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Практис, 2004.

[3] Обоснование разделения власти на две составляющих – «гибкую» и «жесткую» см. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Н.: ФСПИ «Тренды», 2006.

СПОСОБЫ ПОСТИЖЕНИЯ ДРУГОГО В СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ

Е. А. Салихова

Новосибирский государственный технический университет

В данной работе нами предпринимается описание особенностей постижения Другого в контексте следующих способов конструирования окружающего мира: 1) непроблематизированного, 2) проблематизированного, 3) индифферентного, 4) неамбивалентного. Основанием сравнения особенностей постижения Другого, в контексте каждого из обозначенных способов конструирования окружающего мира служат следующие критерии: 1) степень анонимности отношений познающего субъекта к Другому и 2) степень содержательной компетентности познающего субъекта относительно элементов сознания Другого.

В рамках непроблематизированного способа конструирования окружающего мира, каждый из нас наивно организует общий для всех социальный мир, будто свой собственный, таким образом, что сам оказывается в центре окружающего его социального мира, дифференцированного в соответствии с различными степенями близости и анонимности моих отношений с Другими [4; 75-76]. Без особого для того мотива у меня не возникает потребности вопрошания относительно смысла и происхождения, таким образом, установившихся моих отношений с Другими. Однако, подобное мое частное отношение к Другому, свидетельствует о пренебрежении мною действительного интерсубъективного характера повседневного мира.

Чтобы заставить меня пересмотреть свои прежние социальные верования, необходим особый мотив, такой, например, как «внезапное «странное» переживание, не подводимое под наличный запас знания или ему противоречащее» [5; 423]. Поиск внезапно утерянной определенности способствует преобразованию моего частного непроблематизированного мира, однозначно поделенного на непримиримые миры «Своих» и «Чужих», в действительно интерсубъективный мир, где сосуществуют Другие, одновременно, отличные и подобные мне люди, выступающие, по отношению ко мне, источником вопрошания о себе самом.

В основании проблематизированного способа постижения Другого лежит способность человека к амбивалентному совмещению индивидуализирующих и типизирующих конструкторов окружающего мира. Однако, в случае значительного преобладания типизирующих конструкторов над индивидуализирующими конструктами (случай моих обезличенных социальных отношений с почтовыми служащими), мы наблюдаем ситуацию чрезвычайно низкой степени проблематизации Другого, что, в определенной степени, равнозначно принятию мною Другого на веру, однако, в случае с почтовыми служащими, речь идет не просто о Другом как близком мне человеке, но о Другом как о представителе определенного социального типа.

Делая вывод о важной особенности проблематизированного способа взаимодействия с Другими, коя заключается в способности человека к амбивалентному совмещению индивидуализирующих и типизирующих конструкторов окружающего мира, мы, также обращаемся к работе Р. Штихве: «Амбивалентность, индифферентность и социология Чужого», в которой автором высказывается предположение о наличии в современном сложно дифференцируемом обществе эволюционных процессов снижения остроты противопоставления «индивидуального» и «типичного» в постижении Другого: «Индивидуализация и категоризация Другого становятся зависимыми друг от друга. Чтобы осмысленно провести тонкую категоризацию, необходимо учитывать индивидуальность. И наоборот – учесть индивидуальность возможно лишь на основе аккуратного использования доступной системы категорий» [3]. Наряду с процессами снижения остроты противопоставления «индивидуального» и «типичного», Р. Штихве, ссылаясь на работы К. Франка и Л. Лоф-ланда, также указывает на наличие в современном обществе процессов универсализации и вездесущности опытов взаимодействия с незнакомыми Другими (Чужими). Перечисленные процессы социального взаимодействия с Другими, свойственные современному сложно дифференцированному обществу, приводят к принципиальному изменению схем социального конституирования окружающего мира. По мнению Р. Штихве, нашей господствующей установкой по отношению к Другому становится индифферентность, под которой понимается сознательное игнорирование присутствия большинства окружающих меня людей [3]. Подобное мое безразличное отношение к Другому, также как и случаи моего частного и типичного отношения к Другому, представляет собой свидетельство пренебрежения мною действительного интерсубъективного характера повседневного мира.

В работе Г. Зиммеля: «Большие города и духовная жизнь», мы находим следующее объяснения, так называемому, феномену «бесчувственного равнодушия» в отношениях жителей больших городов друг к другу. Бесчувствие и равнодушие являются следствием неспособности человека реагировать на быстро сменяющиеся и, в своей противоположности, тесно стекающиеся раздражения со свойственной нервам энергией, в результате чего, мы наблюдаем, притупление восприятия в различии вещей, когда значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи, кажутся человеку ничтожны-

ми: «Они представляются человеку с притупленными чувствами однообразно тусклыми и сырыми, ничего не стоящими, недостойными никакого предпочтения перед другими» [1; 5]. В то же время Г. Зиммель обращает внимание на замкнутый и обособленный характер межличностных отношений жителей больших городов. Объясняя необходимость подобного рода отношений потребностью в реагировании на быстро проходящие мимо элементы жизни большого города [1; 6], а также потребностью в создании расстояний между людьми и, соответствующему, удалению людей друг от друга [1; 7]. За формальной стороной замкнутости духовной жизни большого города Г. Зиммель различает следующие содержательные сущности его духовной жизни. В условиях большого города индивид получает доступ к личной свободе, «в таких больших размахах, что к этому нельзя привести никакой аналогии из другой области» [1; 7]. В свою очередь, обратной стороной свободы человека является чувство одиночества и покинутости: «Здесь, как и вообще, отнюдь не необходимо, чтобы свобода человека отражалась в его духовной жизни ощущением благополучия» [1; 9]. «В самом деле, независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность. Ведь это, очевидно, только обратная сторона той же свободы, что при этом нигде не чувствуешь себя таким одиноким и покинутым, как именно среди общей давки больших городов» [1; 8-9].

Несколькими десятилетиями позже в работе: «Бегство от свободы» Э. Фромм актуализирует проблему стремления человека отказаться от бремени свободы, дабы суметь побороть сковавшее его невыносимое чувство одиночества и беспомощности. По мнению Э. Фромма, главные исторические пути бегства от свободы заключаются: 1) в подчинении вождю, что характерно для тоталитарных режимов; и 2) в вынужденной конформизации личности, что характерно для современных демократических режимов [2; 287]. По мнению Э. Фромма, отказываясь от бремени свободы, индивид перестает быть самим собой: «он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Отказавшись от собственного «я» и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности» [2; с. 327]. Возможность intersубъективного взаимодействия с Другими, в случае уничтожения индивидуальности действующих субъектов, пропадает сама собой, открывая, тем самым, возможность заселения окружающего мира подобными друг другу субъектами, последнее, превращает окружающий мир в невиданное по размерам однородное тело, внешние границы которого, с точки зрения находящихся внутри него субъектов, становятся невидимыми, неактуальными, непроблематичными.

Литература

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Логос. 2002. № 3 (34). – С. 1-11.
2. Фромм Э. Догмат о Христе. – М.: Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С. 176-414.
3. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / < <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a5.html> >
4. Шюц А. Проблема рациональности в социальном мире / Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004.
5. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004.

НЕОБХОДИМОСТЬ ФИЛОСОФИИ ПРАВА КАК НАУКИ

В. А. Поваляев

Самарский муниципальный университет Наяновой (г. Самара)

Метафизическое осмысление юридических феноменов имеет ряд преимуществ перед догматическим подходом правоведов. Во-первых, в праве можно обнаружить разумность человека (Гегель Г.В.Ф.) и, соответственно, анализировать его с позиции спекулятивного мышления посредством категорий системы. Таким образом мы преодолеваем поверхностные противоречия, обычно встречающиеся в юриспруденции. Во-вторых, философская методология позволяет ответить на вопрос о том, что такое право, а проблема критерия правомерности отходит на второй план. В данном отношении весьма актуальна позиция И.Канта, который определял право как взаимное ограничение свободы индивидов по общему для них закону свободы. Такая дефиниция разграничивает юридические и неюридические явления, демонстрируя самостоятельную природу права. Лишь исходя из имеющейся сущности последнего вероятно переходить к вопросу о правомерности. В-третьих, метафизика, имеющая дело с априорностью познания, способна выстраивать теорию, не зависящую напрямую от случайного по своей сути опыта (субъективной воли законодателя, стихийного общественного мнения). В-четвертых, философия позволяет обнаружить в системе правовых предписаний общечеловеческие ценности (свободу, равенство, справедливость), так как первые являются творением человеческого разума. Тем самым вполне возможно рассматривать юридическую сферу сквозь призму не только науки, но и более широкой аксиологической позиции. В-пятых, метафизика выполняет проясняющую функцию на категориальном и телеологическом уровнях. Например, она дает понимание понятий «сущности», «причины», «мотива», не коррелируя с частнонаучным толкованием юристов. В-шестых, философия способна

влиять на правовую политику государства, выявляя роль и значимость юридических норм на социальную действительность.

Следовательно, философская методология выполняет для юриспруденции гносеологическую, мировоззренческую, аксиологическую, категориальную и правоприменительную функции, которые чужды догматическому правоведению.

Литература:

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
2. Кант И. Основы метафизики нравов. М.: Мысль, 1970.
3. Радбрух Г. Философия права. Международные отношения, 2004.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА Р. ДВОРКИНА И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ОТ НАТУРАЛИЗМА К РЕАЛИЗМУ

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

В современной аналитической философии права американский философ, профессор права Нью-Йоркского университета Рональд Дворкин занимает особое положение, связанное с критикой традиционных философских представлений о праве и справедливости, об аксиологических основаниях либеральной модели общественного устройства. Несмотря на отсутствие целостной концепции в публикациях Р. Дворкина представлены критические аргументы против политического утилитаризма, неопозитивизма в англо-американской юриспруденции и естественно-правовых концепций («натурализма») в философии права [1]. Тем самым в его понимании либеральной доктрины преобладает идея активной роли судебной власти и «реалистская» интерпретация политико-правовой реальности [2].

К началу 60-х гг. XX века предметом дискуссий в философии права становятся основные положения правового неопозитивизма, сформулированные Г. Хартом:

1. *право* – совокупность норм, прямо или косвенно регулирующих человеческое поведение путем запретов и дозволений;

2. *юридические обязанности* перед государством возникают в случае подведения фактической ситуации под действие правовых норм, то есть любому праву соответствует обязанность, но права и обязанности не существуют вне норм;

3. *судейское усмотрение*: если фактическая ситуация не урегулирована предписаниями правовых норм, то правоприменение невозможно и судья действует по собственному усмотрению, создавая более адекватные правовые нормы в судебных прецедентах [3]. Помимо данных положений Г. Харта

проводит различия между «первичными» и «вторичными» правилами, правовым и неправовым принуждением, предлагая «правила признания» в качестве критерия действительности юридических норм [4].

Позиция Р. Дворкина направлена на опровержение указанных утверждений. Основание правовой системы составляют не нормы, а фундаментальные принципы и стратегии. Тем самым правовые стандарты поведения в обществе направлены на достижение определенных коллективных целей («стратегии»), либо выражают моральные требования равенства, справедливости, честности («принципы»). Кроме того, Р.Дворкин вводит критерии разграничения «принципов» и «норм»:

1. *Юридические последствия*: при наличии условий и сформулированных исключений норма автоматически определяет правовое решение; однако принцип не содержит условий применения и исключений, не распространяется на конкретные случаи и лишь *склоняет* должностных лиц к принятию законных решений.

2. *Значение*: при коллизии правовых норм учитывается их юридическая сила, при коллизии принципов дается *оценка* их значимости и важности.

На практике часто наблюдается смешение принципов, стратегий и норм. Например, в первой поправке к Конституции США указано, что Конгресс не должен издавать законы против свободы вероисповедания или ограничивающие свободу слова. Если это принцип, то ограничения свободы слова *могут быть* предусмотрены в правовых нормах с обоснованием коллективной цели (обеспечение безопасности, защита нравственности). Тем самым действие принципов может фактически нарушать правовые нормы и наоборот.

Вопрос о существовании юридических обязанностей вне норм рассматривается Р. Дворкиным как проблема обоснования *моральных прав* граждан по отношению к государству. В либеральной конституционной доктрине возможны две позиции: политический *скептицизм* (граждане обладают только юридическими правами, предусмотренными Конституцией) и «разделение компетенции» (признание моральных прав у граждан относится к ведению парламента, принимающего законы, а не судов). Р. Дворкин придерживается морального обоснования, отмечая, что «конституционная теория предполагает определенное решение сложных вопросов институционального устройства, а также вопросов философии политики и морали» [5]. В этом смысле граждане обладают двумя видами моральных прав: 1. право на равное обращение, то есть на равное распределение возможностей, ресурсов и обязанностей; 2. право на обращение как с равным (равная забота и уважение). И эти права имеют объективный статус, не связанный со спецификой национальных правовых систем. Однако Р. Дворкин неоднозначно оценивает идею *естественных прав*, показывая парадоксальность ситуации, когда наличие таких прав не связано с юридическим признанием и процедурой доказывания [6].

Аргументы Р. Дворкина против неопозитивистской концепции судейского усмотрения опираются на его идею фундаментальных правовых принципов. У Г. Харта правовые нормы содержат «открытую материю» и частично неопределенны, что расширяет возможности судей решать по собственному усмотрению. Тем самым судья выходит за пределы предписаний законодательства. Чем же он руководствуется?

Р. Дворкин предлагает модель «юридического Геракла» - судьи-философа, который принимает безошибочные и правильные решения. «Геракл» руководствуется правовой традицией, в которой воплощены фундаментальные ценности, а господствующая «политическая теория» позволяет ему осуществить «принципиальную интерпретацию» законов (принять единственно верное решение на основе правовых принципов). Тем самым у Р. Дворкина стирается грань между философией и политико-правовой идеологией. Если Г. Харт считает, что процесс применения правил должен быть политически нейтральным, то Р. Дворкин фактически признает идеологическую нагруженность любого правового решения. Таким образом, «конструктивная интерпретация» законов возможна лишь на основе политически легитимной правовой традиции, в данном случае «американского неоллиберализма» с активной ролью Верховного суда США в толковании Конституции и в реальной политике [7].

Примечания

1. См.: Дворкин Р. Справедливость и права // Отечественные записки. – 2003. - №2; Дворкин Р. Либерализм // Современный либерализм. – М., 1998;
2. Игнатенко О. Концепция либерального равенства Р. Дворкина // Космополис. – 2005. - №1. – С.139-146; Ветютнев Ю. О правопонимании Рональда Дворкина // Журнал российского права. – 2005. - №10.
3. См: Dworkin R. Judicial Discretion // Journal of Philosophy. – 1963. Vol.60. No.21. P.624-638; Dworkin R. Is law a system of rules? // Philosophy of Law. Edited by R. Dworkin. – Oxford, 1977. – P.38; Dworkin R. Objectivity and Truth // Philosophy and Public Affairs. – 1996. – Vol.25. – No.2. P.87-139.
4. См.: Hart H.L.A. The Concept of Law. Second edition. – Oxford, 1994; Дидикин А.Б. Категория «правило» в аналитической философии права Г. Харта // Наука. Университет.2005. Материалы VI научной конференции. – Новосибирск, 2005. – С.50-51.
5. Dworkin R. Taking Rights Seriously. – Harvard, 1977 (Рус. пер.: Дворкин Р. О правах всерьез. – М., 2004. – С.167).
6. Leiter B. The End of Empire: Dworkin and Jurisprudence in the 21st Century // Public Law and Legal Theory. Working Papers. – Sept. 2004. – No.70; Brooks Th. Between Natural law and Legal Positivism: Dworkin and Hegel on Legal Theory // University of Newcastle. Working Papers Series. – 2005. – No.12; Altman A. Legal Realism, Critical Legal Studies and Dworkin // Philosophy and Public Affairs. – 1986. – Vol.15. – No.3. – P.205-235.

7. Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // American Journal of Jurisprudence. – 2003. – Vol.48.- P.17-51.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМА МАРГИНАЛИЗАЦИИ

И. В. Зайцев

Омский государственный аграрный университет

В российском обществе за последние десять-пятнадцать лет произошли структурные изменения, которые привели к маргинализации всего населения государства. Причем, это произошло как в горизонтальном, так и вертикальном его срезе. Феномен маргинальности вызывается какой-либо ситуацией, сложившейся в мире сознания, а через него опосредуется в антропологическом и социальном пространстве. Как социальный феномен, маргинальность должна рассматриваться сквозь призму ее становления в сознании к ее сущностному содержанию. Только тогда мы максимально приближаемся к пониманию роли и задачи, которую выполняет этот феномен в сознании, человеческом и социальном пространстве.

Каждый человек зависим от исторического времени, в котором протекает его жизнь и деятельность, от общественных условий, идей, господствующих в социуме на данный момент, своей социальной принадлежности и т.д. Личность не способна полностью быть автономной от всех этих факторов человеческого существования, хотя степень зависимости для каждого отдельно взятого человека в его индивидуальном бытии может сильно варьироваться. Э. Фромм указывал, что: “у человека должна быть возможность отнестись себя к какой-то системе, которая направляла его жизнь, придавала ей смысл; в противном случае его охватывают сомнения, в конечном счете парализующие его способность действовать, а значит, лишаящие его способности жить” [2, с. 38].

Современная динамика общественного развития в России влечет за собой рост подвижности всех социальных структур, что обуславливает большую степень незафиксированности человека в какой-либо определенной социальной группе любого уровня системы. Человек становится маргинальным именно благодаря тому, что он не привязан жестко к какой-либо конкретной социальной или культурной структуре. Как носитель иного, новых социальных качеств, маргинал для любого общества составляет потенциальную опасность самим фактом своего появления и присутствия в социальной системе. Социальная система утрачивает свою структурную стабильность, происходят процессы деформации с последующей трансформацией на всех уровнях общества.

Одной из причин формирования маргинальной личности выступает утрата человеком своей идентичности (социальной, религиозной, этнической и

т.д.). Источником этого является как отчуждение человека от самого себя, так и последствия дестратификации или деструктуризации социальной жизни. Идет процесс маргинализации, образуется значительная прослойка населения, затронутая этим движением и, вне зависимости от характера его мобильности, – горизонтального или вертикального, все индивиды маргинализируются. Объективным источником маргинальности здесь выступает то различие исторического и личного времени, которое наблюдается в кризисные периоды. Общественные субъекты “выпадают” из общего хода истории социума – маргинализируются. Когда количество таких “выпавших” личностей достигает определенной критической массы, имеет смысл говорить о кризисном явлении. При этом, направленность маргинальности может быть как прогрессивным (конструктивным) для истории общества, так и регрессивным (деструктивным), вплоть до архаизации.

В меняющемся обществе (в нашем случае – в России) происходят не только деформации социальных связей, но и их трансформация и человек освобождается от своей прежней, “привычной” идентичности. Он вынужден сопоставлять, выбирать и создавать новые общности. Но это совсем не означает, что все представители прежних сообществ смогут или захотят войти в новые социальные группы. Часть маргиналов из общего числа “временных” или “вынужденных” маргиналов так и останется в процессе поиска. П. Бергер по поводу такой ситуации высказывается так: “Радикальные изменения в социальной структуре (например, перемены, вызванные промышленной революцией) могут иметь своим результатом сопутствующие изменения психологической реальности (не только психологической. - И. З.)... Теоретизирование по поводу идентичности будет тогда стремиться к опознанию тех трансформаций идентичности, которые действительно произошли, и оно само трансформируется в этом процессе”[1. с. 289]. Обладание идентичностью подразумевает под собой осознание себя и своего бытия неизменным от складывающейся общественно-исторической ситуации - процесс прошлого, настоящего и будущего переживаются как единое целое. При этом ощущение непрерывности собственного бытия в мире признается другими людьми. Человек имеет свою целостность, которая включает в себя целый ряд компонентов (экономических, этнических, культурных, религиозных и т.д.).

Человеческое общество изначально не может жить и развиваться, находясь в константном, фиксированном состоянии. Оно подвержено самым разнообразным, различным по своему характеру, свойствам, направленности и т.д., изменениям. Такие изменения не могут проходить для социального организма без последствий. Иное сообщество, как маргинальный слой, не столько утрачивает, хотя и этот процесс присутствует, непрерывный характер исторического развития, сколько видоизменяет традиционные стереотипы, преломляя их сквозь призму своего взгляда на мир и социальную реальность.

Последствия маргинализации и функции, которые она выполняет в социальной среде, не всегда обнаруживаются сразу. Но по мере нарастания мас-

штабов этого явления, его экстенсивности, они проявляются более отчетливо, но и тогда, вплоть до перехода из распавшегося целого к формообразованию оснований новой целостности, они не всегда детально прослеживаются. Это отчасти объяснимо разноликостью субъектов маргинальности, непохожестью их друг на друга. В тот момент, когда маргинализированные слои численно будут если не доминировать в социальном пространстве, то составлять весомую часть целого, количественные изменения в социальном организме переходят в качественные. В этом случае имеет смысл говорить о рождении новой целостности с принципиально иными свойствами и структурой по отношению к прошлой системе. Данный процесс уже сегодня мы наблюдаем в России.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 289.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Мн, 2000. С. 38.

ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Л. А. Болтовская

Томский государственный университет

Реформы конца 80х – начала 90х гг. привнесли множество новых терминов в российский политический дискурс, в их числе – и термин «гендер», с производимыми от него «гендерное измерение», «гендерное равенство», «гендерная асимметрия» и т.д. Одно из самых распространенных определений этого понятия предложил известный социолог современности Энтони Гидденс. По его словам, гендер означает, прежде всего, «социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и для женщин» [2, С. 507].

В связи с подобным пониманием, гендерное измерение (гендерный подход) представляется как осознание того, что явления, происходящие в обществе, по-разному влияют на мужское и женское население, вызывая неодинаковые их реакции.

Безусловно, гендерные исследования развивались в России не с нуля – в советское время существовала традиция изучения «женского вопроса», являющегося частью социалистической идеологии. Однако сегодняшние исследования, основанные на гендерном анализе таких явлений, как политический курс государства, характер властных отношений, законодательство и т.д., полностью раскрывают и оценивают последствия для обоих полов от их различного воздействия. Также поворотным в теоретических наработках со-

временной теории феминизма стал новый подход к отношениям власти, получивший законченное выражение в «капиллярной теории» Мишеля Фуко. Согласно его мнению, власть представляет собой явление не только макро-уровневого порядка, но она «носит распыленный характер и реализуется на уровне «микропрактик» повседневной жизни, с постоянно меняющимися конфигурациями отношений господства и подчинения» [Цит.по: 5, С. 31].

Таким образом, власть у М. Фуко – поле социального взаимодействия, поле отношений сил. Властные отношения не являются чем-то внешним относительно других социальных отношений – экономических, научных, внутрисемейных и пр. Они имманентно присущи всем общественным процессам.

Рассматривая, вслед за М. Фуко, зависимость макро- и микро- уровней власти, обратим внимание на такие формы реализации властных отношений, как семья и властные структуры. Поскольку именно здесь наиболее ярко выражен гендерный фактор.

Согласно данным от Госкомстата, касающихся представленности мужчин и женщин в российских структурах власти, можно говорить о гендерной асимметрии. Разница в процентных показателях на сегодняшний день колеблется между 90% и 100% (в случаях, когда женщины вообще не представлены) для высших уровней федеральной и региональной власти [3, С. 175-177]. Гендерные распределения внутри каждого отдельно взятого органа или ветви власти представляют собой «пирамиду», то есть там, где наибольшие полномочия – меньше женщин.

С чем связано подобное положение вещей? Многие исследователи объясняют это традиционным характером массовых представлений о распределении мужских и женских ролей. Однако здесь возникает еще один немаловажный вопрос: почему на уровне микровласти, то есть в семье, гендерные отношения складываются иначе?

Исходя из исследований, включающих в себя социологические опросы россиян на тему семейных отношений, можно сделать вывод о том, что эти отношения все больше тяготеют к партнерству и строятся, по большей части, на взаимных правах и обязанностях.

Отсюда очевидно, что гендерные характеристики макро- и микро- уровней власти в современной России являются разнонаправленными. Причины этого, по-видимому, кроются во власти общественных институтов, ограничивающих возможности женщин в сфере публичной политики. То есть демократического гендерного порядка, как чего-то целостного, в России нет. Это свидетельствует, по мнению Айвазовой С. Г, об отсутствии понимания, что одинаковое вовлечение мужчин и женщин в политику может снять напряжение, подрывающее консолидацию в обществе [1].

Безусловно, сложившаяся ситуация на макроуровне власти несет в себе ряд последствий. Если рассматривать личность – то это, прежде всего, психологический дискомфорт, неопределенность жизненных ориентиров (особенно у женщин). На уровне общества – конфликтность, ослабленность гра-

жданского участия. А на государственном уровне – это неустойчивость демократических институтов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пока гендерная асимметрия предопределяет структуру политической власти российского государства, и пока не пришло осознание последствий от этого дисбаланса, Россия остается страной традиционалистского типа, где еще нет места проблематике гендерного равноправия.

Литература:

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). [Электронный ресурс]: Консорциум женских НПО.- 1996-2006.- Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/aivazova.html>, свободный.
2. Гидденс Энтони. Социология.- М.- 1999.- 703с.
3. Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность.- 1999.- № 1. - С.173-183.
4. Пособие по гендерному анализу. М.: Женское бюро – отдел стратегической политики.- 1997.
5. Ушакин С. А. Политическая теория феминизма // Вопросы философии - 2000.- № 11.- С. 27-52.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ

В. В. Топчиев

Красноярский государственный университет цветных металлов и золота

В начале 90-х гг. в связи с распадом СССР прекратила существование и его идеологическая машина. Тогда же окончательно утвердились негативные представления о данном социальном явлении. Но события 90-х гг. показали невозможность полного отказа от идеологии. Стало ясно, что это грозит распадом социальных связей самого общества, и деформацией общественного сознания. В последнее время разговоры в СМИ о негативной или позитивной роли идеологии появляются все чаще, что обусловлено состоянием современного российского общества. Но единства по отношению к данному социальному феномену в этих дискуссиях достичь не удастся.

Поэтому в своей работе мы стремимся рассмотреть прежде всего функциональную сторону идеологии в связи с актуальностью данной проблематики.

В многочисленных учебных пособиях и монографических работах понятие идеологии трактуется по-разному, но смысл определений в целом однозначен./1/

Это комплекс философских, социально политических, экономических и других воззрений о мире, обществе и человеке, преобразованный в социально-политическую доктрину с целью контроля над общественным сознанием.

Данное определение явно не исчерпывает смысл понятия, что показывает неоднозначность самого социального явления.

Так как идеология проявляется в различных состояниях, которые можно свести в единую идеологическую сферу. Данная неоднозначность, в полной мере, находит свое выражение и в функциональной направленности идеологии.

Функции идеологии можно разделить на три блока:

1. Управления. С помощью идеологии осуществляется контроль над общественным сознанием в рамках властных отношений, поэтому она есть продукт деятельности некоторой политической силы, которая стремится посредством идеологии захватить и удержать власть. Поэтому двигателем идеологии являются политические отношения, в ходе которых происходит воздействие субъектов идеологии на объект идеологического воздействия - общества. Цель идеологического воздействия – стандартизация сознания людей, выработка у них универсального способа понимания социальной действительности с точки зрения интересов и задач политической группы осуществляющей контроль. Таким образом, по форме воздействия идеология является способом манипулирования общественным сознанием. Именно это и вызывает негативную реакцию общества, но без контроля над общественным сознанием невозможно построить, не только эффективную систему управления, но и сколько-нибудь действенную структуру самого общества. Поэтому если общество согласилось с тем, что политическая власть (в отличие от анархии) – это необходимое зло, то данное утверждение должно распространяться и на идеологию.

В рамках управления осуществляются и другие функции идеологии: Легитимизации; программно-целевая; футурологической модели; аксиологическая /2/.

2. Формирование мировоззрения. Именно идеология, в большей степени, формирует мировоззрение общества так как: она более проста и понятна для общества, чем наука и философия. А благодаря системе символов, лозунгов, образов и т. д. – более привлекательна. /3/ Ее основная цель – интерпретация действительности, поэтому она четко ориентирована на человека. Непосредственно завязанная на политических интересах правящих сил, идеология более напориста и агрессивна. В этом отношении она сродни рекламе по назойливости и совокупности затраченных средств. Наконец, она обладает подходящим для этого пропагандистским аппаратом.

Идеология является программой, с помощью которой мировоззренческая конструкция приобретает цельность и непротиворечивость. Так как факты окружающей действительности сами по себе нейтральны, то идеология, интерпретируя и структурируя их, вырабатывает единую концепцию, позволяющую каждому человеку ориентироваться в окружающей его действи-

тельности. Российский социолог Зиновьев А.А. по этому поводу справедливо замечает: «Идеология дает людям априорную систему интеллектуальных координат, позволяющую им, в той или иной мере, ориентироваться в социальной среде». /4/. Более того, с помощью данной конструкции общество в рамках идеологического мышления само интерпретирует факты действительности, закладывая стереотипы поведения и принципы социального взаимодействия, поэтому в рамках формирования мировоззрения реализуются и другие функции идеологии: познавательная; интегрирующая; идентифицирующая; коммуникативная.

3. Защиты. В рамках обострения политических противоречий на современном этапе развития цивилизации огромную роль приобретают информационные технологии. Во второй половине 20 в. идеологическая война является не только единственным возможным средством выделения войны, но и наиболее эффективным способом подчинения политических противников. И в этом компоненте роль идеологии огромна: так как она осуществляет контроль, над общественным сознанием, не позволяя внедриться чуждым обществу идеям; а также ставит барьер этим идеям, используя институт цензур.

В этом качестве идеология приобретает характер оружия, причем как защиты, так и нападения. Общество, не уделяющее этому должного внимания, рискует не только потерять независимость, но и перестать быть единой целостностью. Но не надо забывать, что для эффективного осуществления всех этих функций идеология должна обладать некоторыми качествами: она не должна опускаться ниже определенного «критического уровня»; и быть адекватной окружающей, прежде всего социальной, действительности, в противном случае ей грозит поражение, которое не только приведет к ликвидации той политической группы, которая находится у власти, но и к тяжелым последствиям для всего общества.

Именно поэтому в сложившейся социально-политической ситуации данный вопрос приобретает все большую актуальность в современной России.

Литература:

1. Яковлев Н.В. Идеология. М., 1979., Иванов В. Идеология: характер и закономерности развития. М., 1947, Биккенин Н.Б. Социальная идеология. М., 1983, Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М., 1985 и др.
2. Кабелькова М.Т. Курс лекций по основам политологии. Абакан 1996, Василенко М.А. Политология и др. М., 1996.
3. Мисюров Д.А. Политическая символика между идеологией и рекламой// Полюс, 199, №1. С. 168-174.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. Спб., 2004. С. 22.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Р. А. Финк

Омский государственный технический университет

Идентичность можно понимать как специфическую социальную потребность, внутренне присущую индивиду, следовательно, она должна иметь все присущие потребности характеристики. К таким характеристикам в контексте идентичности целесообразно относить обусловленность неудовлетворенностью, реализуемость в процессе удовлетворения, объективность, отличие от потребностей животных производством предметов потребления. Потребность не дана человеку в непосредственном отражении, а существует как ощущение недостатка в чем-либо.

Идентичность не сводима полностью к потребности, т.к. обладает собственной внутренней спецификой. В последней в отношении между внешним и внутренним сущностную нагрузку несет внутреннее, а внешнее лишь определяет формы допустимой реализации потребности. Определяющим для идентичности, напротив, является ее внешняя обусловленность, поскольку идентичность вырастает из внутреннего стремления индивида соотнести себя с социальной группой, обозначить свою тождественность. Однако это соотнесение не может быть абсолютно произвольным, т.к. тесно связано с готовностью группы принять индивида. Идентичность, в отличие от потребности, является не свойством, а отношением.

Потребности по своей сути лишены непосредственной мобильности и редко могут подменяться одна другой. Идентичности в большей степени произвольны и могут подменять друг друга при невозможности или невосприимчивости отнесения себя индивидом к одной из их форм. Так, в атеистическом социалистическом обществе политическая (партийная), профессиональная и другие идентичности могли подменять религиозную.

Объективность идентичности тяготеет к ее априорности, а не предзаданности, что обусловлено ее культурной, а не биологической или социальной природой. В обществе с традиционным типом культуры выбор идентичности предопределяется рождением человека в той или иной идентификационной среде. При этом реальное несоответствие человека предзаданной идентичности осуждается обществом и может привести даже к выпадению индивида из социального окружения. Поэтому переход человека из одной идентификационной группы в другую в таком обществе почти всегда связан с конфликтом. Посттрадиционная культура с ее ориентацией на самоопределение и вменение самовыражения в обязанность индивиду характеризуется обильностью идентичностей. Порой они могут меняться в зависимости от обстоятельств, что не всегда влечет за собой осуждение остальных членов общества. Указанная культурная основа идентичности требует избегать гипостазирования как сведения ее к некой

как сведения ее к некой субстанциональности или приписывания ей самостоятельного существования.

В качестве одной из форм идентичности выступает национальная идея. В русской философии национальная идея прошла в своем историко-философском осмыслении через три понятия: от «русской идеи» через «национальную идею» к «идее нации». Национальная идея может быть отрефлексирована как некий маркер социально-нормативной идентичности, т.к. именно отождествление индивидом себя с данным маркером (которой априорно задан обществом) является его национальной (само-)идентификацией. Основным механизмом создания подобного рода маркеров идентичности можно свести к процессу опредмечивания, отнесение индивидом себя к подобным маркерам – к процессу распредмечивания. Идентичность в этом случае необходимо понимать как диалектическое единство этих двух процессов, направленное на преобразование социально-политической действительности, на превращение ее богатства во внутреннее богатство личности.

Современное российское общество можно определить как находящееся в ситуации слома культуры, культурной переориентации, а значит проходящее процесс переопредмечивания, затрудняющий процесс распредмечивания. Последнее воспринимается как кризис, в том числе как кризис идентичности. Во многом указанный слом происходит как переход от традиционной культуры к культуре посттрадиционной, но в специфике советского прошлого этот слом связан с ориентацией на западные ценности, т.е. сводится к распредмечиванию чужого (чуждого) культурного наследия. Данный процесс, даже лишенный указанной специфики, не может происходить безболезненно. Для иллюстрации такого слома-перехода можно проследить изменение понятия «личность», которое в традиционной культуре несет нагрузку усвоенной социальной нормы, воплощаемой в жизнедеятельности и транслируемой последующим поколениям, а в посттрадиционной культуре отражает направленность человека на самовыражение собственной индивидуальности в рамках социальной дозволенности и несет менее ценностный и более операциональный характер.

Современную социальную обстановку России можно даже определить как негемеостазированную, поскольку ее характерной чертой является угрожающее соотношение различного рода идентичностей и аморфных состояний практически всех слоев населения. Само по себе данное соотношение даже необходимо для социального прогресса общества, т.к. аморфность (отсутствие идентичности) может быть воспринята как потенциал общества, но слишком большая доля аморфности угрожает устойчивости общества. Соотношение аморфность-идентичность указывает не на возможность или невозможность прогресса или регресса, а на их темпы. Большое количество людей, находящихся в аморфном состоянии, может превратить аморфность в особую идентичность, что грозит такому обществу переходом в разряд извечно потенциального и чревато его регрессом.

КРИТЕРИИ И СПОСОБЫ ИСЧИСЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Д. М. Рыманов

Новосибирский государственный университет

Умирая, культура превращается в цивилизацию

Освальд Шпенглер

Цивилизационный подход в последние годы все больше претендует на междисциплинарность, его использование можно заметить в разных областях знания, таких как культурология (например Н.Я. Данилевский), политология (например С. Хантингтон), экономика (С.Р. Кирдина, О.Э. Бессонова), этносоциология (В.Г. Костюк) а так же теория и философия истории (Н.С. Розов). Что в значительной мере обусловлено усилением интегративных тенденций, как в социальной реальности, так и в науке.

Приведем трактовку понятия которую считаем наиболее подходящей к тем критериям, которые предъявляются к цивилизациям, «цивилизация - это социетальная культурно-историческая система, объединяющая на суперэтническом уровне население, органически связанное с конкретной природно-пространственной средой» [1].

Попытаемся привести основания, по которым можно выделить ту или иную цивилизацию, то есть ответить на вопрос «по каким критериям необходимо вычленять цивилизации?».

Ерасов Б.С. приводит три группы факторов цивилизационного устройства: а) обуславливающие необходимый уровень развития общества через его изменение по сравнению с предшествующим периодом или с окружающей средой в сторону усложнения, выхода общества за пределы «первобытного», «изначального», «примитивного» или «варварского» состояния; б) обеспечивающие его единство и самобытность, выходящую за рамки других общностей, прежде всего как надэтническую и наднациональную формы общности; в) определяющее соотношение изменений и самобытности, т.е. способствующие изменению общества по сравнению с предшествующим состоянием и вместе с тем поддержанию преемственности в ходе изменений [2]. Розов Н.С. видит стабильность цивилизации в социальных и культурных ядрах: «в социальной сфере - это отношения, связанные с полом, браком, семьей, родом. В культурной – это традиции. Связанные с рождением, сменой возрастов, браком, смертью, а так же некоторые глубинные структуры и символы (у каждой цивилизации свои), пронизывающие меняющиеся мировоззрения и религии», характерные признаки цивилизации следующие:

- близкий язык или владение основным (одним из основных) языков цивилизации;
- характер внешнего поведения (одежда, пища, жилье);

- выполнение обычаев, связанных с рождением, смертью, полом, возрастом, семейными отношениями;

- принадлежность или лояльность к основному или родственному ему мировоззрению (система мифов, религия, идеология, система ценностей)» [3]. Орлова И.Б. отмечает, что в основе цивилизации лежат следующие системообразующие связи: 1) пространственные, простирающиеся на особенности природной среды, ландшафта; 2) временные, формирующие общность исторического бытия, широко понимаемо культуры, языка; 3) социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность за счет формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективно-го сознания общности, самоидентификации людей [1].

Не будет большим преувеличением сказать, что в работах Н.Я. Данилевского мы обнаруживаем все основные положения, отстаивавшиеся и развивавшиеся в более поздних трудах по проблеме, будь то работы О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Л. Гумилева или других. По сути, в основу последующей разработки цивилизационного подхода были положены (или независимо воспроизведены) следующие четыре основные посылки его теории: 1) связь процесса формирования и развития цивилизаций с социо-культурными, природно-климатическими и прочими особенностями; 2) несовпадение границ государств с границами цивилизаций; 3) некорректность теоретической постановки о существовании единой, общечеловеческой цивилизации; 4) относительная недолговечность цивилизаций [4].

Ответить на следующий, заключительный вопрос об исчислении цивилизаций в значительной степени помогает статья Роджера Уэскогга, где автор приводит в хронологической последовательности десять имен, основоположников и видных деятелей цивилизационного подхода, затем выявляет те цивилизации, с которыми согласно большинство.

Жозеф Артур де Габино (в 1853 г.) выделил 10 цивилизаций; Н.Я. Данилевский (в 1867 г.) – 10 или 13; О. Шпенглер (в 1918 г.) – 8 или 9; Ф. Конечный (в 1935 г.) – 7 или 15; А. Тойнби (с 1939 г. по 1961 г.) – 13 или 17; Ф. Бэгби (в 1963 г.) – 9; Р. Кулборн (1959 г.) – 14; К. Квигли (в 1961 г.) – 16; Джон П. Седжвик (в 1962 г.) – 9; Отмар Ф. Андерле (в 1963 г.) – 7. Таким образом, сводя вместе эти данные, мы получаем недифференцированное среднее от 9 до 12 цивилизаций, или усредненное среднее 11 цивилизаций из исчислений данных авторов. Названные авторы согласны с выделением таких цивилизаций как: китайская, индийская и западная. От пяти до девяти согласны с выделением - египетской (9), эллинской (9), мексиканской (8), перуанской (6), левантйской (6), русской (5), месопотамской (5) и исламской (5) [4].

В терминах типологий, используемых Данилевским, Шпенглером, Конечным, Тойнби, если не полностью, то в значительной мере, это разнообразие цивилизаций может быть объяснено с помощью структуры, которую можно было бы назвать «шкалой культурной витальности». В порядке убывающей витальности данная шкала могла бы быть представлена следующим образом.

1. Живая цивилизация (например, Западная).
2. Рождающаяся цивилизация (например, Русская).
3. Умирающая цивилизация (например, Индская).
4. Мертвая цивилизация (например, Египетская).
5. Убитая цивилизация (например, Перуанская).
6. Бесплодная цивилизация (например, Несторианская).

Пять уровней, по-видимому, способны вместить все типы цивилизаций, и преодолеть большую часть (хотя, конечно, не все) из классификационных разногласий. Если мы возьмем в качестве образца хорошо известную и высоко ценимую культуру города Флоренции, то мы обнаружим, что она относится одновременно к пяти различным уровням цивилизации, каждый из которых включает последующий:

1. Всемирная цивилизация.
2. Западная цивилизация.
3. Итальянская цивилизация.
4. Тосканская цивилизация.
5. Флорентийская цивилизация.

Предпочтительнее назвать эти уровни следующим образом:

1. Глобальный.
2. Континентальный.
3. Национальный.
4. Провинциальный.
5. Локальный [5].

Таким образом, мы пришли к тому каким образом можно избежать многих затруднений возникающих при определении той или иной цивилизации, однако конечно, этого явно не достаточно потому как цивилизации это динамичные социокультурные феномены. Кроме того, используя в качестве «сита» четыре послышки Н.Я. Данилевского (см. выше), и три группы факторов цивилизационного устройства Б.С. Ерасова (см. выше) мы без сомнения можем отвергнуть глобальный уровень цивилизаций.

Литература

1. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М.: НОРМА, 1998 г.
2. Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002 г.
3. Розов Н.С. Структура цивилизаций и тенденции мирового развития. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1992 г.
4. Валентай С.Д. развитие общества в теории социальных альтернатив. М.: Наука, 2003 г.
5. Роджер Уэскот Исчисление цивилизаций // Время мира. Альманах. Выпуск 2: структуры истории под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001 г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНА БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Гриценко

Новосибирский государственный университет

Построение модели изучаемого объекта – значительное продвижение на пути его познания. Ведь модель не просто замещает некоторый объект, но и фиксирует его существенные характеристики. При этом модель выгодно отличается от своего оригинала – она всегда беднее содержанием, что делает её более удобной для изучения интересующего нас объекта. Моделирование позволяет проводить исследования с меньшими издержками (что особенно актуально в технических науках), изучать те природные и социальные явления, процессы, которые недоступны непосредственно.

Применяемые в познании модели следует разделить на два класса: материальные (макет, устройство, образец) и идеальные (графики, программы, теории). Нас в дальнейшем будут интересовать вторые. Они представляют собой теоретические конструкции, зафиксированные в знаковой форме и функционирующие по законам логики. В.С. Степин предложил рассматривать модели как “теоретические схемы”, которые «построены из небольшого набора базисных абстрактных объектов, конструктивно независимых друг от друга, и относительно которых формулируются фундаментальные теоретические законы»¹. Эти схемы как раз и выражают интересующие исследователя существенные связи объекта.

Моделирование подразумевает приписывание свойств создаваемого теоретического конструкта объекту-оригиналу. Однако модель представляет собой нечто отличное от моделируемого. Возникает проблема редукции: в какой мере модель адекватна объекту? Наиболее чётко эта проблема артикулирована М. Вартофским, который постарался решить её в русле развиваемого им “репрезентационалистского подхода к моделям”. Американский исследователь предлагает различать два типа редукции: методологическое сведение модели к объекту, в чём и состоит метод моделирования, не обязательно сопровождается онтологическим их отождествлением.

М. Вартофский констатирует: «...все что угодно может быть моделью всего чего угодно! На самом деле это не более чем утверждение того факта, что любые две вещи во вселенной имеют некоторое общее для них свойство и что существует некоторое отношение, связывающее их между собой.»². Однако в процессе моделирования мы всегда преследуем конкретные задачи, которые объективно ограничивают круг потенциальных моделей: «любая сущность может рассматриваться как модель любой другой тогда и только тогда, когда мы можем выделить общие для них релевантные свойства, т. е. свойства, благодаря которым одна сущность похожа на другую»³. Таким образом, наша свобода выбора моделирующего ограничена релевантными

свойствами, порождаемыми моделируемым (т.е. нашими исследовательскими задачами).

В.С. Степин, М. Вартофский и мн. др. исследователи отмечают возможность и необходимость верификации моделей путём выведения из них следствий, сопоставимых с эмпирическими данными. Вторым важным критерием адекватности модели является её логическая непротиворечивость.

Моделировать можно объект любой природы: материальный предмет, явление, процесс, социальные сущности, более сложные модели и т.д. В зависимости от природы объекта используется один из двух способов конструирования моделей: «если первый идёт от эмпирически выявленных свойств и зависимостей объекта к его модели, то второй уже в исходной точке предполагает доопытное воссоздание объекта в модель, и, поскольку модель известна, то считается познанным и объект»⁴. Такое “доопытное” моделирование осуществляется в тех случаях, когда объект недоступен для непосредственного восприятия.

Феномен безопасности представляет собой именно такой случай: он не может быть воспринят эмпирически без предварительной концептуализации. Более того, неочевиден, а потому дискуссионен, его онтологический статус. В данном случае не столько некий объект-оригинал задаёт “релевантные свойства”, которые необходимо формализовать в соответствующей модели, сколько сам моделируемый конструкт определяет видение эмпирической реальности.

Конструирование общей модели безопасности поэтому движется от анализа “словоупотребления”, выстраивания абстрактных объектов и связей между ними к трансляции полученных абстракций на эмпирический материал. Первым критерием адекватности, приемлемости модели становится её внутренняя логическая непротиворечивость, универсальность, эвристичность.

Отправной точкой создания модели безопасности является обыденное представление о ней как «отсутствии опасности; сохранности, надёжности»⁵. Понимание безопасности как “сохранности” является тем необходимым инвариантом, который определяет саму возможность дискурса на эту тему. Не случайно практически все исследователи начинают концептуализировать безопасность после ссылки на естественный язык (в данном случае русский).

Второй шаг, как правило, – указание на тот факт, что в действительности не бывает безопасности вообще, безопасность всегда чья-то. Это совершенно справедливое замечание следует из семантики слова «сохранность» – она всегда «сохранность чего-то».

Получаем следующую наиболее абстрактную модель феномена безопасности: безопасность есть сохранность некоего субъекта / объекта в окружающей его среде. Безопасность, следовательно, зависит как от характеристик субъекта, так и от характеристик среды: субъект окружён опасностями и производит риски⁶.

В процессе конкретизации выделенной максимально абстрактной (и потому чрезвычайно бедной в содержательном отношении) модели, получаем

спектр трактовок феномена безопасности. Отметим лишь самые популярные: «состояние защищённости интересов», «условия деятельности, контролируемые субъектом», «стабильность сложных самоорганизующихся систем». Вариативность общей модели феномена безопасности связана с тем, что исследователи дают различные ответы на два ключевых вопроса:

- 1) что собой представляет среда?
- 2) как устроен субъект? Соответственно, относительно чего идентифицировать опасности и риски?

Анализ существующих моделей феномена безопасности выходит за рамки задач данной работы.

Обращает на себя внимание факт смещения многими исследователями двух различных направлений изучения безопасности: безопасности как феномена и обеспечения безопасности. Как правило, методологическая и онтологическая проблематика подменяется анализом подходов к обеспечению безопасности, т.е. стремлением определить наиболее эффективные методы и средства решения практических задач. Представляется, что теоретическая проработка данных вопросов способна существенно повысить эффективность практической деятельности.

Примечания:

1. В.С.Степин, В.Г.Горохов, М.А.Розов. Философия науки и техники / <http://www.philosophy.ru/library/fnt/00.html>.
2. М. Вартофский. Модели: репрезентация и научное понимание. – Москва: «Прогресс», 1988 // URL: <http://philos.omsk.edu/libery/zapfilos/vartofsk.rar>.
3. Там же.
4. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – с. 435.
5. Даль В. Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.slovarik.ru/slovari/dal/?slovo=1357>.
6. См, напр.: Диев В.С. Концептуальные основания анализа риска // Вестник НГУ. Серия: Философия / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. Т. 3. Вып. 1. – с 40.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

С. С. Тотышева

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

Сегодня уже не подлежит сомнению, что нельзя изучать культуру народа, не принимая во внимание его язык, который не только отражает, но и создает реальность, в которой живет человек, также как нельзя не осознавать, что многие явления в языке объясняются культурными факторами.

Как именно взаимодействуют культура и язык? Вероятно, с помощью некоего промежуточного образования – «Такой промежуточный элемент ... имеется – это идеальное, входящее в язык в виде значения языковых знаков и существующее в культуре в форме предметов культуры» [Тарасов 1994: 107].

Если в языковой единице есть культурная информация, то должна быть категория, соотносящая две семиотические системы и позволяющая описать их взаимодействие. По мнению В.Н. Телия, к которому мы присоединяемся, это культурная коннотация. Культурная коннотация возникает как результат интерпретации денотативного или образно мотивированного аспектов значения в категориях культуры, а к категориям культуры В.Н. Телия относит, прежде всего, единицы фразеологического состава языка, характерной чертой которых является образно ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа – носителя языка [Телия 1982:13].

В данной статье рассматривается материал, на котором можно изучать фразеологизмы как единицы, обращенные на субъекта, возникшие не только для описания окружающего мира, но и для интерпретации его. Подобную работу можно проделать только на достаточно большом материале, следовательно, требуется несколько источников культурно-значимой интерпретации фразеологизмов. Эти источники, воспроизводимые из поколения в поколение, выступают как своеобразные шаблоны культурно-национального миропонимания. Осознание смысла этих шаблонов на уровне их архетипического или прототипического представления служит информационным фоном, на котором воспринимается культурное содержание фразеологизмов.

Можно выделить следующие источники культурной интерпретации фразеологизмов, но стоит также отметить, что единицы этих источников могут

принадлежать нескольким одновременно, а внутри них можно выделить под-
типы. Порядок представления является произвольным:

- Паремия – паремиологический фонд – «краткие народные изречения, которые имеют структуру замкнутых предложений различных типов» [Солодуб 1994:55]. Именно пословицы и поговорки являются отображением народного самосознания (*ekeokso ecgzfza| gfcxskso gfnfzfa* – букв. “имеющий стариков не пропадет, имеющий руководителей не увязнет”), народной мудрости (*rbcnt nfggffy ybvtiw rbhlytlt nfggfccsa* – букв. “не найдешь вещь смолodu – не найдешь её и в старости”), традиций и обычаев (*nfc fnfy xbhlx xflfh| [sc ghofy xbhlx hehnbh* – букв. “камень лежит там, куда бросили, девушка живет там, куда [замуж] выйдет”). Но не все пословицы и поговорки изучаются в лингвокультурологии. Например, пословицы–заимствования или пословицы, представленные во многих языках (библейские изречения), не могут относиться к объёму фразеологии в лингвокультурологии (поговорка *fhsu xmhtrnwu* – букв. “с чистым сердцем” – встречается также в русском языке и восходит к евангельским текстам [Шанский 1995:49-53]).

В лингвокультурологии должны изучаться, очевидно, пословицы и поговорки, неразрывно связанные с историей народа, его бытом, моралью. Так, например, в основе хакасской пословицы *gwh xsklf wrw jn jlsyfhof xfhf,fc* (букв. “в один год нельзя зажигать два огня”) лежит традиция делать в один год только одну свадьбу.

- Лексические единицы, восходящие к ритуальным формам народной культуры, таким, как помолвка, свадьба, поминки и др. Очень часто исконный смысл образа скрыт от обычных носителей языка. Выражение *nek baywy rdlwhthut*, букв. “поднять плечи”, является названием традиции приглашать к себе в гости вдову или вдовца после сороковых дней поминок для выражения сочувствия и поддержки моральной, а иногда и материальной [Бутанаев 1999:34].

- Сравнения или образы–эталоны – единицы языка, являющиеся результатом национально-типического соизмерения явлений мира, отражающие национальное мировидение. У каждого народа, кроме эталонов, общих с другими народами, существует свое представление о соизмеримости человека и растений, животных, предметов и др. Эти сравнения дают нам понятия об образцах: образец глупости и несознательности у хакасов – собака и волк (*ffqzf fosksa xjosk| wxnt bpwa xjosk* – букв. “ума нет даже столько, сколько у собаки, сознания нет столько, сколько у волка”).

- Мощным культуруноносным пластом являются языковые единицы, вышедшие из религии и религиозных обрядов. Традиционной религией хакасов считается шаманизм – особая форма религии, состоящая в выделении в обществе определенных лиц – шаманов, которым приписывается способность путем искусственного привидения себя в экстатическое состояние вступать в непосредственное общение с духами [Токарев 1990:271].

Фразеологические единицы, связанные с религией, можно условно разделить на две группы – фразеологизмы, в состав которых входят имена духов,

богинь, богов и др. и фразеологизмы, связанные непосредственно с шаманами и шаманскими ритуалами. Например, в состав многих фразеологизмов, отражающих самочувствие детей, входит имя богини *Evfq* (*Svfq| Yevfq| Jvfq*): *gfkf svfqsyfa rmkwywxcst* – ребёнок улыбается во сне (букв. “ребенок смеется вместе с Ымай”), что позволяет сделать предположение, подтверждаемое этнографами и историками, о том, что богиня Умай – покровительница детей и деторождения [Бутанаев 1999:230]. Другая группа имеет отношение к шаманам: *rmk nbgtctza* – шаман (букв. “топчущий золу”). Наличие таких фразеологических единиц в языке говорит об особом отношении людей к шаманам, которые, с одной стороны, являются такими же членами общины, а с другой – занимают особое, не всегда объяснимое положение, что и приводит к появлению в языке устойчивых словосочетаний, которые ассоциируются или объясняют явления действительности: *[fv gsoshsps xfhs k gfhls* – изменилась погода (букв. “шаманская душа раскололась”, т. к. шаманские духи-тёси устраивают буран и дождь).

С первой четверти XVIII в. на жизнь, культуру, язык хакасского народа начинает оказывать влияние православие. С этого времени и до сегодняшнего дня православное христианское миропонимание отражается в языке. Например, в языке появляются новые фразеологизмы: *rhdcrt nmptthut* – получить боевое крещение (букв. “крест упал”), выражения переводящие на хакасский язык названия (и одновременно интерпретирующие смысл) православных праздников: *[spsk ysvsh|f* – Пасха (букв. “красное яйцо”).

- Реалии – предметы и явления, характерные для одной культуры и не имеющие точных эквивалентов в других культурах, отмечаются исторической и национальной маркированностью. Для того, чтобы понять смысл хакасской пословицы *[sc – [shs| nm,ty| j|k – j|nsc nm,ty* (букв. “девушек – сорок туменов, парней – тридцать туменов” – о многодетной семье или о большом количестве молодежи на свадьбе) надо знать, что *nm,ty* (тумен) – это область во времена монгольской империи, которая должна была выставить десять тысяч воинов, позже этот термин стал использоваться для обозначения количества – десять тысяч.

К этой же группе мы относим народные, устаревшие названия природных явлений, астрологизмы. Например, у хакасов есть названия месяцев, которые сейчас уже не употребляются и относятся к устаревшим: *fk gbc fqs* – букв. “месяц цветущего кандыка”, т. е. июнь, *fc fqs* – “месяц зерновых, т. е. август”. Но если названия месяцев в современном хакасском языке совпадают с названиями в русском, то космонимы сохранили свои исконные названия: Полярная звезда имеет несколько вариантов названия, объединённых одним образом, и все они до сих пор употребляются – *[fy nbuwhywy rwyw* – букв. “центр небосвода”, *xbh rwywyw xbc j,ff* – букв. “медный столб, находящийся в центре земли”.

К данной группе относятся также языковые единицы, которые по определению Н.И. Толстого являются полуфразеологизмами – «... особо устойчи-

вый и клишированный вид текста, выражающий пожелания, проклятия, ритуальные констатации и императивные побуждения» [Толстой 1995:25].

- Безэквивалентная лексика – лексические единицы, не имеющие эквивалентов в других языках, при их переводе возможны информационные потери и нарушения узуса переводящего языка. Особый интерес представляет безэквивалентная лексика, входящая в состав фразеологизмов. Например, буквальный перевод хакасского выражения *cshngf cmhvtcwu* (так говорят об очень молодой девушке) выглядит следующим образом – “с множеством коротких мелко заплетенных косичек, являющихся украшением незамужних девушек” (*cmhvtc*).

- Явные фразеологизмы, которые нельзя однозначно отнести к источникам культурно-национальной интерпретации, т.к. сами фразеологизмы не являются знаками культуры как таковыми, но способны, если они воплощают в своем образном содержании культурно значимые черты мировидения, выполнять роль культурных знаков при условии их интерпретации в том или ином коде культуры. Среди фразеологизмов выделяют фразеологические сращения (*nec[f gfhS,spfhof* – “уйти за солью”, т. е. умереть), фразеологические единства (*[fhf gfpv [fpfhofyzf* – “пока черная голова побелеет”), фразеологические сочетания (*xehn nelfhof* – “жилище держать”), фразеологические выражения (*gfcnfos [jys* – [*elfq [jc[fy*] *wrwyzw* – *bhttkwu [jys*] *mpwyzwpw* – *mpmn [jybb* – “первая [супружеская] жизнь – богом срединённая, вторая – мучительная жизнь, третья – данная дьяволом”). Фразеологизмы имеют двойную соотнесённость с культурой: буквальное понимание их внешней формы соотносит образ с мировидением данной лингвокультурной общности, в котором отразилось какое-либо событие, явление или свойство, затем этот образ осознается и интерпретируется в соответствии с культурной компетенцией носителей языка.

Заметим в заключение, что знание всех вышеперечисленных единиц языка входит в культурную компетенцию народа, а значит, может рассматриваться как принадлежащее миру духовной и материальной культуры.

Литература:

1. Боргоякова Т.Г. Краткий хакасско – русский фразеологический словарь. Изд. 2-е, стереотипное. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2000. – 144с.
2. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Учебное пособие для преподавателей гуманитарных вузов тюркоязычных республик России. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 240с.
3. Солодуб Ю.П. К проблеме разграничения пословиц и поговорок в языках разных типов // Филологические науки. – 1994. - № 3. – С. 55 – 71.
4. Тарасов Е.Р. Язык и культура: Методологические проблемы// Язык – Культура – Этнос. – М., 1994 - С. 107 – 112.

5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1982. – 268 с.
7. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 512 с
9. Шанский Н. М. Евангельский текст и фразеология русского языка. // Русский язык в школе. – 1995. - № 3. – С. 49 – 53.

НЕКОТОРЫЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

М. Ю. Немцев

Институт философии и права СО РАН

1. «Герменевтику» обычно понимают как учение о понимании. В XX в. благодаря немецкой феноменологической традиции философская герменевтика стала претендовать на универсальное метафизическое значение. Однако можно заметить, что, хотя любое чтение текста предполагает его понимание, далеко не во всех таких случаях требуется применение герменевтических схем и принципов.

При любом прочтении текста происходит понимание этого текста, иначе текст вообще не мог бы быть прочитан. Однако обычное, рутинное понимание знаков и текстов не является предметом собственно герменевтической теории, поскольку оно не требует специальной рациональной организации этого процесса. Такое «первичное» понимание, обусловлено несколькими условиями, воспроизводящихся в любой элементарной герменевтической ситуации, примером которой обычно является чтение и понимание текста, общностью языка и правил его употребления. Так, чтение любого текста опирается на предпосылку о том, что этот текст может быть осмыслен и понят, т.е. является именно текстом, объективацией сознания автора. Это «принцип доверия» в философии языка Д. Дэвидсона [1], или «предвосхищение» у Г. Г. Гадамера. Кроме этого, «первичное» понимание текста возможно обусловлено такими культурными факторами, как способность обращаться с текстом, анализировать его языковые выражения. Например, В. Г. Кузнецов выявляет «логико-семантический минимум понимания», который состоит из (1) способности отличать грамматически правильные предложения от неправильных, и (2) умения выявлять смысл логических констант, позволяющее выявлять структуру текста, представлять его как организован-

ную целостность [2]. «Первичное» понимание, позволяющее только прочесть текст, т.е. восстановить его содержание, провести его первичную интерпретацию текста, без учёта её корректности, полноты и соответствия действительному содержанию текста [3], целесообразно отличать от собственно герменевтического «предпонимания». Концепция «предпонимания», позволяющего прочитать сложный текст культуры так, чтобы он позволил освоить скрытое содержание, «истину» этой культуры, разработана Гадамером на основе онтологизации «понимания» Хайдеггером. Хотя такое, уже собственно герменевтическое «предпонимание» выражается способностью употребления языка, оно имеет не языковую природу.

2. Обращение к рациональной герменевтике и герменевтической технике обусловлено тем, что субъекту понимания не достаточно «первичного» понимания. Шлейермахер пришёл к проекту универсальной герменевтики, заметив, что «небрежная практика... полагает, что понимание придёт само собой, и формулирует цель отрицательно: должно избегать непонимания.... Это воззрение основано на идентичности языка и слога говорящего и слушающего. Строгая практика исходит из того, что непонимание возникает само собой, и понимания надо желать в каждой искомой точке» [4]. Г. Гадамер указывает, что Шлейермахер смог превзойти представление о герменевтике как сумме технических наблюдений над процессом чтения текста именно потому, что впервые стал рассматривать её как искусство избежания очевидного, но неправильного понимания, «недоразумения» [5]. Основным принципом герменевтики является необходимость специальной организации процесса понимания текста согласно основным принципам понимания. Можно выявить несколько таких принципов.

1) Герменевтическое представление о содержании текста основано на схеме *«двойного смысла»*. П. Рикер говорит о «двойственном смысле как герменевтической проблеме», называя её схемой символа, и специально анализирует герменевтическую технику психоанализа [6]. Символ отличается от «знака» тем, что кроме «верхнего», прямого смысла, он содержит еще внутреннее значение, которое требуется специально реконструировать в процессе интерпретации. Это «внутреннее содержание» сравнительно автономно по отношению к историко-культурному контексту данного текста, которому отвечает его «верхнее» содержание. Исходя из положения о целостности традиции, герменевты склонны видеть во «внутреннем содержании» фундаментальные установки сознания, формирующие данной традицию. Текст, читаемый согласно схеме двойного смысла, несёт скрытую «истину» данной традиции [7], и именно она является тем, что должно быть прочитано – или «вычитано» в тексте, т.е. целью герменевтической работы. При этом «первичное» понимание, обусловившее возможность первичного прочтения текста, должно быть преодолено. Оно позволяет создать образ текста в сознании читающего его субъекта. Однако далее, согласно схеме двойного смысла, он оказывается предметом критического и деконструктивного отношения. Соб-

ственно анализируемым «символом» оказывается именно образ текста, созданный «первичным» пониманием.

Такое критическое отношение обусловлено прагматической необходимостью. Прочитанный текст должен быть применен, результаты его прочтения и понимания должны воздействовать на внетекстовую практику читателя-герменевта. Это может быть повседневность его жизненного мира, или какая-то особая сложная деятельность, которую этот текст должен направить и организовать [8]. В любом случае, первичного понимания текста оказывается недостаточно для его *применения* – содержание текста должно быть применено эффективно. Это прагматическое требование заставляет герменевта стремиться к максимально полному и *насыщенному* прочтению текста. Он преодолевает «первичное» понимание текста, поскольку оно основано на языковой способности, а внеязыковая практика начинает корректировать первичные понимания значений высказываний [9]. То, что сохраняется после критической деконструкции двойного смысла текста, правомерно называть «герменевтической истиной» данного текста. В этом состоит герменевтический «*принцип применения*».

Литература

1. Feldman R. Principle of Charity // Routledge Encyclopedia of Philosophy. CD-Rom edition. Version 1.0; Ладов В. А. Принцип доверия в философии языка Д. Дэвидсона // Летняя Философская Школа «Голубое Озеро -2005». Наука в Сибири: традиции, новации, перспективы. Материалы. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 65 – 69.
2. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: МГУ, 1991. С. 121.
3. Соловьев О. Понимание и культура. Новосибирск: НГУЭУ, 2005.
4. Шлейермахер. Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. П. Вольского. СПб.: Европейский дом, 2004. с. 62-63.
5. Гадамер Х.- Г. Истина и метод. М.:Прогресс, 1988. С. 232-233.
6. Рикёр П. Конфликт Интерпретаций. М.: Медиум. 1995.
7. Куркина Л. Я. Герменевтика, эстетика, язык // Философская и социологическая мысль. 1990, №2. С. 91 – 102.
8. Императивные тексты и «диалогический метод» философской герменевтики // Летняя Философская Школа «Голубое Озеро-2005». Материалы. Новосибирск: Изд. НГУ, 2005. С. 72- 76.
9. Соловьев О. Ук. соч.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ: СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ И УМЕНИЕ МЫСЛИТЬ

В. В. Петров

Новосибирский государственный университет

Современная система довузовского образования ориентирована на то, чтобы научить человека учиться, т.е. уметь добывать, систематизировать и обобщать информацию, абстрактно и логически мыслить и, в конечном итоге, делать какие-либо выводы.

Для достижения данной цели созданы разнообразные методики обучения, разработаны специальные технологии образования, в том числе и инновационные с применением компьютерной техники.

Но реальный поток информации, в котором находится современный учащийся, огромен – помимо учебников и разнообразных справочных пособий этому способствуют и телевидение, и радио, и глобальная сеть Интернет, а также всевозможные печатные издания, электронные справочники и многое другое. Поскольку практически любая справочная информация стала легко доступной, то умение думать, размышлять и делать какие-либо выводы зачастую отходит на второй план, уступая место энциклопедическим знаниям. Сами по себе энциклопедические знания (в любом объеме), безусловно, необходимы. Но в современной школе иногда происходит подмена понятий – значительное внимание уделяется именно тому, чтобы учащийся просто знал, *где* найти ответ на тот или иной вопрос, а не *как* получить данный ответ путем логических рассуждений, отталкиваясь от базисных знаний. Таким образом, одна из основных целей обучения – умение думать и логически рассуждать – не всегда достигается.

Учащиеся Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета ориентированы, как правило, на дальнейшее на обучение в университете и последующую научно-исследовательскую деятельность. В связи с этим для них особенно важно уметь «... понимать, видеть и пользоваться минимумом фундаментальных знаний для получения новых и порой неочевидных результатов» [1].

Когда у человека появляется необходимость что-либо узнать или выяснить, то существуют два способа: а) вооружиться справочниками и энциклопедическими словарями, б) прийти к этому самостоятельно, используя знания из «смежных» наук [4].

Многоуровневый подход, который используется автором при работе с учащимися, позволяет соединять воедино разрозненные энциклопедические знания, и, отталкиваясь от базисных понятий, логически размышлять и делать самостоятельные выводы [3]. Данный подход подразумевает три уровня подачи информации, отличающихся не только объемом, но, главным образом, глубиной и сложностью изучаемого материала.

Первый, общегуманитарный уровень, содержит лишь те сведения, которые необходимы в повседневной жизни любому образованному человеку. На

этом уровне ознакомление с предметом, свойствами и общими принципами происходит на конкретных примерах.

Второй уровень – технологический. На данном уровне учащийся приглашается для обсуждения пройденного материала с попыткой раздумий и последующей привычкой использовать полученные знания в практической деятельности. Этот уровень должен обеспечить умения и навыки, которые позволяют успешно продолжить обучение в высших учебных заведениях.

На специализированном третьем уровне производится углубленное изучение предмета, рассматриваются конкретные ситуации, которые побуждают учащихся производить сложные логические рассуждения. На этом уровне происходит систематическое возвращение к основным понятиям, которое позволяет постепенно переходить от наблюдений к формулировкам и доказательствам.

Многоуровневый подход к обучению позволяет создать такие условия для учащегося, что он начинает *думать*, а не *вспоминать*.

Достигается это следующим образом. Для того, чтобы человек начал *думать* и *рассуждать*, необходимо поставить его в нестандартную ситуацию, чтобы появилась потребность размышлять.

Рассмотрим это на простом примере.

В рамках курса «Наука о Земле» изучается геохронологическая шкала и геологическое время, которое измеряется миллионами и миллиардами лет. Проводится аналогия, что если принять 4,5 млрд. лет существования Земли за 1 год, то возникновение жизни придется на конец мая, появление позвоночных – на середину ноября, их выход на сушу – на конец ноября, господство рептилий – на середину декабря, распространение млекопитающих – на 26 декабря, а появление человека – на 31 декабря 23 часа 54 минуты [2]. Эта аналогия запоминается гораздо лучше, чем общая геохронологическая шкала и позволяет приходить к достаточно точным абсолютным значениям путем несложных вычислений и рассуждений. Например, к ответу на вопрос о времени появления динозавров можно прийти следующим образом: зная общий возраст Земли и помня, что в приведенной аналогии господство рептилий приходится на середину декабря, рассчитывается, сколько геологических лет приходится на один день в сравнительной шкале. Конечно, это значение будет не точным, а приблизительным, но порядок величины будет верным. Обращаться к справочному материалу потребуется только в том случае, если необходимо выяснить абсолютно точное значение данной величины.

Описываемый многоуровневый подход к обучению с успехом применяется автором с 1999 года при преподавании курса «Землеведение» и специального курса «Наука о Земле» в Специализированном учебно-научном центре Новосибирского государственного университета[5].

1. Биченков Е.И. Принципы обучения физике в новосибирской физико-математической школе //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Педагогика». Том 1, выпуск 1. Новосибирск: НГУ, 2000.
2. Никитин А.А., Силантьев И.В., Гончаров С.С., Диканский Н.С., Мазуров В.Д., Биченков Е.И., Дымшиц Г.М., Копытов В.М., Яворский Н.И., Марковичев А.С., Барам С.Г., Миндолин В.А., Михеев Ю.В., Суменкова М.А. // Специализированное обучение. Новосибирск: НГУ, 2003.
3. Никитин А.А., Силантьев И.В., Гончаров С.С., Диканский Н.С., Мазуров В.Д., Биченков Е.И., Дымшиц Г.М., Копытов В.М., Яворский Н.И., Марковичев А.С., Москвитин А.А., Барам С.Г., Миндолин В.А., Саблина О.В., Михеев Ю.В., Суменкова М.А., Петров В.В. // Специализированное обучение: опыт 40 лет деятельности. Новосибирск: НГУ, 2004.
4. Петров В.В. Специфика многоуровневого подхода в системе общего образования // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск: НГУ, 2005.
5. Петров В.В. Новые подходы к разработке междисциплинарных общеобразовательных курсов //Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сборник научных статей. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ В РОССИИ XIX ВЕКА

А. В. Кирилова

Новосибирский государственный педагогический университет

Культурологическая характеристика художественной среды в России XIX века, важной частью которой являлись художественные кружки, представляется достаточно актуальной. Литература по конкретным объединениям имеет большое значение, так как заключает в себе информацию о том, кто входил в группу, чем занимались её участники, какие темы обсуждали в процессе работы. Но важно посмотреть на художественные кружки как на особый тип творческого единения и органичную часть русской культуры. В условиях построения гражданского общества важно их значение в формировании ценностных ориентаций в обществе. Следует отметить, что культура отбирает в массе сообщений то, что, с её точки зрения, является текстами, то есть подлежит включению в коллективную память. В рамках данного типа объединения создавалось множество культурных текстов, которые сегодня привлекают внимание как исследователей, так и обывателей, что позволяет рассматривать русский художественный кружок как культурный феномен.

Существует несколько аспектов, которые позволяют глубже раскрыть специфику этого понятия. В рассматриваемом нами типе кружка не было официальной организации, устава, фиксированного количества участников. Значимой, в первую очередь, становилась общность интересов, единая идея, а не только принадлежность участников к конкретной сфере искусства. Художественный кружок представляет собой полифункциональную форму культурно-художественной жизни в России XIX века. В нём органично соединились серьёзные, глубокие интересы с развлечением, публичная деятельность с интимным бытом, личное с общественным. Художественный кружок можно назвать творческим альянсом единомышленников, которые реализуют свои установки, интересы в общении в рамках кружка, организуемых выставках и других творческих делах.

Важным аспектом культурологической характеристики является понимание, что художественная среда тесно связана с окружающим миром, события которого влияют на искания её представителей. Объяснение специфики творчества того или иного художника нередко следует искать в духе общества, в особенностях культурной среды, рассматривать с точки зрения опыта переживания структурных изменений в жизни общества и участия автора в бытии как события [1]. Воздействующая среда является смысловым контекстом мыслящей, творящей личности. Подобной средой в XIX веке для многих художников, скульпторов, композиторов, философов являлись русские художественные кружки.

Для понимания мироощущения людей в России в тот период, для выявления проблем, обсуждаемых в то время в публицистике, осмысливаемых философами, живописцами, литераторами, необходимо, прежде всего, обратить внимание на значимые изменения в жизни страны в различных областях. В XIX веке в России, как и во всём мире, происходили важные изменения в области промышленности, науки, транспорта, связи, вооружений, международных отношений, художественной культуры. Преобразования во многих сферах жизни не могли не повлиять на мироощущение людей. Философы, литераторы, живописцы пытались по-своему осмыслить новое положение человека. Хотя наследие участников русских художественных кружков глубоко индивидуально, они не стояли в стороне от вопросов, которые обсуждал весь мир в связи с изменением условий жизни людей и переориентацией ценностей.

Культурологическая интерпретация подразумевает знание специфики культурной среды. Многие творческие искания, собственные как отдельным деятелям культуры, так и целым течениям, объединениям, были отражением общей духовной атмосферы в обществе. Исследователи общественно-культурной жизни России рубежа XIX-XX вв. отмечают, что для этого периода была характерна психологическая напряжённость, ожидание «последних сроков и времён» [2, С.43]. Понимание «рубежности», «переходности» времени, переживаемого Россией, было распространено и у политиков, и у философов, и в художественной среде. Что касается последней, то в ней в

конце XIX века отразились многие, подчас противоречивые тенденции: идейная острота, стремление к разрушению старых истин и в то же время огромный интерес к национальному культурному прошлому, народной культуре.

Важной чертой художественной жизни этого времени была публичность искусства и идея синтеза. Представители разных видов искусства стремились к поискам новых форм творчества, видя их в соединении живописи, музыки, поэзии, театра. Появление таких художественных кружков, как Абрамцевский, в том числе, было выражением этих стремлений. Для культурологической характеристики важен момент обращения художников к разгадыванию тайн существования человека, определению своего отношения к вечным истинам, к сверхчувственным явлениям.

Форма художественного кружка была вполне адекватна культуре эпохи и во многом обусловлена мироощущением и ценностями людей. Они являлись центрами духовной, интеллектуальной, художественной жизни России XIX века. Там собиралась, осмысливалась и порождалась новая культурная информация. Кружок представлял собой особое пространство мировоззренческого диалога. Пребывание в этом мире для художника – это возможность многообразного художественного самовыражения. Основой общения совершенно разных на первый взгляд личностей являлось поклонение красоте и творчеству. Особая духовная среда создавала настроение, а материальная поддержка меценатов – возможности. Это во многом и определяло специфику творческого единения участников русских художественных кружков, рассмотрение которых с культурологической позиции не менее важно, чем с искусствоведческой, поскольку они являлись яркой частью русской духовной культуры.

Литература:

1. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1979.
2. *Стебляк В.В.* Провидческий дар русской художественной культуры конца XIX - начала XX вв. (Д.С.Мережковский, М.А. Врубель). - Омск, 1998.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ НИГИЛИЗМА

Л. И. Мосиенко

Омский государственный технический университет

Реалии социокультурного бытия России в последние два десятилетия, свидетельствуют, что мы живем в «эпоху нигилизма»: эпоху обесценивания культурной традиции и дискредитации идеологических устоев общества при недостаточно ясных очертаниях новых общественных целей и ценностей.

В понимании нигилизма наиболее распространен аксиологический подход, рассматривающий нигилизм как «переоценку ценностей» (Ф. Ницше). Однако не менее продуктивным является деятельный подход, предложенный А. И. Пигалевым (См. Пигалев А. И. Нигилизм и проблема кризиса культуры в современной западной философии: Автореферат дис. ... д-ра филос. наук – М., 1992.) Нигилизм – не только духовное явление, не только вид негативного умонастроения, связанного с отрицанием ценностей или их переоценкой, но так же и явление социальное: свойство социального действия. Если рассматривать социальное действие как «форму или способ разрешения социальных проблем и противоречий, в основе которых лежит столкновение интересов и потребностей основных социальных сил данного общества» (Здравомыслов А. Г. Социальное действие // Философский энциклопедический словарь – М., 1989. – С. 610), то понимание нигилизма как свойства социального действия, позволяет выйти за рамки рассмотрения нигилизма как субъективного, чисто духовного или психологического явления и рассмотреть нигилизм как объективный фактор социального развития.

Конечной целью нигилистического действия, то есть смыслом нигилизма как социокультурного явления, является приобщение к глубинным (даже архаическим) пластам человеческого духа и человеческой культуры для того, чтобы современная культура, отбросив старые, выхолащенные формы, получила новый жизненный импульс для своего развития.

В нигилизме заключена возможность инновации в виде обращения к архаике. Именно потому, что нигилистическое отрицание всегда распространяется на историческую традицию, заключенную в нормах и ценностях, оно актуализирует другую – более древнюю – историческую традицию. Можно согласиться с К. Ясперсом в его понимании смысла явления нигилизма: он – в усвоении «исторического предания» (См. К. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории – М.: республика, 1994). Исходя из такого понимания нигилизма, можно сделать вывод о том, что – в засисимости от исторической ситуации – нигилизм может играть не только деструктивную, но и конструктивную роль в развитии культуры и общества.

В частности, нигилистический индивидуализм в ходе культурно-исторического развития может явиться фактором формирования личностного начала в культуре: отрицанием отчужденных форм культуры индивидуализм создает объективную возможность для выявления в индивидууме полноты человеческих качеств.

Нигилистическое отрицание направлено прежде всего не на отрицание той или иной формы общественного сознания, а на ее исторически конкретную отчужденную форму. Таким образом, нигилистическое умонастроение, хотя и не отдает себе отчета в неправомерности отождествления формы общественного сознания с ее отчужденной разновидностью, объективно может играть конструктивную роль и

способствовать появлению новых направлений в религии, искусстве, философии и проч.

ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИИ «ДЕЖА ВЮ»

А. А. Курган

Томский государственный педагогический университет

Представьте, вы едите в автобусе по неизвестному вам городу и смотрите в окно. Фиксируете, наблюдаете какие-то предметы, дома, людей. Экскурсионный автобус едет медленно, так что вы успеваете рассмотреть привлекательные для вас детали пейзажа. И вдруг, в какое-то мгновение вы чувствуете, что здесь уже были, видели этот дом, улицу. Между тем, вы впервые в этом городе. Так может вы видели его по телевизору? На открытке? Это состояние длилось с вами всего какое-то мгновение, но вам показалось, что это мгновение вы уже переживали.

Описанная ситуация получила французское название - дежа вю, что означает буквально – уже пережитое. То есть когда вы, независимо от обстоятельств вашего состояния, чувствуете, что *оно* повторяется. Попробуем пристальнее рассмотреть пристальней. Если поразмыслить рефлексивно над этим происшествием, которое знакомо многим людям и не только французам, то можно заметить, что причиной, заставившей вас произнести: «Я это уже видел! Я здесь уже был!» (хотя вы вовсе «здесь» никогда не были), – стал вовсе не тот пейзаж, например, дом, на который вы смотрели в мгновение дежа вю и не какая-то его деталь, но само ваше состояние в *этот момент*. То, на что в *это мгновение* был направлен ваш взор, совершенно случайно, и никакого фатализма с собою не несет. Вы можете никогда больше этот дом и не увидеть, и никакую роль в вашей жизни этот предмет не сыграет. Само ваше состояние вызвало у вас приведенные слова. Ибо *вот в это мгновение* вы не только смотрите на дом, но и сидите в определенной позе, у вас так-то сложены руки, болит живот, чешется затылок, плохое настроение. Но и по поводу всего перечисленного вы тогда могли бы сказать: «Я все *это* уже чувствовал, переживал». Причем именно во всей целокупности вашего состояния вы это переживали. И в этом вы будете совершенно правы. Ибо вы не только видели этот дом, но вашему созерцанию сопутствовали определенные состояния ваших рецепторов, психики, может быть, вы напевали мелодию. И все *это* вместе, и именно *так* вместе, как будто уже с вами было, и именно *так* было.

К сожалению человеку, самому не пережившему подобное, трудно будет объяснить данный феномен. У того же, с кем хоть раз подобное случилось, не могло не остаться некоего мистического, сакраментального ощущения прикосновения к чему-то чудесному, не смотря на то, что длилось это явление всего какое-то мгновение. Даже не секунда, но именно мгновение. И в это

мгновение вы фиксируете свое состояние как уже происходившее с вами, вплоть до малейших деталей. Дежа вю достаточно условное название, поэтому главным для нашего последующего анализа будет закрепление за ним смысла описанного феномена.

Для нас переживание дежавю было сопряжено всегда с воспоминанием. Как только случался данный феномен, мы сразу вспоминали какие-то фрагменты из нашего прошлого, непосредственно связанные с тем, что было дано в дежа вю. Фрагменты либо предшествовали по смыслу и образам мгновению дежа вю, либо за ним следовали. И эти фрагменты вместе с тем, что было дано в дежа вю, мы видели ранее во сне. И в этом нет сомнений, так как воспоминание фрагментов сна достаточно четкое. Вспоминается даже приблизительно, когда этот сон приснился. Фрагменты сна отличаются от непосредственной реальности переживания в состоянии бодрствования. Мгновение дежа вю выступает здесь как общее место в действительности и во сне. Но во сне переживаемому в дежа вю предшествуют и следуют за ним другие образы нежели наяву. Дежа вю объединяет здесь, тем самым, сон и реальность. Окружавшие феномен события во сне другие, только то, что было дано в дежа вю *то же*, в точности *то же*.

Насколько адекватно это описание представлениям о вещих снах мы не беремся здесь судить. Мало ли чего присниться. Можно предположить, что во время сна получается некая комбинация ощущений и образов, которые, сохраненные в подсознании, могут в один прекрасный момент приблизительно совпасть с переживаниями во время бодрствования. Но в том-то все и дело, что для сознания и всего состояния человека в дежа вю повторяется весь спектр его ощущений и образов до малейших подробностей. Но люди в большинстве своем не обращают внимания на это обстоятельство (абсолютной идентичности двух состояний), между тем как здесь мы имеем что-то действительно чудесное. Действительность становится чудесной. Но мимо-летность феномена затрудняет проводить его рефлексивный анализ. Очень трудно вообще это с чем-то сравнить. Разве что, знаете, встречаются люди и им кажется, что они знают друг друга уже очень давно, еще наверно до рождения познакомились, хотя видятся они впервые. Может быть, их состояние похоже на дежа вю? Но здесь, если можно так сказать, неточность совпадения идентичности компенсируется продолжительностью, между тем как в дежавю совпадение происходит с точностью взаимодействия частиц вакуума. Не знаем как у других людей, но у нас дежа вю длилось несколько раз дольше мгновения (собственно вообще – длилось). Однажды оно длилось около минуты. Насколько вы понимаете, о точной продолжительности феномена трудно судить, так как его осознание идет в основном ретроспективно. Это состояние качественно не отличалось от мгновенного дежа вю, которое знакомо многим. Но его длительность позволила более пристально к нему присмотреться и даже кое-что сообразить. Невозможно себе представить каким когнитивным напряжением оно сопровождалось, ведь как мы уже выяснили, дежа вю захватывает тебя полностью, даже мысли. Когда это состоя-

ние длится и, следовательно, синхронно длиться его осознание, происходит умозрительное впечатление выхода из бытия, из детерминизма причинно-следственных связей сущего, обусловленности процессов и т.п. Здесь мы увидели будущее. Но нужно отдавать себе отчет, что оно не было формулировано в виде суждений. Этого не требовалось. Мы просто в продолжении этой минуты знали, *что* будет и *как* будет в мельчайших подробностях. Это было в университетской аудитории на лекции, и все слова лектора, все движения окружающих нас студентов и даже свои, мы знали и предвидели. Сознание в экстатическом единстве объяло прошлое, настоящее и будущее в одно и то же время. Настоящее, беременное будущим, буквально на наших глазах разрешалось, и при этом прошлое никуда не уходило, оно было здесь же на лицо. Сознание прошлое, настоящее и еще не наступившее было для себя сразу. Время текло, но сознание было в этом потоке и не было. Ибо какая-то часть его над ним (потоком времени) возвышалась и обозревала его весь. Правда, повторяем, длилось это не долго, но это обстоятельство не меняло сути происходящего. Мы не приняли до этого наркотиков, совершенно бодрствовали и хорошо себя физически чувствовали. Выше было сказано о когнитивном напряжении, но это не выражалось в наших усилиях, скорее наоборот была необыкновенная легкость, которая выражалась также и в физическом состоянии. Как будто кто-то взял и поднял нас из времени. Но куда? То экстатическое единство времен (настоящего, прошедшего и будущего), которое конституируется в онтологии Хайдеггера, и достигается на когнитивном уровне путем феноменологической деструкции, было дано воочую. Можно сказать, что тогда и времени-то как такового не существовало для сознания, оно осталось там, с телом и остальным миром. Поражает сейчас еще и то, что для этого совершенно ничего не пришлось делать, мы сами никаких усилий не предпринимали, чтобы войти в это состояние.

Чтобы продвинуться в истолковании феномена дежа вю, мы опишем теперь еще одно состояние, которое также сопровождается ощущением того, что *это* уже переживалось (как в мгновенном дежа вю), но по структуре это состояние немного сложнее. Например, когда-то происходило какое-то незначительное событие, которое было быстро забыто. Но иногда, когда оно вспоминается и представляется в воображении, то происходит тоже ощущение, что и в дежа вю. Это не значит, что просто мы так ярко его вспоминаем, и от этого нам кажется, что оно как дежа вю. Некоторые события мы вспоминаем досконально, во всей их красочности и полноте, однако такого эффекта не происходит. Таким образом, получается, что когда это событие происходило реально, оно не подверглось дежа вю, но впоследствии, в воспоминании его как бы нагоняет дежа вю и уже тогда отсылает ко сну, в котором она (ситуация) первоначально нам являлась, потому что, как мы уже выяснили, переживая дежавю, мы тут же вспоминаем какие-то другие фрагменты сна, сопровождавшие данное в дежа вю во сне. Для большей ясности мы теперь разобьем этот феномен, назвав умозрительным дежавю, на составляющие в их последовательности. Итак:

1. переживается некая реальная ситуация в настоящем;
2. ситуация припоминается в будущем;
3. ситуацию в процессе припоминания сопровождает дежа вю;
4. дежа вю отсылает ко сну, который происходит в реальности предшествовавшей реальному переживанию в настоящем этой ситуации.

Дежа вю захватывает человека полностью, во всей целокупности его состояния, может возникнуть вопрос: а не захватывает ли дежа вю и сам процесс припоминания той ситуации, которая припоминается сопровождаемая дежа вю? Мы писали выше, что когда дежа вю длится, то есть когда оно не мгновенно, то прошлое и будущее существуют одновременно в настоящем переживании дежа вю. Поэтому когда мы в состоянии дежа вю переводили взгляд с одного предмета на другой, чтобы проверить предвидение положения вещей и там, то несмотря на то, что мы осуществляли эту переброску внимания с одной вещи на другую свободно от детерминирования дежа вю, все же, так как это (переброска внимания) происходило в дежа вю, то оно (дежа вю) тут же и поглощало это движение от одной вещи к другой. И тем самым уже было невозможно сказать, сами ли мы выбирали предметы для наблюдения или же это движение было продиктовано дежа вю. Мгновенное дежа вю помыслить нельзя, ибо оно мгновенно и застигает врасплох. Его осознание и осмысление осуществляется уже позже и ретроспективно. Таким образом, для мыслительного дежа вю, вопрос состоит в том, подвержен ли дежа вю и сам процесс припоминания той ситуации, которая припоминается сопровождаемая дежа вю. Иными словами, нужно выяснить: если припоминаемая ситуация ранее была дана во сне, то дано ли в ее припоминании и то, что она впоследствии будет вспомнена в определенный момент сопряженный с дежа вю. Если окажется, что да, то выходит, что во сне была зафиксирована не только реальная ситуация, но и ее припоминание. Это состояние будет обратным еще одному когнитивному феномену, а именно когда вам снится, что вы спите. Вы как бы выходите из тела и созерцаете его во сне. Здесь же получается, что вы, бодрствуя, бодрствуете, но одновременно в двух измерениях, которые объединяются в дежа вю. Но здесь получается, что в состоянии двойного бодрствования вы не только бодрствуя припоминаете как вы точно также уже бодрствовали (во сне), но припоминаете как вы также бодрствовали наяву, и припоминаете и то, что вам во сне также было показано как вы сейчас будете это припоминать. Получается, что вы многослойно существоуете в различных измерениях времени.

Теперь, для большей понятности, мы рассмотрим эти слои, как они представлены во времени. Итак, представим, мы находимся в состоянии умоизмерительного дежа вю(то есть, самой ситуации уже нет, но она припоминается захваченная дежа вю). Мы припоминаем какую-то жизненную ситуацию, которая относительно реальности находится в прошлом. Добавляется дежа вю и отсылает ко сну, который находится еще дальше в прошлом относительно вспоминаемой ситуации. В этом же сне была представлена и сама ситуация, и ее припоминание в настоящем для сознания momente времени. По-

лучается, что во сне на тот период было представлено два будущих состояния. Но как они были представлены: одновременно или нет? Рассмотрим это подробнее. Сама ситуация вокруг, которой и происходит все действие двойного припоминания сколько-то длилась. Но раз во сне было дано и ее припоминание, то второе должно было длиться дольше самой ситуации, ибо чуть только закончилась припоминаемая ситуация, тут же во сне дано как она будет припоминаться, в том моменте настоящего, от которого мы ведем отчет. Но для сна это будет момент будущего, притом более отдаленного, чем сама ситуация.

Чтобы было понятнее, как эти два состояния наслаиваются одно на другое во сне, мы обратимся к чувственным данностям во время дежа вю. Как мы писали выше, дежа вю захватывает человека полностью, включая и его чувства. То есть, если он в это время сидит, то ему кажется, что и само сидение его в *момент дежа вю* тоже повторяется. В двойном припоминании же тело, во-первых, находится в определенной позе, во-вторых, припоминает ситуацию, которая переживалась в другой позе, в-третьих, снилась, в еще одной позе. Исходя из свойства дежа вю, мы должны были бы заключить, что человек во время двойного припоминания (умозрительного дежа вю) находится в трех различных состояниях его рецепторов. Иными словами, его тело должно было бы находиться в трех различных позах одновременно. Но в настоящем-то он сидит только в одной. Однако такое возможно, ведь часто бывает, снится, что бежишь, но ведь во время сна ты лежишь (если только это не лунатизм, которого мы теперь не рассматриваем). При этом все чувства и рецепторы повторяют состояние, как если бы человек действительно бежал. Таким образом, в ситуации двойного припоминания человек чувствует одновременно противоположные состояния своего тела в одном и том же теле. Подобным образом налагаются друг на друга и моменты настоящего, прошлого и будущего в умозрительном дежа вю.

Из всего выше сказанного можно заключить, что состояние умозрительного дежа вю является более абстрагированным от тела, чем мгновенное, ибо в мгновенном дежа вю потрясает то, что происходит впечатление будто повторяется все состояние целиком, даже поза тела, чувства и т.д. В умозрительном же дежа вю это не важно, потому что мы одновременно бежим и стоим, и лежим, что ставит под вопрос вообще наше отношение к телу. Ибо если в сознании еще можно дать себе отчет, что будущее и прошлое существуют одновременно, то для тела это наложение разных состояний снимает его значимость для сознания в тот момент вообще. Достоверность тела в этом состоянии отсутствует. Это состояние подходит под описанное Гуссерлем чистое сознание. Описание феномена умозрительного дежа вю позволило нам продвинуться в осмыслении дежа вю дальше, ибо мгновенное дежа вю не возможно проконтролировать. Умозрительному дежа вю мы в какой-то степени способствуем сами, вспоминая какой-то момент нашего прошлого. В смысловом же плане проведенный анализ дежа вю отсылает нас к теории

припоминания Платона и идее вечного возвращения, но это тема уже другого исследования.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

П. А. Зубов

Самарский государственный аэрокосмический университет
им. ак. С.П. Королёва (г. Самара)

Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, недостаточной философской проясненностью понятия «виртуальная реальность», «виртуальный мир» и, с другой стороны, необходимостью теоретического постижения понятия виртуального в качестве конкретно определенного. Целью работы является попытка философского осмысления понятия виртуального мира.

Современная философия виртуальности при многообразии авторских подходов (проанализированных например в диссертации Горинского А.С. «Понятие виртуального бытия: поливариантность эволюции»), предполагает своим предметом так или иначе обусловленную и недостаточную реальность. Но, с другой стороны, подразумевается самостоятельность виртуальной реальности. Предложенная же концепция, предоставляет возможность для рассмотрения реального мира в качестве виртуального.

Мы рассматриваем виртуальный мир как модель реальности. Любой виртуальный мир является некой моделью – причем, довольно грубой – нашего, реального мира. Как и в реальном мире, в виртуальных мирах существуют свои «законы бытия», реализованные четко спрограммированными инструкциями компьютерной системы. Личное субъективное представление о реальном мире также является моделью реального мира.

Из того факта, что виртуальный мир является моделью реального мира, вытекает ряд следствий :

- виртуальный мир гораздо проще реального;
- виртуальный мир может содержать только уже означенное (то есть известное и истолкованное);
- содержит все ошибки означивания; то есть, то, что считается верным, но является заблуждением или частностью, будет заблуждением или частностью и в виртуальном мире;
- виртуальный мир, в отличие от реального, покрывается логикой. Тогда как в реальном мире любая логика неполна. Логика реального мира содержит две части: формальную и диалектическую (рассуждения). Все философии и религии основаны на диалектической части. В виртуальном мире диалектическая часть отсутствует, есть только формальная, даже если она кажется диалектической;

- виртуальный мир основан на причинно-следственных связях и соглашениях. Реальный же мир – нет, и любая личность – нет.

Таким образом, виртуальный мир – заведомо ложная модель реального мира, скорее способная ввести в заблуждение относительно реального мира, но способная помочь в изучении реального мира в некоторой частной области, которая, во-первых, уже хорошо известна творцам виртуального мира, а во-вторых, правильно понимается этими творцами относительно пользователей виртуального мира. То есть они сторонники одной философии или близких философий, и их формализмы достаточно близки.

Человека, а вернее, личность, которая «погружает» себя в виртуальный мир из реальности, будем называть прообразом. А «персонажа» этой личности, ее концентрат в виртуальном мире будем называть образом. Ни один образ виртуального мира не обладает личностью и сознанием. Иначе прообраз не мог бы из этого сознания ничего почерпнуть. У образа существуют средства обмена сигналами между виртуальным миром и сознанием прообраза. Качество этих средств зависит от качества виртуального мира и качества работы прообраза по моделированию образа. То есть, достаточно низкое (по сравнению с качеством самого прообраза). Таким образом, погружение в виртуальный мир – это заметное умаление имеющихся средств. Оно может быть оправдано при решении целевой задачи, где нужны только ограниченные средства.

В виртуальном мире кто-то ставит прообраз в ситуацию целевой задачи. Причем, не всегда с ведома и согласия прообраза. Познать виртуальный мир можно, имея его тексты, даже без погружения, особенно имея дополнительные средства моделирования и тестирования. Но при этом познается только виртуальный мир, реальный же не познается совсем. Познается представление творцов виртуального мира о некоторых свойствах реального мира. Закрепляются их ошибки и методы, и то только для частных исследованных ранее областей. Это может быть на пользу только в решении узких целевых задач, а в целом, если виртуальный мир отождествляется с широкой областью реального мира, то это вредно. Уточнение модели может помочь для решения частной задачи, но будет только мешать при отождествлении виртуального и реального миров в целом.

Познание виртуального мира является дополнительным средством рефлексии. Необходимо отметить, что обычный человек всегда сможет самостоятельно выйти из виртуального мира (так же, как из сна или, например, из обморока).

Таким образом можно сделать ряд выводов:

Во-первых, виртуальные миры могут способствовать решению отдельных целевых задач, в том числе, освоения учеником представления о реальном мире учителей. Во-вторых, они могут являться тренажерами. Могут способствовать самопознанию как некоторые средства. Могут способствовать моделированию последствий наших действий в реальном мире. Влияние вирту-

ального мира может стать непосредственным действием по изменению реального мира. Но виртуальная действительность может и вредить.

И это зависит от многого, в частности:

- от качества виртуального мира;
- от близости взглядов творцов виртуального мира и пользователя;
- от способности пользователя к свободе от виртуального мира;
- от степени формализации задач, решаемых внутри виртуального мира;
- от степени свободы внешнего применения диалектики к виртуальному миру.

ЗДОРОВЬЕ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Н. Дж. Арстамбекова, А. С. Зенкова

Новосибирский государственный университет

*И отрет Бог всякую слезу с очей их
и смерти не будет уже, ни плача,
ни вопля, ни болезни уже не будет...*

Откр. 21:4

Человеку испокон веков было свойственно стремление к избавлению от страданий и обретению блаженства. В ряду ценностей человеческой жизни, таких как материальное благополучие, духовные приоритеты и культурные традиции, наивысшей из них со времен античности является физическое благосостояние человека, его здоровье.

На родине олимпийских игр, в Древней Греции, да и в Древнем Риме, культ тела возводился в ранг государственных законов, а в Древней Спарте занятия физическими упражнениями предписывались (и строго контролировались государством) для всех граждан – высокий уровень их здоровья остается эталоном для многих десятков и сотен последующих поколений. К поддержанию хорошей физической формы древние римляне и греки стремились всеми доступными способами – здоровье воспринималось как неизменная составляющая красоты, а в честь бога здоровья устраивались ни с чем не сравнимые по роскоши Олимпийские игры, в наше время давшие название спортивным международным состязаниям.

В язычестве древних славян Пантеон богов выражал собой идею жизни как наивысшей ценности и здоровья как ее необходимого составляющего элемента. Несколько иное складывается отношение к физическому здоровью и красоте в период Средневековья, что связано, прежде всего, с распространением Христианства и неизбежным вытеснением античных идеалов. При-

оритетным становится духовное здоровье и стремление к душевному самосовершенствованию, но, тем не менее, ни одна культура, ни одна религия не оставляет без внимания телесное благосостояние человека. Образ здоровья упоминается в религиях как неизменный атрибут райской жизни: "...взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и разыграете, как тельцы упитанные" (Ветхий завет, книга пророка Малахии, 4:2).

В Исламе рай – "сад вечности" (Коран, 25:15), жизнь без смерти: "не вкусят они там смерти"(44:56). Из описания рая в Атхарваведе (6.120.3): "Где радуются добросердечные,... оставив болезнь своего тела, не ущербные в своих членах, неврежденные".

Рай в буддийской Махаяне: "И нигде во вселенной Сукхавати не услышать ни о чем нездоровом, нигде... - о состояниях муки и дурных судьбах, нигде – о страдании" ("Сукхавативьюха" глава 18).

Представляется значительной важность физического здоровья как социокультурного феномена в аспекте социально-экономической политики государства, определяющей благосостояние всей страны в целом. В течение десятилетий в нашей стране не существовало приоритета здоровья. Более того, социальную защиту государство гарантировало, прежде всего, больным. В России отсутствует мода на здоровье. Телевидение, средства массовой информации, молодежная культура культивируют вредные привычки, неконтролируемый и опасный секс, насилие, но мало внимания обращают на формирование гармонично развитого – физически и духовно - человека.

А между тем, приоритет здоровья несомненен в ряду общечеловеческих ценностей. Здоровье является необходимым условием наиболее комфортного существования. По определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), здоровье - это «состояние полного физического, психологического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни». Понимание здоровья максимально приближено к представлениям о счастье, благосостоянии и процветании, представляющим собой прототип рая на земле.

Литература:

1. Образ рая: от мифа к утопии // Серия "Symposium", выпуск 31, СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
2. Жизнь как ценность // РАН философское общество - М., 2002
3. Вишев И.В. Здоровье, молодость, бессмертие человека как традиционная глобальная проблема // Вестник Российского философского общества – 2001, №4
4. Быховская И.М. Аксиология телесности и здоровье: сопряженность в культурологическом измерении.

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Э. А. Колесникова

Новосибирское высшее военное командное училище

Процесс включение России в международное образовательное пространство предполагает изменения в процессе обучения иностранным языкам в соответствии с мировыми тенденциями: переход на диалогичную модель образования, переход от субъект-объектной модели обучения к субъект-субъектной, использование стратегий коммуникативной дидактики и т.д. Кроме того, изучение языка должно соотноситься с освоением культурного пространства, приобщением к жизненным смыслам, истории и традиции страны изучаемого языка и выстраиваться на принципах коммуникативной дидактики. Другими словами, речь идет не только знании языка, но и о приобщении к «чужой» культуре, которая должна стать в какой-то степени «своей».

Существует ряд противоречий, которые необходимо учитывать с целью аутентичного освоения изучаемого языка. *Во-первых*, следует отметить формальное несоответствие между государственным образовательным стандартом и общемировой практикой изучения иностранного языка, между принципами коммуникативной дидактики и требованиями учебно-методических комплексов, по которым ведется обучения иностранному языку в России. *Во-вторых*, существует организационное несоответствие между стандартной образовательной моделью российских университетов и международными стратегиями обучения иностранному языку. И, наконец, несоответствие между образовательными стратегиями, которые являются традиционными для изучения иностранного языка в России, с одной стороны, и, с другой, стратегиями образовательной системе Европы и США: грамматико-переводной метод (с 1900 г.); прямой метод или «метод реформ» (с 1925 г.); «New Key» (1940-1950 гг), аудиолингвальный/ аудиовизуальный метод (с 1975 г.); коммуникативная дидактика (с 1980 г.) и, наконец, межкультурный метод или стратегия (с 2000 г.). В российской образовательной вертикали основным до настоящего времени остается грамматико-переводной метод. Сложившаяся ситуация сформировала устойчивые стереотипы о процессе преподавания иностранных языков, о роли учителя, о самой сути изучения иностранных языков.

Проблема заключается не в том, что сложившаяся традиция обучения иностранному языку в России отличается от общемировых тенденция, а в том, что грамматико-переводной метод фактически игнорирует контекст культуры изучаемого иностранного языка и приобщение к ней. Параллельно с этим существует другая проблема: предлагаемые и используемый в отечественной практике аутентичные учебники не учитывают исторические, культурные, психологические особенности российского менталитета.

В качестве способа разрешения сложившейся проблемной ситуации предлагается разработка учебно-методических комплексов (УМК), изначально ориентированных на вхождение в мир иной культуры с помощью коммуникативных упражнений, проектных групповых заданий, расширения текстового материала аудиовизуальным и аудиолингвальным, использования многоуровневых по содержанию аутентичных текстов. Необходимо также, на наш взгляд, формирование методических навыков изучения иностранных языков у самих учащихся через сознательное освоение различных стратегий изучения языка (от просмотрового чтения до профессионального перевода). Не менее важным является учет особенностей менталитета обучаемых. Принципы, положенные в основу аутентичных УМК часто противоречат традициям, ценностям или не соответствуют сформировавшемуся смысловому ряду обучаемых и даже конкретным условиям проведения занятий. Цели, положенные в основу формирования аутентичных УМК, также могут не совпадать с целями обучаемых.

Существует положительный опыт разрешения выше обозначенных проблем, который может служить ориентиром для создания УМК, отвечающих принципам коммуникативной дидактики и нацеленных на формирование вторичной языковой личности в современных российских условиях..

Создание учебно-методических комплексов нового типа может стать результатом только комплексного подхода и согласования работы государственных структур управления (государственный стандарт), практикующих педагогов всех ступеней образования, культурологов, специалистов в области сравнительного языкознания, психологов. Важной составляющей решения этой проблемы является анализ и учет существующего положительного зарубежного и отечественного опыта. Таким материалом для изучения немецкого языка выступает опыт Гете-института г. Мюнхена, в котором с 1991 г. создано около 30 учебно-методических комплексов, учитывающих и ориентированных на региональную специфику разных стран. Отечественным примером является учебник для изучения немецкого языка для старших классов средней школы под редакцией О. Зверловой

«КТО НЕ ЛЮБИТ ДОБРА?»: ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Н. В. Цепелева

Новосибирская государственная академия водного транспорта

Проблема дефиниций добра продолжает оставаться актуальной в теоретической философии. Сегодня в этике утвердилось представление о том, что добро – это некая положительная ценность чего-либо в отношении к некоторому стандарту и сам этот стандарт [4]. Однако если на уровне общественно-го сознания выработано более или менее формализованное представление о

добре, то на уровне индивидуального сознания вопрос о добре этим не исчерпывается. Ожидания индивида получить исчерпывающий ответ на этот вопрос в некотором смысле напрасны, поскольку в самом его вопросе заложена некорректность: он ждет ответа, в котором бы абсолютное определялось через относительное понятие, относительное добро. Чаще всего бывает так, что человек, который сформулировал себе дефиницию добра и не мучается больше определением добра, как раз и страдает натуралистической ошибкой по терминологии Дж. Э. Мура. Чем может обернуться подобное гипертрофированное восприятие добра, предположить несложно.

В поиске ответа на вопрос о добре, в творении добра современный человек, как нам видится, уподобляется черту Носачу из замечательной повести Л. Андреева «Правило добра». Черт Носач истосковался по добру и обратился к попу за помощью в научении добра. Ни Св. Писание, ни учения святых отцов не помогли черту найти вразумительного, непротиворечивого правила добра. «А что же тебе надобно, горделивый?» - спрашивает поп. «А мне такого ответа надо, чтобы годился он на все времена и для всяких случаев жизни, и чтобы не было никаких противоречий, и чтобы всегда я знал, как поступить, и чтобы не было никаких ошибок», - отвечает черт [1]. Поп, понимая невозможность найти формулы добра, предлагает ему принцип любви. Русский философ С.И.Гессен, говоря, что добро – это любовь, писал: «Поскольку любовь абсолютно конкретна, она не укладывается в жесткие рамки каких бы то ни было общих правил, чужда всякого законничества. Долг, который она воздвигает перед волей человека, есть не отвлеченный одинаковый долг, безразличный к месту и времени, а индивидуальное долженствование, вбирающее в себя незаменимость места и неповторимость момента, в которые оно должно совершиться» [3]. Однако черт отвергает любовь, говоря о неспособности любить. Поп обращается к главным, по его мнению правилам – «если кто попросит у тебя последнюю рубашку, то ты и последнюю отдай»; «если кто ударит тебя по одной щеке, то ты и другую подставь» [1]. Буквальное понимание данных правил привели к тому, что черт был жестоко избит и опять впал в уныние. Как замечает Л. Андреев, черт познал страшную грань добра: тягостность, страстность стремления к добру и одновременно неизвестность, его безликость и безымянность. Именно эти ощущения породили в душе черта и попа одинаковое чувство – любовную жалость: к людям со стороны Носача и к самому черту, безуспешно борющемуся со своей природой, со стороны попа.

Во второй части повести проблема дефиниций добра заостряется. Поп пытается давать черту подробные наставления, но они оказываются безрезультатными, так как всего многообразия жизни ни тот, ни другой не могут учесть. Пробовали опереться в делании добра на распространительные толкования, а именно: принцип «не противься злему», но он поверг черта в испуг. Так в повести появляется тема Толстого с его нехристианской идеей «непротивления злу силою» и возникает параллель с Достоевским, с его легендой о Великом Инквизиторе. Следствием этой формулы становится в по-

вести история о невинно убиенных младенце и женщине, рассказанная чертом со слезами на глазах. Эта история повергает попа в ужас и фактически разоблачает антигуманность толстовства. А черт и поп вновь ощущают единение: они познают горечь и безрадостность добра. Однако эта история имеет положительное значение. Она открывает попу **истину** о добре. Он убеждается, что никаких правил нет, что иногда нужно любить, а иногда ненавидеть, что иногда хорошо, чтобы тебя побили, а иногда, чтобы и ты сам побил; а самое главное - **нужен талант, умение чувствовать добро, как и красоту**. Понимая, что такого таланта у черта нет, поп садится за огромный труд, в котором дается черту урок на каждый день. Вся третья часть повести посвящена тайне этой рукописи. Книга, написанная попом, как увидел Носач, состояла из коротких деловых рецептов, которые надо совершать по дням недели, по часам дня. Слово «добро» в них не упоминалось ни разу, не было здесь никакого общего начала, правила. Черт поначалу растерялся и попытался из сухого перечня действий сделать общие выводы. У него получилось следующее: «когда надо – не убий; а когда надо – убий; когда надо - скажи правду, а когда надо – солги; когда надо – отдай; а когда надо – сам возьми, даже отними и т.д.» [1]. Носач решил: «Буду жить в отчаянии и творить предписанное, никогда не зная, что такое творю. Проклят я вовеки!» [1]. Л. Андреев пишет, что постепенно Носач перестал думать о добре, настоящего живого огорчения не испытывал, а в душе черта наступил долгожданный покой, даже удовлетворение.

На наш взгляд, поп понял, что подлинное добро имеет свои истоки в "Я" человека, в его **духе**, а не только в разуме, в голых правилах. Именно понятие духа делает добро свободным, так как основывается на свободном избрании человека того или иного вида добра в каждой конкретной ситуации. "Буква убивает, а дух животворит", - говорит ап. Павел (2 Кор.3,6), то есть "буквальное понимание и исполнение нравственных предписаний без вхождения в их духовные смыслы и переживания лишает их нравственно-живого движения, умерщвляет душу" [2. С.308]. Протоиер. Владислав пишет, что "заповедь как регулирующий принцип осуществляется лишь ситуативно, то есть по конкретным случаям, не организуя жизнь в целом, тем более – не сводя все содержание жизни к объективной нравственности"[2. С.287].

Повесть начинается и заканчивается риторическим вопросом: кто не любит добра? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Всплывают в памяти слова из романа Ф.М. Достоевского («зачем нужно творить это чертово добро, когда это такого стоит?»), высказывание Н.В. Гоголя, взятое Н.А. Бердяевым в качестве эпиграфа к работе «О назначении человека»: «Грусть от того, что не видишь добра в добре». Кто же не любит добра? Ответим словами Л. Андреева: тот, перед кем никогда в зияющей пустоте не вставал ужасный образ бездействия и никогда не звало в неведомую даль неведомое Добро [1].

Литература:

1. Андреев Л. Н. Рассказы. Архангельск, Вологда: Сев.-Зап. Книж. Изд-во, 1985. 456 с.
2. Владислав прот. (Свешников) Очерки христианской этики. М.: Паломник, 2000. 622 с.
3. Гессен С.И. Добро и зло в понимании русских мыслителей//Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: Росс.полит.энц.,1998. С.545-703.
4. Этика. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. 671 с.

Раздел III

Теоретические проблемы права

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

В современной науке конституционного права основной функцией сравнительно-правовых исследований является анализ специфики конституционного развития современных государств в различных социально-исторических условиях и культурной среде. Тем самым применение сравнительно-правовых процедур способствует формированию адекватных научных представлений об основных тенденциях и закономерностях функционирования конституционно-правовых институтов, о способах повышения эффективности конституционализма как типа общественного устройства [1]. Это становится особенно актуальным в контексте смены приоритетов и целей конституционно-правового регулирования, перехода от противопоставления индивидуальных и коллективных интересов в государстве с рыночной экономикой к закреплению социальных ценностей и обеспечению социально-экономической политики государства в условиях инновационного развития общества [2]. Кроме того, сохраняют значение дискуссии о статусе «сравнительного правоведения» в системе юридического знания (А. Бланкенагель, Г. Франкенберг, А. Шайо) и методологические проблемы, связанные с применением сравнения как общенаучного метода познания в отраслевой конституционно-правовой науке.

Вопрос о функциях сравнительных процедур традиционно связан с разграничением теоретического и эмпирического уровней правопознания. В эмпирических конституционно-правовых исследованиях обычно выделяют «оценочные сравнения» (оценка юридических последствий толкования правовых норм), «авторитетные сравнения» (обеспечение единообразия в судебном толковании) и «функциональные сравнения» (изучение роли конституционных норм в процессе осуществления функций государственного управления) [3]. Сравнительный анализ конституционного законодательства и юридической практики предполагает выявление «намерения законодателя» («интенциональное сравнение»), либо целей правового регулирования через установление значений юридических терминов нормативно-правового акта

(«текстуальное сравнение») [4]. В данном случае накопление эмпирического правового знания происходит в процессе индуктивного обобщения результатов сравнения и обоснования возможности рецепции нормативных предписаний в различных правовых системах. Тем самым эмпирические сравнения достаточно эффективны при изучении структурных элементов предмета конституционно-правового регулирования (основы конституционного строя, правовой статус личности, федерализм, местное самоуправление) и отдельных правовых институтов. Иной подход наблюдается в сфере теоретико-правового знания, где использование сравнения становится средством познания ранее непознанных частей *объекта* конституционно-правовой науки. Как отмечает А.А. Тилле «это также метод установления закономерностей путем сравнения объектов в разное время, сравнения их качеств в прошлом с теми же качествами в нынешнем состоянии» [5]. В этом смысле закономерности как устойчивые связи между правовыми явлениями не только образуют *предмет* отраслевой юридической науки, но и являются основой построения концептуального аппарата конституционно-правовой теории. Таким образом, в сравнительном конституционализме ключевым является методологическое значение философско-правовых категорий и понятий («правило признания» Г. Харта, «форум принципов» Р. Дворкина, «натурализация юриспруденции» Б. Лейтера), постулатов конституционно-правовой теории (приоритет прав и свобод человека и гражданина, равенство перед законом и судом) при изучении и обобщении политико-правовой практики (проблемы эффективности конституционного судопроизводства, асимметричность федеративного устройства РФ и др.) [6].

Среди объектов сравнительно-правового анализа в научной литературе выделяют «сравнительно-правовую реальность» (М.Н. Марченко), национальные правовые системы (В.А. Туманов, Ю.А. Тихомиров, М. Ансель), правовые отрасли и институты (М. Рейнштайн), а в качестве предмета – типологию действующего правопорядка в структуре правовой системы (Л.Ж. Констинтинеско) [7]. Поскольку в выборе объектов с необходимостью доминирует субъективная составляющая, компаративистское исследование предполагает соблюдение определенных методологических правил:

1. *сравнимость* объектов: наличие правовых связей между объектами, которые могут быть установлены через формально-юридический анализ правовой природы и структуры конкретных правоотношений;
2. сравнение объектов в *социокультурном* контексте (принцип историзма и конкретно-исторический подход к государственно-правовым явлениям);
3. *объективность* процедур сравнения: недопустимость модификации объекта в процессе исследования. Последнее правило налагает особые ограничения на использование сравнительно-правового метода, который на эмпирическом уровне эффективен только во взаимодействии с формально-юридическим методом, а в теоретической области – с общенаучными методами и философско-правовыми концепциями [8]. Например, сравнение существующих моделей федерализма (классический, дуалистический, коопера-

тивный и т.д.) невозможно без привлечения нормативно-правового материала и сравнения конституционно-правового статуса субъектов в рамках федерального государства.

Предмет сравнительного конституционализма предопределен границами предмета конституционно-правовой науки и предполагает изучение общего (существенного) и особенного (специфического) в правовой природе исследуемых государственно-правовых явлений. В этом смысле возможность сравнения различных объектов (Конгресс США, Федеральное Собрание РФ, британский парламент) обусловлена наличием общих свойств, либо идеальной модели (например, демократия как «власть народа, осуществляемая народом ради народа» в терминологии американских просветителей) [9]. Здесь особое значение приобретает процесс построения гипотез и исходных понятий, что нередко игнорируется в прикладных конституционно-правовых исследованиях из-за недостаточной разработки традиционных позитивистских методов правопознания. Рассмотрению подлежат три типа сходств: генетическое сходство (источники права славянских племен), подобие социально-исторических условий (система монархического конституционализма в Германии и России начала XX в.), конституционные заимствования («Кондиции» 1730 г., «Наказ» Екатерины II 1767 г., Учреждение судебных установлений 1864 г.) [10]. Таким образом, структуру сравнительно-правового метода составляют концептуальные основания (исходные допущения), процедуры сравнения (объекты, отношения между ними, основание сравнения и вывод), а также методологические правила, философские и общенаучные принципы познания.

Развитие сравнительно-правовых исследований в России в начале XVIII в. во многом обусловлено рецепцией идей классического либерализма и философии Просвещения в русской политико-правовой мысли (Ф. Прокопович, В. Татищев) и формированием в системе философского знания относительно автономной сферы «натуральной юриспруденции» (Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, А.Н. Радищев). В науке государственного права XIX-XX вв. сравнительно-исторический метод используется прежде всего представителями либерального государствоведения с целью осмысления опыта конституционного развития и процессов либерализации монархических режимов в европейских государствах (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин) и представителями «социологического позитивизма» в общей теории права (С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский) [11]. В советский период (60-70-е гг.) в рамках сравнительного правоведения особое внимание уделено разработке методики конкретных сравнительно-правовых исследований и ее распространению в отраслевых юридических науках. В настоящее время применение сравнительного метода становится общепризнанным в условиях качественных изменений в структуре предмета конституционно-правового регулирования и необходимости осмысления преемственности в содержании многих конституционно-правовых теорий и концепций.

Примечания

1. См.: Чиркин В.Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. 2005. № 4. С.5-9;
2. См.: Дидикин А.Б. Теоретические проблемы конституционной модернизации России в условиях инновационного развития общества // Конституционно-правовые основы реформирования и развития органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2006. С. 246-252.
3. См.: Tushnet M.V. The possibilities of Comparative Constitutional law // Yale Law Journal. 1999. Vol.108.
4. См.: Dammann J.C. The role of Comparative law in statutory and constitutional interpretation // St. Thomas Law Review. 2002. Vol.14. P. 513-559.
5. Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1973. С.14; Тилле А.А. Сравнительный метод в правовых исследованиях // Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С.251-266.
6. См.: Hart H.L.A. The Concept of law. Oxford, 1994; Dworkin R. Judicial Discretion // Journal of Philosophy. 1963. Vol.60. No.21. P.624-638; Leiter B. American Legal Realism // Public Law and Legal Theory Research Paper. 2002. Vol. 042; Jacobsohn G. J. Modern Jurisprudence and the Transvaluation of Liberal Constitutionalism // Journal of Politics. 1985. Vol. 47. No.2. P.405-426.
7. См.: Марченко М.Н. Объект и предмет сравнительного права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1999. №2; Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002; Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996; Очерки сравнительного права. М., 1981. С.1-153; Сравнительное конституционное право. М., 1996.
8. См.: Краснянский В.Э. Метод сравнительного правоведения в советской юридической науке. Автореф. дисс. Л., 1971; Саидов А.Х. Теоретические проблемы советского сравнительного правоведения. Автореф. дисс. М., 1984; Саидов Р.А. Становление, развитие и применение сравнительно-исторического метода в юридической науке. Автореф. дисс. Ташкент, 1990; Дидикин А.Б. Принцип историзма и эволюция предмета конституционно-правовой науки в России // Современные проблемы юридической науки. Вып.6. Новосибирск, 2006 (в печати).
9. Дидикин А.Б. Наука конституционного права России в первой половине XIX в.: методологические и теоретические основания // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. №1. С.74-79; Дидикин А.Б. Американский конституционализм и развитие общественно-политической мысли России в конце XVIII – первой половине XIX века // Материалы XLIV МНСК "Студент и НТП". Секция «История». Новосибирск, 2006. С.80-82.
10. См.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Кравец И.А. Кон-

ституционализм и российская государственность в начале XX в. Новосибирск, 2000.

11. См.: Градовский А.Д. Политика, история и администрация. Спб - М, 1871; Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1886; Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып.1. Спб, 1899. С.1-30; Ковалевский М.М. Общее учение о государстве. – Спб, 1909.

ВЛИЯНИЕ ТРЕБОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О СОБЛЮДЕНИИ “РАЗУМНОГО СРОКА” СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА НА РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКУ

Е. Е. Берг

Российская академия правосудия (г. Москва)

После ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, наверное, наиболее неожиданным для российской теории и практики среди требований, предъявляемых к правосудию, стало требование рассмотрения дела в «разумные сроки». При этом анализ поступивших жалоб показывает, нарушение именно п.1 ст.6 Конвенции в части нарушения “разумного срока” судебного разбирательства является одним из наиболее часто встречающихся оснований для обращения в Суд. Так на 1 января 2006 г. из 105 Постановлений, вынесенных Европейским Судом против Российской Федерации, в 34 Суд признал, что было нарушено право заявителей на судебное разбирательство в “разумный срок”, и с каждым годом число Постановлений, в которых рассматривается вопрос длительности судебного разбирательства, становится больше.

Даже после того, как под влиянием ст. 6 Конвенции и прецедентной практики Суда к проблеме процессуальных сроков было привлечено особое внимание со стороны высших органов судебной власти, положение дел со сроками как на досудебных, так и судебных стадиях не стало лучше. Это можно объяснить комплексом причин как объективного, так и субъективного характера. Законодатель не может установить чётко фиксированных сроков для судебного разбирательства, так как многое зависит от специфики конкретных уголовных и гражданских дел. На такой же позиции стоит и Европейский Суд, который каждый раз при решении вопроса, удовлетворяет ли срок понятию разумности, принимает во внимание целый ряд критериев: сложность дела, поведение сторон и компетентных органов государственной власти (следователей, прокуроров, судей), последствия несоблюдения разумного срока для заявителя.

Однако уже сейчас было немало сделано для усиления контроля за сроками предварительного расследования и рассмотрения дел в суде. Так, Конституционный Суд РФ в своих Постановлениях [1] признал неконституционными положения ряда статей УПК РСФСР, не допускающие судебное обжалование решений, принимаемых должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование; обжалование и опротестование промежуточных решений суда первой инстанции, таких как отложение и приостановление разбирательства дела при отправлении его на дополнительное расследование, а также сам возврат дела судом по собственной инициативе на дополнительное расследование по причине неполноты проведенного расследования и роспуск коллегии присяжных заседателей.

Один из аспектов соблюдения требования “разумного срока” судебного разбирательства Конституционный Суд затронул в Постановлении от 25.01.2001. № 1-П в связи с жалобами граждан, вызванными, в том числе, и нарушением установленных законом сроков рассмотрения гражданских дел. Граждане, обратившиеся в Конституционный Суд РФ, жаловались на отказ судов общей юрисдикции удовлетворить их иски о возмещении ущерба, причиненного, в том числе, и судебной волокитой. По мнению Конституционного Суда РФ, уголовно ненаказуемые, но незаконные виновные действия (или бездействие) судьи в гражданском судопроизводстве (в том числе и нарушение разумных сроков) должны рассматриваться как нарушение права на справедливое судебное разбирательство, что предполагает необходимость справедливой компенсации лицу, которому причинен вред нарушением этого права [2].

Верховный Суд РФ также неоднократно анализировал сроки рассмотрения дел судами [3]. Так, в Постановлении от 18.11.1999 Пленум ВС РФ обратил внимание на необходимость строгого соблюдения процессуальных сроков разрешения дел, на недопустимость волокиты при производстве по судебным делам и необходимость обеспечения первоочередного рассмотрения дел в отношении лиц, содержащихся под стражей.

Учитывая остроту проблемы, законодатель в новом УПК РФ, вообще отказался от института возвращения дел на дополнительное расследование. В нем предусмотрена возможность прекращения дела с освобождением от уголовной ответственности на досудебных стадиях процесса и возможность вынесения приговора без проведения судебного разбирательства по делам небольшой и средней тяжести, если обвиняемый согласен с предъявленным ему обвинением (ст. 314 УПК РФ), исключено одно из оснований, позволяющих возвратить дело на новое судебное рассмотрение, – неполнота или односторонность судебного следствия (ст.379 УПК РФ), если при этом не было нарушено процессуальное законодательство.

Особенно важным является Постановление Пленума ВС “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” от 10.10.2003 г., где основное место отводится разъяснению положений Конвенции. Кроме общей

рекомендации судам “принимать во внимание необходимость соблюдения требований Конвенции” при рассмотрении дел и исполнении судебных решений в разумные сроки, устанавливаются пределы сроков по уголовным и гражданским делам согласно правовым позициям, выработанным Европейским Судом, упоминаются и критерии, принимаемые во внимание при рассмотрении дел и определении того, насколько срок судебного разбирательства является разумным. Особо уделяется внимание тому, что исполнение судебных решений должно рассматриваться как “составляющая судебного разбирательства”.

Таким образом очевидно, что в Российской Федерации принимаются меры для исправления ситуации со сроками рассмотрения дел. Однако, остается еще множество нерешенных вопросов и проблем. Поэтому необходимо иметь ввиду, что, так как российское законодательство пока в полной мере не отражает критерий "разумного срока", суды при осуществлении контроля за ходом и предварительного следствия, и судебного разбирательства, и исполнения судебных решений обязаны действовать непосредственно на основании п.1 ст.6 Европейской конвенции с исключительной оперативностью, предусмотренной прецедентным практикой Европейского Суда.

Примечания:

1. См. например, Постановления №20-П от 02 июля 1998 г., № 5-П от 23 марта 1999 г., № 7 – П от 20 апреля 1999 г. (относительно статей 133, 218-220, 232, 331, 464, 248 и 258 УПК РСФСР).

2. Аналогичная позиция Конституционного Суда по этому вопросу отражена и в его Определениях от 8 февраля 2001 г. № 42-О и № 43-О Данные определения были вынесены в связи с жалобами юридических и физических лиц на нарушение их конституционных прав и свобод положением пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ.

3. См., например, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г., от 15 октября 1996 г., 18 ноября 1999г., 10 октября 2003г.

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РФ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Е. Ю. Серекова

Институт философии и права СО РАН

Нередко в жизни для реализации своего права человеку приходится за него бороться. Актуальность вопросов защиты прав и свобод человека со стороны государства объясняется тем, что степень гарантированности прав и

свобод человека в правовом государстве зависит не от каталога прав и свобод, закрепленных в Конституции, а определяется уровнем развития механизма защиты, в частности связанных с деятельностью Конституционного Суда РФ.

Несмотря на то, что защита Конституционным Судом РФ права на свободу и личную неприкосновенность человека и гражданина, относится к важным и значимым проблемам защиты прав и свобод человека, она остается слабо разработанной с точки зрения теории и практики современного конституционализма. Оценка и анализ соответствующей проблемы в сравнительно-правовом плане, с позиций накопленного судебного опыта защиты рассматриваемого права, представляет несомненный интерес.

КС РФ обеспечивает единство законодательной и судебной практики в защите прав и свобод человека и гражданина. Эта двудеятельная функция – защита Конституции и защита прав и свобод – неделима и неразрывна [1]. Данный подход отражен ст. 3 ФКЗоКС.

Функция защиты права на свободу и личную неприкосновенность человека и гражданина реализуется КС РФ в форме конкретного (проверка нормативно-правового акта на предмет его соответствия Конституции, осуществляемая в связи с рассмотрением конкретного гражданского, уголовного, административного, арбитражного дела) и абстрактного (проверка нормативно-правового акта на предмет его соответствия Конституции, не связанная с рассмотрением конкретного дела) нормоконтроля.

Роль КС РФ как хранителя ценностей правового государства, в частности, гаранта права на свободу и личную неприкосновенность человека и гражданина объясняется тем, что в силу наличия определенных полномочий Суд может оказывать влияние на деятельность главы государства, органов законодательной и исполнительной власти, на установление их полномочий и пределов усмотрения. Деятельность КС РФ не является чисто судебной, хотя и главенствующей [2].

Своеобразие правозащитной деятельности судебного органа конституционного контроля состоит в том: во-первых, принимая решение и разрешая спор КС РФ, косвенно воздействует на нормы права в конкретном деле, что выражается в оценке нормы и ее толковании в процессе применения. Суд дает лишь правовую оценку и характеристику рассматриваемого нормативно-правового акта в смысле его соответствия или несоответствия Конституции. Решение Суда о признании акта неконституционным, утрачивающим юридическую силу, действует непосредственно, и потому отмена не соответствующего Конституции РФ закона органом, его принявшим, не требуется, так как этот закон считается отмененным, т.е. недействительным, с момента оглашения постановления КС РФ [3]. До принятия нового нормативного акта непосредственно применяется Конституция РФ. Правоприменительная и толковательная деятельность КС является источником для правотворчества, что относится к полномочиям других властей. Во-вторых, признавая неконституционность того или иного положения закона по жалобам граждан, КС защи-

щает не только права гражданина подавшего жалобу, но и многих лиц, права которых нарушаются, либо могли нарушаться этим несоответствующим Конституции РФ нормативным актом. В-третьих, защита действует постоянно, но реализуется только с момента возникновения юридического факта (подача жалобы) и только в виде правоотношения между субъектом, обратившимся за защитой и судом как органом государства. В-четвертых, право на судебную защиту, закрепленное в ст.46 Конституции РФ, универсально, оно гарантируется каждому (гражданам, иностранцам, лицам без гражданства) [4]. КС РФ неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту относится к таким правам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах [5]. В-пятых, КС РФ оказывает защиту только реально принадлежащему субъекту конституционному праву и только в том случае, если это право действительно или éventuellement нарушено в конкретном деле.

Специфика правозащитной деятельности КС РФ обусловлена:

1) особым статусом КС РФ; 2) особенностями конституционного правонарушения; 3) особенностью средств защиты (мер защиты и мер ответственности), направленных на устранение выявленных нарушений [6].

В качестве основного средства защиты права на свободу и личную неприкосновенность человека предоставленной непосредственно управомоченному лицу, чье право нарушено, выступает индивидуальная (коллективная) жалоба. В отдельных случаях конституционным средством защиты в КС является запрос.

ФКЗоКС к средствам защиты прав человека, применяемые КС РФ, относит: проверку конституционности закона, применяемого или подлежащего применению в конкретном деле (ст.3); признание закона либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ; признание закона либо отдельных его положений несоответствующими Конституции РФ (ст.100).

Специфика правозащитной деятельности КС получила отражение в решениях Суда, в которых интерпретировалось положение ст.22 Конституции РФ, закрепляющее право на свободу и личную неприкосновенность.

Примечания:

1. Права человека /Отв. ред. Е.А.Лукашева. М., 1999. С.278.

2. Так, Б.С. Эбзеев пишет: «Не только доктрина, но и практика конституционного контроля в различных государствах, сам Закон о Конституционном Суде не дают оснований рассматривать его деятельность как чисто судебную, но судебная деятельность может и должна рассматриваться как преобладающая для Конституционного Суда». (См: ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. М., 1996. С.24).

3. См: п.7 постановления КС РФ от 11.04.2000г. №6-П по делу о проверке конституционности отдельных положений п.2 ст.1, п.1 ст.21 и п.3 ст.22 ФЗ «О прокуратуре РФ» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ. (ВКС.2000.№4).

4. В п.2 постановления КС РФ от 17 февраля 1998г. №6-П по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура указано, что по смыслу части 1 статьи 96 ФКЗоКС в ее взаимосвязи со статьями 46, 17 (часть 2), 62 (часть 3) и 125 (часть 4) Конституции РФ возможность защиты прав и свобод посредством конституционного правосудия должна быть обеспечена каждому, в том числе иностранным гражданам и лицам без гражданства, если законом нарушены их права и свободы, гарантированные Конституцией РФ. //Российская газета. 1998. 18 февраля.

5. В п.3 постановления КС РФ от 3 мая 1995 №4-П по делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А.Аветяна подчеркнуто, что Допустимые ограничения конституционных прав в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть введены законодателем только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право на судебную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с данными целями и, следовательно, не подлежит ограничению. Именно поэтому право на судебную защиту отнесено согласно статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. (Вестник Конституционного Суда РФ.1995. №2-3. С.39; 1996. №2. С.35).

6. Брежнев О.В. Проблемы защиты основных прав и свобод граждан. Курск, 2000. С.16-31.

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

К. А. Кириченко

Институт философии и права СО РАН

Несмотря на то, что электронная коммерция набирает обороты, олицетворяя экономическую сторону процесса перехода общества к информационной эпохе, в ее правовом регулировании остается множество резервов для совершенствования. По сути дела, российское гражданское законодательство не учитывает особенностей электронной среды. Одним из возможных объяснений такой ситуации может служить недостаточное понимание законодателем и правоприменителем сути Интернета в целом и электронных сделок в частности. Именно поэтому обычай, как эмпирический источник права, исходящий непосредственно от общества, может восполнить образовавшиеся пробелы.

Если проанализировать уже достаточно многочисленные работы отечественных правоведов, посвященные электронной торговле, можно заметить, что обычая в них практически не находится места. Лишь С.В. Петровский отмечает, что сложились определенные правила, касающиеся рекламы на сайте в Интернете или в электронных рассылках [1]. Вместе с тем, западные ученые уже разрабатывают концепцию так называемого «обычая электронной коммерции» (e-custom). Наиболее значимое исследование в этой области было проведено П. Полански [2].

Отмечается, что концепция обычая электронной коммерции основана на идее повторяющейся практики торговли по Интернету, которая настолько широко распространена, что может обосновывать ожидание следования ей. Такая практика должна обладать определенными качествами: быть повторяемой и широко распространенной как в пространстве, так и во времени. Повторение должно происходить несколько раз, чтобы создать представление о том, что это широко соблюдаемая практика. Единственный случай, разумеется, не может породить норму права. Вместе с тем, учитывая темпы развития электронной коммерции, представляется, что такой обычай может сложиться за очень короткий промежуток времени – всего лишь за несколько лет, а, вполне возможно, и за один год. Одновременно, соответствующая практика должна быть широко распространенной, т.е. она должна соблюдаться большинством субъектов, или, по крайней мере, двумя субъектами одной Интернет-отрасли, нескольких или всех отраслей.

Представляется, что в качестве обычаев электронной коммерции уже можно рассматривать практику незамедлительного подтверждения заключения сделки при оформлении заказа в Интернет-магазине, а также практику защиты сделок в банковской сфере, прежде всего, с помощью средств криптографии.

Рассмотрим более подробно первый пример. Электронные сделки, совершаемые в Интернет-магазинах, как правило, проходят несколько стадий заключения. Сначала потенциальный покупатель знакомится с предлагаемыми товарами и помещает выбранные в виртуальную корзину. Затем происходит заполнение предложенной формы, которая может включать информацию об имени покупателя, его почтовом адресе или адресе для доставки, телефон и адрес электронной почты, платежные данные и т.д. После того, как покупатель вносит и подтверждает все необходимые сведения, как правило, появляется окно, свидетельствующее о том, что заказ принят. Это распространенная практика большинства Интернет-магазинов и представляется возможным говорить о ней как о правовом обычае. Если, к примеру, покупатель, заказав товар, не получил извещения о принятии заказа по причине того, что оно не запрограммировано на сайте продавца, то, как считает П. Полански, можно считать такую сделку незаключенной и заказать товар в другом Интернет-магазине. Даже если заказ фактически был принят и впоследствии доставлен, покупатель может отказаться от принятия товара и его оплаты потому, что продавец не выполнил условия правового обычая.

Теперь обратимся к российскому законодательству и тому понятию обычая, которое оно содержит. В соответствии со ст. 5 ГК РФ, «обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством».

Во-первых, здесь имеются в виду отношения, которые складываются не просто в сфере предпринимательской деятельности, а в определенной ее области. Думается, что вполне обоснованно говорить об особой области предпринимательских отношений – электронной коммерции. Во-вторых, правило, признаваемое в качестве обычая, должно быть сложившимся и широко применяемым. Доказательствами наличия этих признаков могли бы стать, в частности, анализ функционирования определенного количества Интернет-магазинов (на практике большинство сайтов предусматривают подтверждение заказа, независимо от их географической или отраслевой принадлежности), заключения экспертов в области электронной коммерции, изучение программных продуктов, направленных на обеспечение электронной торговли (многие из которых включают компонент подтверждения) и т.д. Наконец, такое правило не предусмотрено законодательством.

Итак, представляется возможным признать в качестве обычая делового оборота правило подтверждения принятия заказа Интернет-магазином после его размещения заказчиком. Дальнейшее изучение функционирования электронных сетей, по-видимому, может выявить и иные сложившиеся обычаи в этой области. В свою очередь, обычай одновременно может выступать и как источник знаний о сложившихся практиках, и как правовой инструмент юридического обеспечения электронной коммерции.

Примечания:

[1] См.: *Петровский, С.В.* Правовое регулирование оказания Интернет-услуг: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2002. – С. 129.

[2] Напр. см.: *Polanski, P.P.* A New Approach to Regulating Internet Commerce: Custom as a Source of Electronic Commerce Law // *Electronic Communication Law Review*. – 2002. – Vol. 9, № 3. – PP. 165–205; Johnston, R., Polanski, P. Potential of Custom in Overcoming Legal Uncertainty in Global Electronic Commerce // *The Journal of Information Technology Theory and Application*. – 2002. – Vol. 4, № 2. – PP. 1–16.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ

Ю. Б. Дидикина

Новосибирский государственный университет

В современной отечественной цивилистике нет единого подхода ни к определению цессии, ни к основаниям возникновения, ни к кругу требований, которые могут быть уступлены, ни по другим вопросам, связанным с данным институтом. Судебные органы, которые призваны в том числе и восполнять пробелы законодателя, не справляются с данной задачей. Этому способствует и отсутствие в российской гражданско-правовой доктрине должной теоретической разработки категории цессии и единого понимания ее сущности.

Договор уступки права требования (активной цессии, сингулярной сукцессии) – соглашение, в силу которого одна сторона (первоначальный кредитор, цедент) передает другой стороне (новому кредитору, цессионарию) право требования исполнения обязательства третьим лицом (должником, цессионаром), а новый кредитор приобретает это право требования от цедента на условиях, не ухудшающих положения должника. Однако согласия должника и даже его уведомления для действительности договора уступки не требуется.

И для дореволюционной, и для современной цивилистики характерно смешение значений термина «цессия» - ее называют то сделкой, то договором, то переносом, переходом, уступкой прав, то есть результатом сделки. Тем не менее, это договор, сторонами которого являются кредитор, который распоряжается принадлежащим ему требованием, и лицо, которое становится новым кредитором.

Единственным существенным условием договора уступки требования является условие о его предмете – это обязательственное право (требование). Из законодательства можно вывести возможность уступки любых требований как общее правило (вытекающее из категории гражданской правоспособности), а невозможность, как исключение – если она противоречит закону, иным правовым актам или договору.

Одной из проблем выступает отчуждение права без обязанности, в том числе отдельного правомочия, а также прав из длящегося договора. Раньше Высший арбитражный суд признавал такие договоры об уступке права недействительными сделками, смешивая понятия перемена лиц в обязательстве и перемена лиц в договоре [1]. Следуя этой логике никто не может уступить право, если на нем лежит хотя бы одна обязанность, ибо данная обязанность тоже должна будет перейти на приобретателя. Между тем при уступке требования обязанности остаются в неприкосновенности лежать на первоначальном обладателе, то есть обязанность по договору исполняет один, а права осуществляет другой. В ряде последних постановлений Высшего Арбитраж-

ного Суда признается допустимость уступки требования, возникающего в рамках длящегося договорного обязательства при условии, что «уступаемое требование является бесспорным, возникло до его уступки и не обусловлено встречным исполнением»[2]. Формулировка свидетельствует о том, что позиция Высшего Арбитражного суда сдвинулась в сторону расширения сферы допустимости уступки требования, хотя «спорное»/ «бесспорное» требование – это скорее процессуальная характеристика и далеко небезупречная.

Тем не менее, в своем постановлении Президиум ВАС указывал, что законодатель, регламентируя возможность передачи прав (требований) по сделке, не определил вида договора, по которому эта передача происходит. Поэтому договор купли-продажи может служить основанием передачи прав требования. В данном случае имеет место возмездная цессия. Следовательно, передача права (требования) по договору купли-продажи не противоречит ст. 386 ГК РФ и в целом § 1 гл. 24 ГК РФ [3]. Это одна точка зрения.

Единодушно все исследователи в том, что в цессии происходит замена кредитора, а вот сам процесс замены воспринимается по-разному [4]:

ü в одном случае цессия рассматривается как сделка (договор);

ü в другом – это не самостоятельный договор, а договор купли-продажи прав, либо мены, дарения, и т.д.

ü в третьем – требуется наличие основания цессии.

При этом в практике судов бывают случаи, когда по одному и тому же спору, связанному с цессией, арбитражными судами выносятся противоположные решения[5].

В отличие от ГК РСФСР 1964г п.4ст.454 ГК РФ предусматривает, что общие положения о купле-продаже применяются к продаже имущественных прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав. А в качестве предмета договора дарения в ст.572 ГК РФ прямо называется имущественное право.

Однако Витрянский В.В. полагает, что поскольку имущественные права – самостоятельные объекты гражданских прав, не относящиеся к категории вещей, они не могут признаваться товаром по договору купли-продажи, а стало быть, обмениваемым по договору мены. Правила распространяются на иные правоотношения, не относящиеся к купле-продаже. И приоритетному применению подлежат нормы об уступке требования, а потом общие положения купли-продажи. Брагинский М.И. и Новоселова Л. считают, что нужно использовать существующие конструкции договоров и исходить не из вида имущества, а сходства правоотношений, целей сторон, поэтому применяются нормы о конкретных договорах (а положения об уступке устанавливают лишь специфику перехода права требования).

Но возникают некоторые неясности – дарить право можно не только в отношении третьих лиц, но и в отношении самого дарителя, что невозможно при цессии. Кроме того, договор дарения – безвозмездный, что касается перехода прав кредитора на основании сделки, то законодатель не дает указания на возмездность /безвозмездность, то есть может быть и тот, и другой.

Поэтому утверждать, что договор дарения и безвозмездная цессия – одно и то же нельзя, так как дарение имеет свои особые правила (запрет между коммерческими организациями). Суды признают безвозмездную уступку недействительной, так как она является дарением, хотя действует презумпция возмездности, если иное не установлено в договоре.

Некоторые авторы предлагают выход – при заключении договора об уступке права требования определять условия для уступки права, не касаясь вопроса о том, что лежит в основе уступки (то есть представить сделку абстрактной), либо показать, имеет ли место встречное предоставление и, следовательно, совокупность условий для цессии либо автономно, либо в структуре определенного договора. Тогда варианты:

- 1) абстрактная цессия;
- 2) цессия, представленная куплей-продажей (возмездная уступка прав);
- 3) цессия, представляющая дарение (безвозмездная уступка);
- 4) уступка, представляющая иной вид гражданско-правового договора.

Если уступка имущественного права подходит под предусмотренный законом договор, то применяются нормы: по уступке права – общие, а конкретного договора – специальные, и приоритет у специальных. Если нет специальных, то гл.24 ГК РФ.

Сделка уступки требования (цессия) не может рассматриваться как самостоятельное условие для передачи права, противопоставляемое другим основаниям передачи. Тогда, в отношениях, связанных с уступкой права можно выделить:

- договор, на основании которого прежний кредитор передает новому имуществу в виде права требования (договор – основание передачи);
- сделку (договор) цессии (уступки права требования) как действие первоначального кредитора по передаче требования другому лицу и принятие его последним.

В традиционном понимании сделка цессии – распорядительная сделка, так как опосредует переход уже существующего права требования. Нередко сделка цессии и договор, служащий основанием, совершается одновременно и оформляется одним документом, фактически сливаясь. Но юридически и в этих случаях имеют место две сделки. Когда сделка уступки права требования оформляется отдельным документом, он может и не содержать указания на основание передачи права. Отсутствие указания о цели передачи права не свидетельствует об отсутствии такого основания.

Несмотря на скупую законодательную регламентацию, породившую ряд неясностей и неопределенностей, практическое применение института уступки требования в современных условиях получает все более широкое распространение. Вместе с тем цессия как сделка уступки права требования нуждается в дальнейшей разработке и выработке единообразного подхода как доктринальной, так и судебной практикой.

Примечания:

1. См., например, Постановление Президиума ВАС РФ от 30 июля 1996г. № 1136/96 // Вестник ВАС РФ. – 1996. - № 10; Постановление Президиума ВАС от 10 сентября 1996г. № 1617/96 // Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 11; Постановление Президиума ВАС от 29 октября 1996г № 3172/96 // Вестник ВАС РФ. – 1997. - № 4.
2. Постановление Президиума ВАС от 09.10.2001 №4215/00 // Вестник ВАС РФ. – 2002. - № 1.
3. Постановление Президиума ВАС № 1676/98 от 29 декабря 1998г. // Вестник ВАС РФ. – 1999. - № 3.
4. Крашенинников Е.А. Основные вопросы уступки требования // Очерки по торговому праву. – 1999. – Выпуск 6. – С. 3-33; Кротов М.В. О некоторых проблемах перемены лиц в обязательстве // Там же. – С.58-71; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: общие положения. – М., 2002. – С. 464-478.
5. См., например, постановление Президиума ВАС РФ от 17.11.1998 № 4735/98 // СПС «Консультант» и Постановление Президиума ВАС от 18.12.2001 № 8955/00 // Вестник ВАС РФ. – 2002. - № 4.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СУЩНОСТИ ФЕНОМЕНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А. Ю. Марусов

Институт философии и права СО РАН

Интеллектуальная собственность (далее – ИС) представляет собой многогранное социально-правовое явление, ключи к пониманию сущности которого лежат в различных сферах общественной жизни – культуре, праве, экономике. Неоднородность и разнообразие отношений по поводу ИС требуют особого, не ограниченного рамками только юридических наук, комплексного подхода к их изучению. Так, на наш взгляд, именно отсутствие фундаментальных междисциплинарных исследований вкуче с несколько односторонним пониманием этого феномена привели к тому, что многолетние попытки российских учёных-юристов выстроить систему правового регулирования данной сферы до сих пор не увенчались успехом.

В связи с осознанием в современном информационном обществе особой значимости продуктов интеллектуальной деятельности в последние годы указанная проблематика становится особенно привлекательной для представителей общегуманитарных наук: издаются монографии, защищаются диссертации, делаются прогнозы и оценки. Глобальным результатом этого процесса можно считать появление и все более частое употребление нового по-

нения «Философия интеллектуальной собственности» [1], по всей видимости, претендующего на охват всех философских проблем, так или иначе связанных с этим явлением.

С одной стороны, праведы, безусловно, заинтересованы в том, чтобы философы, социологи и экономисты дали новый импульс научной разработке феномена ИС. Тем более, что некоторые вопросы правового регулирования данной сферы уже давно требуют, прежде всего, философского осмысления. С другой стороны, ученые-юристы пока, на наш взгляд, более полно представляют себе препятствия и проблемы, которые возникают на этом пути.

Рассмотрим некоторые из факторов, осложняющих процесс научного познания феномена ИС, которые следует учитывать каждому исследователю, независимо от его отраслевой принадлежности.

Во-первых, ИС – это явление, которое в течение долгого времени (по нашим оценкам примерно до середины XX века) рассматривалось исключительно в поле правовых наук. Появление же работ, направленных на социологическое, философское и экономическое осмысление ИС является следствием стремительного возрастания общественного значения этого института во второй половине прошлого столетия. Причем ключевой проблемой социально-философских и экономических исследований ИС является тот факт, что вся предшествующая научная разработка этого феномена велась на языке правовых понятий и категорий. Содержание таких терминов как «исключительные права», «нематериальные объекты прав», «личные неимущественные права» и др. раскрывается лишь на основе специальных юридических знаний и методов. *Таким образом, различия в понятийно-категориальном аппарате юридических и иных гуманитарных наук и отсутствие должной унификации используемых их представителями терминов порождают проблему параллельного или независимого развития представлений об ИС в рамках этих наук.*

Во-вторых, современный подход к пониманию ИС базируется на том, что это комплексное по своему характеру явление. В нем традиционно выделяются такие институты как «авторское и смежные права» (художественная собственность), «патентное право» (промышленная собственность), «правовая охрана средств индивидуализации» и «нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности». Целевое предназначение и социальная функция каждого из этих институтов различны настолько, что само по себе объединение их под единым общим названием может рассматриваться (и рассматривается в правовых науках) как серьезная научная проблема.

Развитие каждого из этих условных сегментов ИС до определенного момента шло своим собственным путем, различными темпами и связано с разными именами и событиями. Здесь возникает вторая проблема: *следует ли представителям иных (не юридических) наук исследовать феномен ИС, как целое (такой подход наиболее распространен в последнее время [2]), или же направить познавательную деятельность на его отдельные элементы, выделяемые в правоведении?*

В-третьих, в процессе изучения явления ИС философам и экономистам очень важно избегать свойственных обыденному сознанию ошибок. Дело в том, что в данном термине слово «собственность» является фактором, способным ввести в глубокое заблуждение. *Собственность интеллектуальная не имеет практически ничего общего с собственностью традиционное, т.е. вещной, и причины употребления этого слова в контексте термина ИС обусловлено традицией, но никак не научной целесообразностью.* Так, И.А. Зенин пишет: «Право собственности предполагает осуществление субъектом трех прав: владения, пользования и распоряжения. В отношении нематериальных благ, какими являются все продукты интеллектуальной деятельности, неприменимо вещное правомочие «владение», нельзя физически обладать идеями и образами. Не может быть прямо применено к нематериальным объектам и вещное правомочие «пользование». Научно-технические идеи и художественные образы могут одновременно находиться в пользовании бесчисленного множества субъектов. При этом данные объекты не потребляются в процессе их использования, не амортизируются в физическом смысле слова. Они могут устаревать лишь морально» [3].

В-четвертых, окончательно оформившись во второй половине XX века как социально-правовой институт, перестав быть объектом исключительно юридических исследований, феномен стал требовать к себе принципиально иного методологического подхода. Дело в том, что на примере актуальных попыток его осмысления, становится очевидным: *на современном этапе сущность ИС может быть познана исключительно в рамках комплексных междисциплинарных исследований, базирующихся на унифицированном понятийно-категориальном аппарате и учете специфики знаний всех наук, входящих в предметное поле этих исследований.* В противном же случае мы не видим, каким образом можно преодолеть описанные выше трудности в научном познании этого явления.

Примечания:

1. См. напр. Философия науки. Общий курс: Учеб. пособие для вузов. Под ред. С.А. Лебедева. - М: Трикта. Академический проект, 2004.
2. См. напр. Барякин В. Н. Интеллектуальная собственность в социуме: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. Спец. 09.00.11 – социальная философия / ННГАСУ. – Н. Новгород, 2000.
3. См.: Зенин И.А. Гражданское и торговое право капиталистических стран: Учебник – М., 1992. – С. 128.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Загривный

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Данная работа посвящена анализу важнейших основ существующего конституционного законодательства - конституционным принципам рыночной экономики. В современной отечественной правовой литературе не существует однозначного понимания понятия «принцип права». Известные точки зрения делятся на три группы. Следует отметить разницу предлагаемых трактовок по степени генерализации принципов права, по объекту их соотносительности, а также взаимосоответствию с объективной действительностью. Согласно первому варианту понимания принцип права соотносится с вечными, абсолютными ценностями и идеалами человечества, принципы права выступают своеобразными проводниками, реализующими вечные ценности. Согласно второму, роль принципов права соотносится с основаниями содержания права, они в большей степени связаны с действительностью, с объективными закономерностями. Согласно третьей трактовке, правовые принципы непосредственно связаны с реальностью и есть специфическое юридическое выражение объективно существующих экономических и политических законов общественного развития.

Конституционное право взаимосвязано и определяется, во-первых, закономерностями политической надстройки общества, чье функционирование, в свою очередь, взаимосвязано с существующими экономическими отношениями. Политические принципы построения государственного механизма на разных стадиях его развития включают принцип разделения на ветви власти, принцип бюрократического централизма и принцип демократического централизма. Во-вторых, раскрывая механизм взаимосвязи и функционирования конституционного права, следует отметить общие закономерности процессов и моделей управления в разного уровня сложности системах: технических устройствах, живых организмах и человеческих организациях. Другими словами, общие "кибернетические" принципы управления. И, наконец, в-третьих, следует выделить закономерности, на основе которых собственно и выстраивается структура правовых феноменов, то есть закономерности самой "правовой материи".

Эти три вида закономерностей обуславливают определение понятия «конституционный принцип». Его можно сформулировать следующим образом: конституционный принцип — это объективно существующая закономерность, а также закономерность самой правовой материи, которая нашла выражение в определенной системе конституционных институтов, направленной на обеспечение свободного ее действия,[1].

Принцип свободы экономической деятельности

Свобода экономической деятельности – один из основополагающих принципов рыночной экономики. Свобода экономической деятельности означает, что люди могут беспрепятственно создавать и преобразовывать предприятия, распоряжаться продуктами своей деятельности с целью извлечения прибыли.

С конституционным принципом свободы экономической деятельности связаны и такие основные права, как:

1) право на свободное развитие личности. В ч. 1 ст. 22 Конституции установлено: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». С точки зрения «экономической конституции» эта норма предусматривает и свободу договора как меру свободы в экономической сфере;

2) право свободно избирать род деятельности и профессию. В ч. 1 ст. 37 Конституции предусмотрено: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Это положение также подразумевает право свободно создавать коммерческие структуры в соответствии с условиями, установленными законом, право на выбор работы либо в качестве предпринимателя, либо по найму;

3) право, гарантирующее каждому возможность иметь имущество в частной собственности (ст. 35, 36 Конституции). Защита, предоставляемая государством в соответствии с этим правом, распространяется на частную собственность на землю, основные фонды, обязательства и требования предпринимателей к своим партнерам;

4) право каждого на свободу ассоциаций. В соответствии с ч. 1 ст. 30 Конституции «каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется». Это право гарантирует гражданам возможность самоорганизации и объединения с другими предпринимателями для создания различных ассоциаций предпринимателей.,[2].

Принцип единого экономического пространства

Единство экономического пространства не относится к числу ясных правовых понятий. Очевидно оно выражает стремление народа видеть территорию России как своеобразный общий рынок с едиными правилами. В п. «ж» ст.71 Конституция выражает эту мысль достаточно определенно, когда говорит о том, что в ведении Российской Федерации находится «установление правовых основ единого рынка», другие пункты этой статьи говорят о праве Федерации регулировать финансы, валюту, кредиты, таможенно, основы ценовой политики и др.

В преамбуле Конституции провозглашается необходимость «сохранения исторически сложившегося государственного единства». А государственное единство обеспечивается единством власти, единством территории и единством закона.

Принцип многообразия форм собственности

В числе опорных правовых принципов «экономической конституции», относящихся к основам конституционного строя, можно назвать положение о признании и равной защите разных форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Согласно ему, государство создает условия для развития разнообразных форм собственности и обеспечивает им равную защиту. Эта норма подрывает монопольное положение государственной собственности и, пожалуй, как ни одна другая, свидетельствует о деидеологизации Конституции.

В разделе о правах человека и гражданина собственность в соответствии с общепоблательными международными договорами определяется как право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ст. 35 Конституции РФ).

Российская Конституция значительно усиливает правовой статус частной собственности, излагая ее признание и защиту в главе об основах конституционного строя. При этом речь не идет об исключительном или тем более привилегированном положении частной собственности, а только о ее равном положении с другими формами собственности.

Основу конституционного строя в Российской Федерации составляют два основных положения, сформулированных в ч. 2 ст. 8 Конституции:

- 1) признаются: частная собственность; государственная собственность; иные формы собственности;
- 2) все формы собственности защищаются равным образом.

Конкуренция как основа рыночной экономики создает механизм, который заставляет работать цены на рынке в зависимости от соотношения спроса и предложения. Конкуренции противостоит монополия, когда число продавцов столь мало, что каждый продавец в состоянии влиять на цену товаров через регулирование их предложения.

Государство для поддержания рыночных механизмов должно контролировать монополии. Поэтому в Конституции РФ установлен запрет на использование свободы экономической деятельности для монополизации и недобросовестной конкуренции.

Принцип защиты конкуренции

Поддержка государством конкуренции - лучший способ содействия рыночной экономике. Конкуренция - самый надежный механизм координации индивидуальных действий без принуждения и вмешательства со стороны властей, она тем эффективнее, чем меньше этого вмешательства и разного рода монополизма, особенно государственного.

Поддержка конкуренции осуществляется всей экономической политикой государства. Это, прежде всего ликвидация государственного монополизма, разгосударствление, приватизация и акционирование предприятий, специальные антимонопольные меры, стимулирование инвестиционной активности. Такой политикой обеспечиваются улучшение качества и разнообразие товаров, предотвращение дороговизны, а, следовательно, повышение жизненного уровня населения и качества жизни. Конституционный строй,

обязывающий государство поддерживать защиту конкуренции, - наилучший союзник экономического и социального прогресса.

Литература:

1. Ковачев Д.А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность. // Журнал российского права. 1997. №9. С.73
2. Гаджиев Г.А. Конституционное законодательство России. / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец, 1999. – С. 382.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

О. А. Бухтоярова

Прокуратора Ленинского р-на г. Новосибирска

В соответствии с ч.1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 ГПК РФ гражданское дело может быть возбуждено по заявлению лица, выступающего от своего имени в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Согласно статье 131 ГПК РФ в исковом заявлении прокурора должен быть указан истец; а также, интересы каких лиц, указанных в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, защищает прокурор, в чем конкретно заключаются эти интересы и какое право нарушено.

В соответствии с ч. 2 ст. 38 ГПК РФ сторонами в гражданском судопроизводстве являются истец и ответчик. Лицо, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, извещается судом о возникшем процессе и участвует в нем в качестве истца.

Таким образом, в иске прокурора возникает два истца: «процессуальный» истец - прокурор, который подает и подписывает иск, и «материальный» истец, чьи интересы защищает прокурор. Происходит формальное совпадение указанных лиц в термине «истец» и в правоспособности. Однако их права разные.

Следовательно, необходимо законодательное разграничение процессуальной правоспособности и реализации материальной правоспособности в гражданском процессе только «материальным» истцом, поскольку гражданско-

процессуальное законодательство не проводит четкого и очевидного разграничения полномочий «процессуальных» и «материальных» истцов.

На практике возникает достаточно споров о правах «процессуальных» истцов. Именно поэтому Постановлением Конституционного суда РФ № 4-П от 14 февраля 2002 г. в отношении правового статуса прокурора, подающего иск в интересах другого лица, разъяснено, что прокурор не является субъектом спорных материальных правоотношений, но в качестве лица, участвующего в деле, он пользуется соответствующими процессуальными правами. Прокурор не должен действовать вопреки воле лица, в частноправовых интересах которого он обращается в суд и который как предполагаемый субъект спорных материальных правоотношений участвует в гражданском процессе в качестве истца.

Статья 44 АПК РФ устанавливает, что сторонами в арбитражном процессе являются истец и ответчик. Истцами являются организации и граждане, предъявившие иск в защиту своих прав и законных интересов.

В ч. 3 ст. 52 АПК РФ указано, что прокурор, обратившийся в арбитражный суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца.

Если прокурор имеет только процессуальные права, то необходимо догадываться, что должен быть и «материальный» истец, чьи права защищает прокурор.

Однако часть 4 ст. 52 АПК РФ, указывающая, что отказ прокурора от предъявленного им иска не лишает истца права требовать рассмотрения дела по существу, если истец участвует в деле, дает право толковать её так, что «материальный» истец может отсутствовать в иске прокурора. Тогда возникает вопрос, кто будет стороной в деле, т.е. истцом в материальном смысле в соответствии со ст. 44 АПК РФ.

По недействительным сделкам, совершенным унитарными предприятиями, «материальными» истцами будут органы государственной власти Российской Федерации, субъекта РФ и органы местного самоуправления как их собственники (учредители) на основании ст. 125 ГК РФ. В соответствии со ст. 129 Конституции РФ и ст. 4 ФЗ «О прокуратуре РФ» прокурор не входит в систему органов законодательной и исполнительной власти и не может представлять их интересы в суде.

Если прокурор - «процессуальный» истец, то он имеет только процессуальные права, к примеру, имеет право знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства, задавать вопросы, обжаловать судебные постановления и т.д.

Прокурор не может распоряжаться материальным правом, а именно, заключать мировое соглашение, признавать обстоятельства, освобождающие ответчика от предоставления доказательств, получать исполнительный лист как взыскатель и обжаловать действия (бездействия) судебного пристава-исполнителя и т.д. К прокурору не может предъявляться встречный иск, т.к. он не сторона в процессе, т.е. он не «материальный» истец и не взыскатель,

он не имеет обязанности по уплате судебных расходов. При отказе в иске прокурору судебные расходы ответчика возмещаются за счет бюджета (ст. 102 ГПК РФ).

Действующее законодательство позволяет рассматривать иск без «материального» истца в случае предъявления иска прокурора в интересах неопределенного круга лиц в гражданском процессе, для которого характерна количественная неопределенность и отсутствие конкретного «материального» истца. В таком иске нет возможности для встречного иска, т.к. защищается не частный интерес, а общий интерес неопределенного круга физических лиц, т.е. защищается нарушенное публичное (общественное) право. По таким искам прокурор является взыскателем, а исполнительное производство касается только пресечения противоправных действий ответчика и не исполняется что-либо в пользу частного лица.

О необходимости законодательного разграничения правоспособности «материального» и «процессуального» истцов также вынуждает неочевидность и внешнее сходство исков прокурора и административных исков контролирующих органов исполнительной власти.

В соответствии со ст.ст. 46, 48 Налогового кодекса РФ право на предъявления иска о взыскании налога в суд имеют органы налоговой и таможенной службы.

Также, в соответствии со ст. 25 Федерального закона РФ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» органы Пенсионного фонда РФ имеют право взыскивать недоимки по страховым взносам, пени и штрафы в судебном порядке.

Однако прокурор подаёт иск в суд не как контролирующий орган за понуждением выполнения норм административного права в исках о защите прав неопределенного круга лиц, а как лицо, действующее в чужом интересе в силу закона и иск прокурора необходимо отграничивать от административных исков, т.к. органы, осуществляющие контрольные функции, выступают в суде от своего имени и в защиту своих прав в силу закона, т.е. являются истцами (в процессуальном и материальном смысле) и защищают в суде надлежащее исполнение административных норм. К ним можно предъявить встречный иск, т.к. каждому исковому заявлению всегда корреспондируется право на предъявление встречного искового заявления. Они будут взыскателями в исполнительном производстве.

Полагаю, что в гражданском судопроизводстве должно быть обозначение «процессуальных» и «материальных» истцов и оно должно быть столь детальным, насколько это необходимо для однозначной идентификации полномочий соответствующих лиц.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПЕРЕСТРАХОВАНИЕМ, В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

А. К. Кусаннова

Казахский Гуманитарно-юридический университет (г. Алматы)

С самого начала хотелось бы оговориться, что в рамках одной научной статьи невозможно охватить все аспекты проблемы, поэтому автором была предпринята попытка осветить лишь один аспект проблемы.

Страхование первично по отношению к перестрахованию, но, по мнению автора, это не является основанием применения в данном случае аналогии закона, такое правоприменение не всегда является оправданным. В особенности, учитывая тот факт, что с перестрахованием тесным образом связаны такие важные для государственного регулирования процессы, как “money laundering” и “tax optimization”. Далее мы рассмотрим нормы, регулирующие непосредственно перестрахование, особое внимание будет уделено Постановлению Агентства РК по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций, касающемуся рейтингов финансовой надежности перестраховщиков, в заключении будут высказаны некоторые умозаключения автора и предложения по законодательной инициативе в области перестрахования (*de lege ferenda*).

Страхование принято считать «арифметикой», перестрахование – «высшая математика». Мы полагаем, это и явилось причиной отсутствия в нормативном регулировании перестрахования некой целостности: для законодателя перестрахование является слишком высокой и сложной материей. Хотя подобное явление присуще не только законодателю, но и менеджменту многих страховых компаний, который считает перестрахование расходной статьей и по данной причине старается удерживать все риски на себе. Такой подход к перестрахованию считаем дилетантским, что и попытаемся доказать ниже.

Основной функцией перестрахования является обеспечение защиты страхового портфеля и его сбалансированности, а также возмещение убытков посредством перераспределения страхового фонда. Почему сбалансированность портфеля так важна для страховщика? От однородности рисков зависит устойчивость страхового портфеля, что увеличивает точность прогнозирования страховых операций: «при достаточно общих условиях действие большого числа случайных факторов приводит к такому результату, который практически не зависит от случая». Важно добиться идентичности рисков, что и достигается посредством перестрахования. Мнение о том, что перестраховщик снижает размеры убытка, является ошибочным, оно создает более комфортные условия для страховой компании в случае ликвидации последствий убытков. Осуществление выплат по данным убыткам никоим образом не должно отражаться на финансовом состоянии компании.

Бурное экономическое развитие, наблюдающееся в данный момент в Казахстане, способствует увеличению спектра рисков, а, следовательно, и потребностей в страховании. Страхование нуждается в жестком законодательном регулировании по многим причинам, укажем две наиболее важные на наш взгляд:

1. Страховые отношения – это общественное перераспределение капиталов, за которым необходим специальный надзор;
2. Это стратегический сектор экономики, который будет способствовать переходу к социально-ориентированному рыночному росту государства.

В настоящее время считаем необходимым осуществить плавный переход от пруденциального к интегрированному регулированию, т.к. наблюдается постоянное объединение страхового и банковского капиталов в рамках единых финансовых групп с целью предоставления комплексных финансовых услуг, что ведет к объединению систем контроля за страховым и банковским сектором, налоговых и других органов.

Анализ “перестраховочного” законодательства было бы логичным начать с Гражданского Кодекса – “конституции рыночной экономики” - в котором непосредственно перестрахованию посвящена одна-единственная статья 842, в которой даже не дается четкого определения перестрахования. Для уяснения понятия перестрахования нужно обратиться к статье 3 Закона РК “О страховой деятельности”, которая гласит “перестрахование – деятельность и связанные с ней отношения, возникающие в связи с последующей передачей всех или части страховых рисков, принятых страховой организацией по договору страхования, перестраховочной организации в соответствии с заключенным между ними договором перестрахования”. Считаем данная норма нуждается в редакции, в перестрахование риски может принимать также страховая компания, к тому же, на данный момент в Казахстане пока отсутствуют перестраховочные организации.

Далее в абзаце 2 п.3 Ст.824 ГК РК законодатель дает указания касательно применения к договору перестрахования требований, предъявляемых к договору страхования. 30 сентября 2005 г. в Инструкцию по оформлению страхового полиса, утвержденную постановлением Правления Национального Банка РК от 15 февраля 2000г., Постановлением Правления Агентства РК по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций были внесены изменения и дополнения касательно указания сектора экономики, статуса резидентства и валюты договора. Некоторые страховщики решили, что данное требование относится и к договорам перестрахования, считаем данное мнение неверным, т.к. согласно Ст.825 ГК, выдача страхового полиса является формой заключения договора страхования путем присоединения страхователя к типовым правилам страхования. Инструкция же регулирует содержание только страхового полиса, а содержание договора страхования четко регулирует ст. 826 ГК, следовательно, нужно внести изменения в ГК РК, чтобы обязать

страховщиков указывать сектор экономики/ статус резидентства в договоре страхования/перестрахования.

В практике страховых компаний отсутствует единообразие даже в наименовании договора перестрахования: используются такие понятия, как “перестраховочная ковер-нота”, “кавер-нота”, “перестраховочный слип” и др. Считаем, использование данных формулировок необоснованным, т.к. в статье 824 четко упоминается наименование данного договора, а именно “договор перестрахования”.

Понятие “ретроцессия” вообще отсутствует в Гражданском Кодексе и других нормативных актах, единственно в п.5 Ст.824 ГК РК можно обнаружить ссылку на договор ретроцессии: “допускается последовательное заключение двух или нескольких договоров перестрахования”. Считаем, необходимым дать официальное определение договора ретроцессии.

Далее перейдем к правовому регулированию форм перестрахования. Закон “О страховой деятельности” четко не регулирует необходимость наличия у страховой организации лицензии по перестрахованию при осуществлении исходящего и входящего непропорционального перестрахования, страховщикам остается только логически догадываться, что на самом деле имел в виду законодатель. В п.2 Ст.9 настоящего закона мы можем найти следующую норму: “Наличие лицензии по перестрахованию предоставляет право лицензиату на осуществление деятельности как по пропорциональному, так и непропорциональному перестрахованию”. В данном контексте употребляя выражение “деятельность по пропорциональному /непропорциональному перестрахованию”, законодатель имеет ввиду именно входящее перестрахование, а не исходящее. Отсюда следует, что исходящее непропорциональное перестрахование законодатель не лицензирует, т.к. не считает его как таковой деятельностью по непропорциональному перестрахованию. Считаем необходимым внесение изменений в вышеуказанную норму или издания подзаконного акта с официальным толкованием данной нормы.

Главной функцией государственного регулирования является создание благоприятных условий для того, “чтобы люди заключали договоры страхования в финансово-устойчивых страховых организациях, имеющих лицензии, деятельность которых регулируется органами надзора. Иными словами, чтобы страховые организации не только собирали премии, но и при наступлении страхового случая людям выплачивались страховки”. Государственное регулирование может двояко отразиться на развитии страхового рынка: это может быть как прогресс, так и регресс.

Основной проблемой в государственном регулировании перестрахования было обеспечение надежности операций при передаче рисков в перестрахование за пределы государства. Данная проблема была решена посредством установления минимальных требуемых рейтингов финансовой надежности перестраховочных организаций-нерезидентов РК, что и было отражено в Постановлении Агентства РК по регулированию и надзору

финансового рынка и финансовых организаций (29.10.2005 г. была принята новая редакция данного Постановления). На наш взгляд, причины принятия вышеназванного Постановления следующие:

1. уровень финансовой устойчивости перестраховочных организаций должен снизить до минимума риск неисполнения ими своих обязательств по договорам перестрахования, принятых от страховых организаций-резидентов РК;

2. попытка, если не пресечения, то хотя бы усложнения процедуры “money laundering/ washing” через казахстанские страховые компании.

Думаем, последнее является основной причиной того, что в новой редакции Постановления рейтинг российского рейтингового агентства “Эксперт-РА” действителен только до 1 апреля 2006г.

Наконец-то, новой редакцией вышеназванного Постановления были также внесены изменения касательно необходимости наличия у страхового брокера-нерезидента, при посредничестве которого осуществляется перестрахование рисков, определенного рейтинга одного из рейтинговых агентств. С 2000г. страховщики пытались объяснить надзорному и контролирующему органу, что страховые/перестраховочные брокеры не могут иметь рейтинг финансовой надежности, как перестраховочные организации, т.к. не несут обязательств по возмещению убытков в случае возникновения страхового случая. Но как и во всем мире, власти в лице государственных служащих обычно не понимают бизнес, как не понимают и потребности рынка. 29 октября прошлого года были внесены соответствующие изменения в Постановление, но п. 2 ст.15 Закона «О страховой деятельности» также нуждается во внесении соответствующих изменений, тем более что исходя из иерархии законодательных актов, закон обладает приоритетной силой перед нормативным подзаконным актом.

Единственное радует, что наш надзорный орган не догадался, как на Украине, сделать привязку ставок налогообложения к рейтингам перестраховочных организаций.

Также хотелось бы отметить, что настоящее Постановление АФН вступает в противоречие с некоторыми соглашениями о разделе продукции, в которых недропользователям (иностранным инвесторам) предоставляется право осуществлять перестрахование в своих кэптивных перестраховочных организациях и которые в большинстве случаев являются нерейтинговыми. Согласно, ст. 71 Закона РК “О недрах и недропользовании” недропользователю гарантируется защита его прав. Любые изменения и дополнения, ухудшающие положение недропользователя, не применяются к контрактам, заключенным до момента внесения соответствующих изменений и дополнений. Настоящие гарантии не распространяются только на изменения законодательства в области обороноспособности, национальной безопасности, экологической безопасности и здравоохранения, соответственно распространяются на страховое законодательство, а именно на Постановление Агентства РК по регулированию и надзору финансового

рынка и финансовых организаций “Об утверждении перечня рейтинговых агентств и условиях определения рейтинга для перестраховочной организации-нерезидента Республики Казахстан”.

В заключение хотелось бы высказать несколько предложений по законодательной инициативе с целью стимулирования развития страхового рынка Казахстана. В данный момент уже создана благоприятная обстановка на рынке для создания кэптивного законодательства. К перестраховочным кэптивам необходимо подходить не с позиции “ухода от налогов”, а с позиции “налогового планирования” и доступа к более дешевому перестрахованию. “Налоговое планирование” (tax optimization) – «мероприятия, направленные на уменьшение в рамках закона налогооблагаемой базы, создание не облагаемых налогами резервов». В случае надлежащего использования страхового кэптива, он может явиться эффективным инструментом финансирования рисков предприятий и не окажет отрицательного воздействия на налоговые поступления в бюджет.

Скоро грядет вступление Казахстана в ВТО, в рамках которого нам необходимо привести в соответствие с Европейскими Директивами и международным законодательством финансовое, и страховое, в частности, законодательство. Главное не пытаться решить все проблемы простым перенесением западных установлений на нашу почву. Нам следует искать свои пути и средства разрешения указанных проблем!

Литература:

1. Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999г.
2. Закон Республики Казахстан «О страховой деятельности» от 18 декабря 2000г.
3. Закон Республики Казахстан «О недрах и недропользовании»
4. Постановление Правления Агентства Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций «Об утверждении перечня рейтинговых агентств и условиях определения рейтинга для перестраховочной организации-нерезидента Республики Казахстан» от 29 октября 2005г.
5. Инструкция по оформлению страхового полиса от 15 февраля 2000г., Постановление Правления Агентства РК по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций №357 от 30 сентября 2005г.
6. М.Жилкина. Интегнадор: Русский Полис. №4 (38) – апрель, 2003.
7. Т.Жукова. За здравие рынка: Русский Полис. №8 (53) – август, 2004.
8. Алевтина Данских. Страховщики ЕврАзЭС будут играть по единым правилам. Казахстанская правда, №301(24911)-302(24912), 05.11.05.
9. Дана Ешимова. Законодательная база страхования в Казахстане. Состояние и перспективы развития. Юрист – справочная ситема. ЮРИСТ 4.0.
10. С.Ю. Перевозчиков. Кэптивное страхование. Юрист – справочная ситема. Юрист 4.1.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 15.05.2006 г.
Формат 60х84 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 15,62. Тираж 100 экз.
Заказ № 223

Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.